С. П. Писаревъ.

ПАМЯТНАЯ КНИГА

г. Смоленска.

ИСТОРИКО-СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ,

УКАЗАТЕЛЬ И ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

Изданіе книжнаго магазина С. А. КЛЕСТОВА.

Смоленскъ.
Паровая типо-литографія Я. Н. Подземенаго.
1898.

Дозволено цензурою 13 Апрѣля 1898 г., Вильна.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Въ 1894 году издана была мною книга: «**Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ**», въ которой на ряду съ исторіей Княжеской мѣстности по связи фактовъ излагалась исторія и самого города Смоленска; но тѣсный районъ задачи не дозволилъ тогда помѣстить многое, что открылось предъ нами путемъ наблюденій и разныхъ изслѣдованій. Настоящая книга дополняетъ первую.

Введено, здѣсь изображеніе до исторической поры Смоленска въ связи съ теоріей о развитіи первичныхъ городковъ въ города; выясняется отношеніе смольнянъ къ кривичамъ, или «*верховымъ воямъ*», какъ они иногда именовались, въ отношеніи положенія ихъ на верховьяхъ трехъ большихъ рѣкъ; опредѣляется вѣчевое устройство и расположеніе Смоленска (главы III и XI). Разслѣдованіе коснулось также уясненія сбивчиваго преемства и родословія князей Смоленскихъ, благодаря чему опредѣлилась послѣдовательность договоровъ Смоленскихъ князей съ нѣмцами. Исторически разработано и хронологически поставлено въ соотвѣтственномъ мѣстѣ «Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ»; изъ дальнѣйшаго хода дѣла становится понятно, какъ смольняне попали подъ иго татаръ.

Пришлось много потрудиться надъ запутаннымъ перечисленіемъ количества Смоленскихъ епископовъ и хронологіей ихъ; въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сказать, что списокъ ихъ совсѣмъ измѣнился. Опредѣлено время дѣятельности преподобнаго Авраамія Смоленскаго и разработано, «Житіе» его. Стало ясно религіозное состояніе Смоленска въ Литовскій періодъ. Въ главѣ о Московскомъ владычествѣ надъ Смоленскомъ мы старались, по «Росписи» М. Б.

Шеина, опредѣлить расположеніе состава населенія города передъ осадой его Сигизмундомъ III. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось пользоваться и содержаніемъ первой книги, но преимущественно въ ея выводахъ.

Въ дальнѣйшей работѣ расширено нами изображеніе состоянія Смоленска въ 1812 году примѣнительно къ всему городу, а не Княжеской только мѣстности. Положенъ починъ характеристики современнаго Смоленска въ разныхъ явленіяхъ его жизни, причемъ нѣкоторыя части этого очерка современности принадлежатъ издателю.

Старинный городъ, особенно Смоленскъ, игравшій важную роль въ государственной жизни Руси (включая и 1812 годъ), интересенъ для путешественника прежде всего своими древностями; но до сихъ поръ не было составлено «Указателя» древностей Смоленскихъ Въ этой книгѣ читатель найдетъ и **Путеводитель** по древнѣйшимъ пунктамъ города и **Указатель** всего достопримѣчательнаго въ Смоленскѣ. Слѣдуетъ упомянуть, что въ этихъ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ книги внесено для исторіи и археологіи очень много новыхъ подмѣченныхъ авторомъ фактовъ.

Оказывается, что Смоленскъ не безынтересенъ и для туристовъ.

4 Февраля
1898 г.

С. Писаревъ.

I Общее расположеніе Смоленска въ настоящее время.

Смоленскъ лежитъ на Днѣпрѣ, по обоимъ берегамъ этой рѣки. Живописно расположился онъ на холмахъ, пересѣкаемыхъ многими ручьями и рѣчками, между которыми пріютились деревья, размѣстились сады; а среди нихъ, по холмамъ и по оврагамъ виднѣются разныя постройки: большія и малыя деревянныя и каменныя, *разныхъ фасоновъ*, иногда своеобразныхъ стилей. Надъ ними же, по преимуществу, по холмамъ высятся храмы. Такъ что Смоленскъ, если смотрѣть на него съ долины Днѣпра, куда ведутъ двѣ желѣзныя дороги (Московско-Брестская и Риго-Орловская), представляетъ собою, особенно въ лѣтнюю пору, рѣдкое разнообразіе видовъ и отдѣльныхъ занимательныхъ ландшафтовъ, которые такъ и просятся подъ карандашъ, фотографію или подъ кисть живописца.

Прежде всего, когда путешественникъ подъѣзжаетъ къ Смоленску по желѣзной дорогѣ, предъ нимъ особенно рельефно рисуется центральная и древнѣйшая часть города, расположенная на холмахъ лѣвой стороны Днѣпра (Днѣпръ въ Смоленскѣ направляетъ свое теченіе отъ востока къ западу) и опоясанная каменною стѣною времени Бориса Годунова, которую въ старину называли *«Дорогимъ ожерельемъ Россіи»*. Эта часть города и есть бывшая славная крѣпость Смоленская, изъ за обладанія которой происходили упорныя и кровопролитныя битвы Московскаго государства съ Литвою и Польшею.

Среди крѣпости еще издали на особомъ холмѣ, или по древнему названію: *«у Богородицы на горѣ»*, красуется громадное зданіе храма съ 5-ю куполами, обитыми бѣлой жестью, и съ позолоченными главами, ярко блистающими при солнцѣ,—это есть Успенскій соборъ [1]). Онъ сразу выдѣляется изъ массы городскихъ зданій какъ своею грандіозностью, такъ и своимъ открытымъ видомъ, и кажется стоящимъ выше города. Къ нему прилегаетъ Теплый соборъ, Архіерейскій домъ и другія строенія этой группы, или Соборнаго холма.

---

[1]) Смотр. на планѣ цифр. 1.

Отъ собора въ гору и внутрь крѣпости до воротъ городской стѣны, называемыхъ Молоховскими [1]), идетъ прямая *большая улица* Благовѣщенская пересѣкающая всю крѣпость попаламъ. [2]) Отъ нея влѣво начнется поперечная улица, направляющаяся *къ Аврамiевскому монастырю*, знаменитой прежде святынѣ города. А вправо поперечныя улицы ведуть одна—къ *Вознесенскому монастырю* и къ Королевскому бастiону; а другая, главная улица въ городѣ, называемая *Кирочной* (отъ нѣмецкой Кирхи), ведетъ къ *Блонью*, самому центральному пункту Смоленска. Теперешнее Блонье [3])—это городской садъ, вокругъ котораго расположены почти всѣ присутственныя учрежденiя, губернаторскiй домъ, гимназiя и реальное училище. Блонье находится внутри городской стѣны, или крѣпости.

За стѣною же расположившiеся два отдѣльныхъ квартала улицъ называются общимъ именемъ *Слободокъ*: рядъ улицъ по правую сторону Молоховской площади есть Солдатская слободка [4]), а по лѣвую — Офицерская [5]). Прежде тутъ, дѣйствительно, были скромныя слободки, образовавшiяся въ царствованiе импер. Екатерины II; но въ недавнее время Смоленскъ сталъ распространяться въ направленiи этихъ пунктовъ, на ровномъ пространствѣ ихъ, и явилось большое количество новыхъ улицъ съ красивыми домами.

За крѣпостью восточное предмѣстье, расположенное вверхъ по берегу Днѣпра, на лѣвой его сторонѣ называется теперь *Рачевка* [6]) (отъ рѣчки того же имени), а прежде носило названiе *Духовское* предмѣстье (отъ монастыря св. Духа, представляющаго теперь развалины).

Къ западу за стѣною, по берегу Днѣпра, расположена *Богословская улица*, которая приводитъ въ *Свирскiй посадъ*, бывшую Княжескую мѣстность города.

На противоположной, или правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ вокзалъ, мѣстность называется *Петропавловскiй приходъ*. Восточная

---

[1]) На планѣ цыфра II.

[2]) Цыфра III.

[3]) На приложенномъ планѣ означено цыфрой IV.

[4]) Въ планѣ цыфр. V.

[5]) Смотр. цыфр. VI.

[6]) На планѣ отмѣчено цыфр. VII.

часть вверхъ теченія Днѣпра, противъ Рачевки — называется *Ямщина.* А средина Заднѣпровья, что противъ крѣпости, есть, по преимуществу, купеческая часть города и *Торговая площадь*; надъ нею возвышается *Покровская гора* съ Богоугодными заведеніями.

II. Доисторическая пора Смоленска.

Начало Смоленска скрывается въ отдаленной древности. Поселенцы славянскаго племени, называвшіеся *смолянами*, отъ которыхъ получилось и имя города [1]), въ незапамятныя времена, въ эпоху еще существованія непроходимыхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, проникнувъ по Днѣпру въ эту мѣстность, можетъ быть, тогда еще никѣмъ не занятую, облюбовали себѣ выдавшійся къ рѣкѣ высокій и красивый выступъ берега (по теперешнему: Соборный холмъ), граничащій съ одной стороны рѣкою, а съ двухъ сторонъ глубокими долинами, и поселились на немъ; оградились земляным валомъ, существованіе котораго и до сихъ поръ можно примѣчать, разсматривая мѣстность [2]); мало того, предохранили себя и со стороны материка отъ нападенія непріятелей, также и отъ дикихъ звѣрей, которыхъ много водилось въ первобытныхъ лѣсахъ: въ узкомъ мѣстѣ, или перешейкѣ, между двумя параллельными долинами, они перерѣзали мысъ материка глубокимъ рвомъ, названнымъ впослѣдствіи *Сухой ровъ*; этотъ ровъ служилъ и для сообщенія жителямъ одной долины съ другою [3]). Итакъ явился *холмъ-городокъ*, первичное укрѣпленное мѣсто, гдѣ можно было съ безопасностью укрыться отъ нападеній.

Безопасность защиты при существованіи городка, почти неприступнаго для непріятелей, влекла къ себѣ поселенцевъ въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другіе городки — первичныя селенія. Съ увеличеніемъ количества обитателей стали заселяться и долины у холма, и сосѣдніе выступы берега (нынѣ Воскресенскій и Георгіевскій). Большой водный путь доставлялъ возможность постоянныхъ сношеній съ другими селеніями и вверхъ

---

[1]) Объ этомъ обстоятельно изложено въ изданной мною книгѣ: «Княж. мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ» — изд. 1894 г. стр.: 78 79.

[2]) Смотр. ibidem 201 стр.

[3]) Тамъ же: 179, 233, 280 стр.

по Днѣпру, и внизъ его теченія, также и по притокамъ этой судоходной рѣки; а чрезъ волоки съ жителями мѣстностей другихъ большихъ рѣкъ и водныхъ системъ [1]). Заводился черезъ посредство рѣкъ обмѣнъ предметовъ, произведеній и продуктовъ иногда со странами очень отдаленными. Послѣдовательно, съ развитіемъ знакомства съ сосѣдями, стали прокладываться и сухопутныя, болѣе краткія и прямыя дороги другъ къ другу; напримѣръ: еще въ доисторическую пору проложена была изъ Смоленска дорога къ радимичамъ, на рѣку Сожъ, протокающую въ 12-ти верстахъ отъ Смоленска [2]). Такимъ образомъ, это населенное мѣсто очень рано становится посредникомъ въ сношеніяхъ съ сосѣдями, дѣлается узломъ торговли. На территоріи Смоленска и его уѣздовъ находятъ иногда въ почвѣ монеты, чеканенныя въ древнѣйшее время и въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, попавшія сюда, конечно, при существованіи торговыхъ сношеній; напр.: во множествѣ встрѣчаются разныя арабскія монеты отъ 7-го до 11 вѣка по Рождествѣ Христовомъ, изрѣдка попадаются греческія монеты 6-го и 4 вѣковъ, ольвійскія 2 вѣка, и даже находятъ римскія монеты времени Рождества Христова (хранятся въ Смол. историко археол. музеѣ). Очень возможно, что Смоленскій городокъ существовалъ уже въ то время.

Въ торговомъ пунктѣ, производившемъ свои сношенія, главнымъ образомъ по рѣкѣ, населеніе сосредоточивалось по берегу Днѣпра. Здѣсь, въ узкомъ пространствѣ долины, жители ютились домами одинъ надъ другимъ, и своею численностію, или массою, могли давать отпоръ врагу. А нагорная сторона въ раннюю эпоху хорошо еще не была защищена.

---

[1]) Теченіе Днѣпра въ теперешней Смоленской губерніи въ достаточномъ количествѣ было надѣлено естественными водными переходами изъ одной рѣчной системы въ другую. Разсматриваніе расположенія поверхлости земли часто наталкиваетъ на эту мысль людей, даже необзадаченныхъ изслѣдованіями. Напримѣръ, указываютъ, что и въ настоящее время существуютъ въ верховьяхъ Днѣпра топкія мѣста и озера съ истоками въ двѣ разныя стороны, или въ двѣ системы рѣкъ.

[2]) Изъ верховья Сожа существовалъ также и водный передаточный путь въ Днѣпръ (а потомъ въ Смоленскъ), именно – чрезъ протокъ, теперь уже скудный водою, находящійся близъ нынѣшней деревни Сумароково (Смолен. у., прихода села Бобыри). Въ отдаленныя первобытныя времена пунктъ, гдѣ соединяется этотъ протокъ съ Сожемъ, былъ люднымъ мѣстомъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Доказательствомъ тому служитъ большое количество могилъ—кургановъ, оставшихся отъ этого населенія; курганы двухъ типовъ и двухъ разныхъ процессовъ погребенія. Видно, что здѣсь пришли въ соприкосновеніе два племени (смоляне и радимичи). Отъ этого же пункта направлялась древнѣйшая дорога съ Сожа въ Смоленскъ.

Торговля обогащаетъ жителей. Богатому населенію надо было позаботиться оградить себя и со стороны материка, особенно въ ту пору, когда пролегли уже дороги, по которымъ какіе либо грабители могли внезапно проникнуть сюда сухимъ путемъ. И вотъ по требованію обстоятельствъ жизни, Смоленскъ разновременно укрѣпляютъ двумя линіями валовъ, между которыми было Блонье, или Оболонье, какъ и въ другихъ древнихъ русскихъ городахъ. Первая линія ограждала населеніе на протяженіи отъ Авраміевскаго монастыря до Воскресенской церкви и съ той и другой стороны спускалась къ Днѣпровской долинѣ [1]). Это есть *старый городъ*. А первичный городокъ сдѣлался *внутреннею крѣпостію*, кремлемъ, дѣтинцемъ (гдѣ оберегали дѣтей во время войны); называли и дѣдинцемъ (отъ дѣдовъ), оттого — уважаемое и священное мѣсто въ городѣ. Блонье же, по древнему, есть внѣшній городъ; валъ его служилъ главною защитою. Въ случаѣ неудачи защитники могли перебѣжать въ старый городъ, за второй валъ, и оттуда отражать враговъ. То пространство Блонья, которое было удалено отъ рѣки, на первыхъ порахъ заселяясь слабо; оттого имъ пользовались и для выгона скота, покровителемъ котораго считали идола Волоса (или Велеса), поставляемаго иногда на Оболоньяхъ. Скотъ выгоняли и за городъ, преимущественно, чрезъ Копытецкія ворота, получившіе свое названіе отъ «копыта». Внѣшній валъ Блонья сохраняется во многихъ мѣстахъ и до сего времени; онъ, какъ устроенный уже при разростаніи города, захватилъ въ себя 4-й выступъ берега (по теперешнему—Казанскій), и тоже упирался въ Днѣпръ, при чемъ замѣтно, что разростаніе города шло больше къ западу, внизъ по теченію Днѣпра. Линія же по берегу этой рѣки тогда оставалась открытою, безъ сомнѣнія, въ виду ея безопасности и для свободы сношеній по рѣкѣ. Долины, находящіяся по двумъ сторонамъ первичнаго городка (Соборнаго холма) назывались *Подоліе*. За Молоховскими воротами было уже «*Поле*», гдѣ иногда смольняне встрѣчали враговъ [2]).

---

[1]) Подробнѣе въ кн.: «Княж. мѣстность» стр. 201.

[2]) И то и другое видно изъ Легенды о св. Меркуріѣ Смоленскомъ.

III. Первыя лѣтописныя извѣстія о Смоленскѣ.

Въ историческую пору, по призваніи варяговъ, Смоленскъ является уже, какъ многолюдный городъ. Аскольдъ и Диръ, воинственные варяги, въ 865 году по Рожд. Христовомъ, плывя *«съ родомъ своимъ»* изъ Новгорода по Днѣпру у Смоленска, не рѣшились овладѣть этимъ городомъ: *«не явистася въ Смоленску*: зане (потому что) *градъ* (былъ уже тогда) *великъ и многъ людьми*; а поплыли далѣе и завладѣли Кіевомъ [1]).

Смоляне не участвовали въ призваніи варяговъ, какъ напр.: кривичи, въ составъ которыхъ они, потомъ, вошли. Смоленскъ во все время княженія Рюрика съ братьями былъ самостоятельнымъ, независимымъ городомъ, между тѣмъ, какъ у кривичей въ большомъ ихъ городѣ Изборскѣ княжилъ братъ Рюрика Труворъ. Но когда у кривичей кн Труворъ умеръ, то ихъ городъ пересталъ быть стольнымъ городомъ, перешелъ къ Рюрику, а потомъ къ Игорю, именемъ котораго правилъ государствомъ Олегъ. Въ 882 году Олегъ, собравши на Аскольда и Дира много войска, въ числѣ котораго, нужно замѣтить, были кривичи, и плывя въ судахъ по Днѣпру чрезъ Смоленскъ въ Кіевъ *«съ кривичами»*, какъ говорятъ лѣтописи, подчинилъ этотъ городъ власти малолѣтняго кн. Игоря и посадилъ тамъ «мужь свои» (намѣстника). Такъ введенъ былъ Смоленскъ въ составъ начавшагося Русскаго государства Если не различать смолянъ отъ кривичей, то выйдетъ здѣсь, что кривичи идутъ войною сами на себя. Ясно, что до сего времени смоляне представляли особую часть славянскаго племени, рознясь отъ кривичей и въ политической жизни. Когда Смоленскъ подчинился Олегу, то и смоляне и кривичи оказались въ одномъ положеніи. Мало того, такъ какъ Смоленскъ по великому водному пути ближе всего прилегалъ къ кривичамъ, да они принимали и главное участіе въ подчиненіи Олегу города, вѣроятно, и дружина, оставленная въ Смоленскѣ съ намѣстникомъ, была тоже изъ кривичей: то постепенно оба племени начали объединяться въ политической жизни. Смоленскъ, какъ большой городъ, отъ этого еще болѣе выигралъ въ своемъ значеніи и благосостояніи; а Изборскъ осла-

---

[1]) «Сводная лѣтоп. Лейбовича стр. 17.

бѣвалъ. Въ счетъ его стали развиваться, во-первыхъ, сосѣдній пригородъ Новгородскій, или словенскій—Псковъ [1]); во-вторыхъ, Полоцкъ, городъ кривичскій.

Въ 907 году Олегъ, овладѣвши Царь-градомъ беретъ дань съ грековъ на свои большіе города, въ которыхъ намѣстниками сидѣли «велицы люди подъ Ольгомъ». Въ числѣ этихъ городовъ есть Полоцкъ и Смоленскъ, а Изборска нѣтъ: Смоленскъ получилъ, значитъ, преобладающее значеніе надъ Изборскомъ, какъ и Полоцкъ. Къ концу 11-го и въ началѣ 12 вѣка лѣтописецъ Несторъ, опредѣляя территорію кривичей: верхъ Волги, верхъ Двины и верхъ Днѣпра, прибавляетъ уже слѣдующее: *«ихъ же градъ есть Смоленскъ»* (т. е. сдѣлался къ его времени, а прежде не былъ кривичскимъ городомъ).

При великихъ князьяхъ Игорѣ, Святославѣ, Ярополкѣ и въ началѣ правленія Владиміра I Святого въ Смоленскѣ были намѣстники князя. Но къ концу своей жизни Владиміръ Святой, распредѣляя государство на удѣлы между своими 12 сыновьями, избираетъ изъ многихъ городовъ самые лучшіе, которые назначались быть мѣстопребываніемъ (резиденціею) удѣльныхъ князей, и стоять въ главѣ цѣлой области. Попадаютъ въ число 12 этихъ почетныхъ городовъ и Полоцкъ, долженствующій быть центромъ кривичей, и особо Смоленскъ. Этимъ отмѣчается, что онъ, по составу населенія, былъ не чисто кривичскій городъ [2]). Владиміръ I. предназначаетъ его въ удѣлъ малолѣтнему своему сыну Станиславу; но онъ по малолѣтству не могъ явиться сюда [3]). Владиміръ Святой столь высоко цѣнилъ Смоленскъ потому, что онъ лично посѣщалъ его, путешествуя въ Новгородъ, и видѣлъ, что

[1]) Такъ что Изборскъ, бывшій „большой градъ въ Кривичехъ", сдѣлался потомъ пригородомъ Пскова.

[2]) Думать надо такъ: къ племенному центру смольнянъ, сдѣлавшемуся, благодаря выгодному мѣстоположенію и великому водному пути, торговымъ и богатымъ, притянулись окружающія селенія и другихъ нѣсколькихъ племенъ, пришедшихъ на этой территоріи въ непосредственное соприкосновеніе, и Смоленскъ, съ теченіемъ времени представилъ собою уже не только племенный центръ, но и политическій. Разносоставность населенія замѣтна даже въ настоящее время, напр.: въ говорахъ по разнымъ уѣздамъ и селеніямъ, а особенно въ костюмахъ, преимущественно женскихъ. Достойна наблюденія въ этомъ отношеніи картина стеченія простонародья въ Смоленскъ ко дню Вознесенія Господня. Каждая группа идущихъ имѣетъ свои традиціонные наряды и одежду. Это разнообразіе въ многотысячной толпѣ такъ рѣзко бросается въ глаза, что рельефно убѣждаетъ въ разноплеменности смоленскаго населенія.

[3]) Архангел. лѣт.

это знатный и большой городъ. Есть преданіе, занесенное въ нѣкоторыя древнія рукописи, что кн. Владиміръ пріѣзжалъ въ Смоленскъ и для крещенія смолянъ. Крещеніе это, по одной рукописи, пріурочивается къ 1013 году [1]). Крестились, конечно, не всѣ искренно, такъ какъ не могли скоро усвоить истины христіанской вѣры, и новая религія слишкомъ рѣзко измѣняла вѣковой строй жизни и обычаи смолянъ; иные крестились изъ страха къ князю и были полухристіане, полуязычники, ихъ тянуло къ прежнимъ исконнымъ обычаямъ. Скоро Владиміръ І-й умеръ. Кіевскимъ престоломъ завладѣлъ одинъ изъ старшихъ сыновей его Святополкъ, прозванный потомъ Окаяннымъ за убійство трехъ своихъ братьевъ, особенно за убійство невинныхъ и благочестивыхъ кн. Бориса и Глѣба. Владиміръ Святой очень любилъ этихъ двоихъ своихъ сыновей, любила ихъ и дружина, и кіевляне. Борису назначенъ былъ удѣлъ Ростовскій, и онъ жилъ нѣкоторое время въ Ростовѣ, но скоро отецъ вызвалъ его въ Кіевъ на помощь себѣ, быть подручнымъ княземъ; а Глѣбъ княжилъ въ Муромѣ, гдѣ ревностно распространялъ христіанство. Святополкъ считалъ ихъ соперниками на великокняжескій престолъ и постарался освободиться отъ нихъ. По его проискамъ, сначала, былъ убитъ на рѣкѣ Альтѣ благочестивый князь Борисъ, его похоронили въ Вышгородѣ, возлѣ церкви св. Василія. Потомъ, Святополкъ послалъ коварное посольство къ Глѣбу въ Муромъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Кіевъ навѣстить больного отца, который, на самомъ дѣлѣ, уже умеръ и былъ похороненъ. На дорогѣ ожидало Глѣба посольство отъ сестры, чтобы онъ не ѣхалъ въ Кіевъ. А въ Смоленскѣ его стерегли убійцы, посланные отъ Святополка. Сентября 5 числа 1015 года, когда Глѣбъ приплылъ въ Смоленскъ и остановился въ устьѣ рѣки Смядыни [2]), впадавшей въ Днѣпръ, полуязычники смоляне не воспрепятствовали убить ревностнаго христіанина князя, и благочестивый Глѣбъ былъ здѣсь зарѣзанъ поваромъ Горнсѣромъ. Тѣло князя положили между двумя сосновыми колодами, сверху прикрыли хворостомъ. Чрезъ четыре года Ярославъ І-й, утвердясь окончательно на престолѣ, разузнавши, гдѣ лежитъ тѣло мученически скончавшагося брата, ознаменованное къ тому же чудесными явленіями (свѣтъ, видимый ночью надъ могилой), приказалъ привезти тѣло невинно пострадавшаго брата въ Вышгородъ и похоронилъ его рядомъ съ Бори-

[1]) Импер. Публ. библ. Древнехранилище Погодина рук. № 1600.

[2]) См. на планѣ Г.

сомъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Мѣсто погребенія князей-мучениковъ стало ознаменовываться разными чудесами. Въ Кіевѣ сдѣлалось это извѣстнымъ, и рѣшили такъ: «не лѣпо такимъ свѣтильникамъ быти сокровенными подъ землей»! Великій князь Ярославъ, бояре, митрополитъ Іоаннъ и духовенство, въ сопровожденіи народа, съ крестами и иконами отправились въ Вышгородъ. Изнесенныя изъ земли мощи оказались совершенно нетлѣнными. 24 іюля, въ день убіенія Бориса, установлено было ежегодное празднество въ память этихъ св. мучениковъ, также и 5 сентября, въ день мученической кончины св. Глѣба. Вышгородъ прославился; а съ нимъ дѣлается общеизвѣстною и рѣчка Смядынка, мѣсто убіенія св. Глѣба въ Смоленскѣ.

При Ярославѣ I не было въ Смоленскѣ удѣльныхъ князей, а управляли имъ намѣстники; но въ 1054 году Ярославъ, умирая, назначилъ въ Смоленскъ князя, именно—сына своего *Вячеслава*. Ему пришлось не долго жить въ Смоленскѣ, въ 1057 г. онъ умеръ; тогда уже Изяславъ, великій князь кіевскій, посадилъ въ Смоленскъ княземъ другого брата своего *Игоря*, переселивъ его изъ Владиміра (Волынскаго). Съ этого времени князья живутъ въ этомъ городѣ. Начался *удѣльный періодъ* въ Смоленскѣ.

IV. Смоленскъ, какъ удѣльное княженіе.

Въ удѣльную эпоху городъ увеличился въ количествѣ жителей и расширился въ направленіи къ западу. Тамъ образовалась даже новая часть города, и особое укрѣпленіе.

Въ 1015 г., когда убитъ былъ св. князь Глѣбъ, мѣсто это было еще *«пусто»* не заселено, и покрыто *лѣсомъ*; тамъ, говорятъ лѣтописи: *ловили птицъ*, а рыболовы приплывали сюда на свой промыселъ. Но съ приходомъ въ Смоленскъ князей мѣсто это дѣлается люднымъ.

Смоленскъ былъ издревле вѣчевой городъ, управлялся народнымъ собраніемъ: «новгородцы *изначала и смоляне*, и кіевляне, и полочане *на вѣче сходятся* (яко же на Думу); на что старѣйшіе (города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ» (лѣт.). Вслѣдствіе этого появившемуся въ Смоленскѣ князю не удобно было поселиться въ древнемъ пунктѣ, центрѣ города. Обыкновен-

ная характеристика вѣчевыхъ городовъ: раздоры партій, «встань», или возмущенія, могли при совмѣстной жизни возникать изъ-за малой размолвки, изъ-за ничтожныхъ поводовъ у князя со смольнянами. Это неудобство совмѣстной жизни увеличивалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что городъ сначала былъ еще полуязыческій; а князья несли съ собою новую религію. Въ виду этихъ обстоятельствъ смоленскіе князья поселяются не въ городѣ, а особо отъ горожанъ: на окраинѣ города, внизъ по теченію Днѣпра, удерживая за собой выходъ по рѣкѣ къ Чернигову и Кіеву, откуда князья и являлись въ Смоленскъ.

Князя окружали его «мужіе» и «отроки», вообще—дружина, набираемая смоленскими князьями, по большей части, изъ южной Руси. При семействахъ дружинниковъ была «челядь», т. е. слуги. Князья на первыхъ порахъ смѣнялись очень часто: послѣ Игоря Ярославича мы видимъ по лѣтописямъ, смоленскимъ княземъ *Святослава Ярославича*; въ 1073 году—*Всеволода Ярославича*; въ 1077 г.—*Бориса Вячеславича*; въ 1078 г.—*Ярополка Изяславичи*, который чрезъ три мѣсяца изгнанъ былъ *Владиміромъ Мономахомъ*. Онъ посадилъ въ Смоленскѣ сына своего *Мстислава Владиміровича*, потомъ—*Изяслава Владиміровича*; но въ 1095 году *Давидъ Святославичъ* изгналъ его, и самъ сталъ княземъ смоленскимъ. Наконецъ, послѣ съѣзда князей въ Любечѣ, въ 1097 году Смоленскъ окончательно закрѣпляется за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ; послѣ того княжитъ въ Смоленскѣ подручный Владиміру князь, сынъ его *Святославъ Владиміровичъ* до 1113 года; затѣмъ, былъ посаженъ княземъ, другой сынъ Мономаха *Вячелавъ Владиміровичъ*.

Каждый вновь поселявшійся въ Смоленскѣ князь приводилъ въ Княжескую мѣстность свою, его сопровождавшую дружину. При смѣнѣ князя всегда оставался по разнымъ обстоятельствамъ кто-либо изъ пришельцевъ и становился насельникомъ этой мѣстности. Около князя и его христіанской дружины ютилось особенно на первыхъ порахъ духовенство, пока не восторжествовало христіанство. Такимъ образомъ, бывшая незаселенною Западная окраина Смоленска, лежащая внизъ по теченію Днѣпра, быстро застроилась. Здѣсь явились и терема княжескіе, и помѣщенія для дружинниковъ; поселились и «черные люди», и промышленники, и торговцы, находившіе практическій интересъ жить среди новаго населенія, предлагая свои услуги, продукты и товары; явились и монастыри.

Подъ 1073 годомъ это мѣсто называлось еще пока *Посадомъ*, и укрѣпленія его были слабы: Всеславъ—полоцкій князь, когда Всеволодъ Ярославичъ занятъ былъ войною съ Олегомъ, напалъ на смоленскій Посадъ и сжегъ его. Но послѣ того Мономаховичи, окончательно засѣвшіе здѣсь, стали заботиться объ укрѣпленіи своей Княжеской мѣстности. Объ нихъ лѣтописи отзываются, какъ о «князьяхъ мудрыхъ, рядныхъ (умѣвшихъ уставить порядокъ, строй) и хоробрыхъ». Они устроили здѣсь особый «городъ», которымъ, затѣмъ, трудно было овладѣть, когда князь и дружина его находились тутъ. Центромъ этого княжескаго города и всей княжеской мѣстности служилъ берегъ Смядыни. Тамъ, гдѣ подъ кучею хвороста обрѣтено было тѣло князя Глѣба нетлѣннымъ, устроили храмъ въ честь св. Бориса и Глѣба, съ монастыремъ; послѣдовательно появились въ Княжеской части города другіе храмы и еще три монастыря. Впослѣдствіи, въ эпоху своего наибольшаго развитія, Княжеская мѣстность, начиная отъ земляного городского вала разрослась по лѣвому берегу Днѣпра на пространствѣ около 5 верстъ. При князьяхъ появилось населеніе и на правой сторонѣ Днѣпра; сталъ расширяться городъ и къ востоку, хотя и въ слабой степени. Постройки на первыхъ порахъ были все деревянные, потому что смоляне еще не умѣли строить каменныхъ зданій, не могли дѣлать большихъ кирпичей и не пользовались известью (объ этомъ въ книг.: „Княжеская мѣстность въ Смоленскѣ“).

Честь введенія въ Смоленскѣ каменныхъ построекъ слѣдуетъ приписать Владиміру Мономаху. Онъ въ 1101 году, 2 мая, въ 3-й часъ дня закладываетъ на холмѣ-городкѣ обширный и величественный храмъ Успенія Богородицы. Такъ какъ въ Смоленскѣ не было мастеровъ каменнаго дѣла, то они привезены были съ юга; привезены въ небольшомъ количествѣ,—оттого и соборъ Мономаха строится слишкомъ долго. Его пришлось оканчивать внуку Мономаха ***Ростиславу (Михаилу) Мстиславичу***, занявшему Смоленскій престолъ, послѣ того какъ Вячеславъ Владиміровичъ въ 1125 году переведенъ былъ изъ Смоленска въ Туровъ. Въ «Кіевскомъ краткомъ лѣтописцѣ» говорится, что Ростиславъ Мстиславичъ *«устраивалъ церковь Божіей Матери въ Смоленскѣ»*. Рѣчь идетъ, конечно, уже о внутренней отдѣлкѣ храма.

До сихъ поръ Смоленскъ въ церковно-административномъ отношеніи былъ въ зависимости отъ другой какой-то каѳедры [1])

[1]) Вѣроятно, отъ Переяславльской (Сѣверской), хотя это не выяснено точно.

потому что въ Смоленскѣ не было своего особаго епископа. Ростиславъ, сдѣлавшись смоленскимъ княземъ, старается поставить свой удѣлъ въ самостоятельное положеніе въ церковно-административномъ отношеніи: онъ основываетъ въ Смоленскѣ каѳедру; а для обезпеченія надѣляетъ ее ежегодною данью съ разныхъ мѣстъ своего княжества, многими привилегіями и землями. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что *«Холмъ»*, отдача котораго епископу Семену совершена была еще Мономахомъ, (что въ 1151 году подтвердилъ и Ростиславъ),—разумѣется не особое какое-либо селеніе, а смоленскій Соборный холмъ, который весь поступалъ въ вѣдѣніе каѳедры для устройства на немъ «епископской церкви, наряда церковнаго и утверженья». Означенный епископъ Семенъ не могъ быть чисто смоленскимъ епископомъ, ибо при Мономахѣ еще не было обезпечено самостоятельное содержаніе каѳедры. Онъ, безъ сомнѣнія, временно пріѣзжалъ изъ другого города для распоряженія надъ устройствомъ каѳедры и постройками. Назначеніе перваго самостоятельнаго епископа въ Смоленскъ, Мануила—грека, въ 1137 году, пріурочилось къ тому времени, когда готово было зданіе собора для богослуженія. Послѣ того освободившіеся мастера, строители собора, были приглашаемы дѣлать и другіе храмы, прежде всего—въ Княжеской мѣстности. Мы видимъ по лѣтописямъ: *«1145 лѣто, въ Смоленскѣ, на Смядыни заложиша церковь камену свв. Бориса и Глѣба въ Градѣ»* —городѣ [1]) Въ слѣдующемъ 1146 году Ростиславъ Мстиславичъ закладываетъ уже сразу три храма: Петропавловскій, Ильинскій и Козьмодемьянскій. Начался періодъ постройки каменныхъ храмовъ, украсившихъ городъ. Въ продолженіе отъ 12 до 15 вѣка только въ однихъ теперешнихъ предмѣстьяхъ устроено было не менѣе 13 каменныхъ храмовъ, о чемъ можно судить (вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими) по количеству развалинъ этихъ храмовъ, характеризуемыхъ греко-кіевскимъ строительнымъ искусствомъ; и въ самомъ городѣ примѣчаются слѣды нѣсколькихъ храмовъ того же періода.

Ростиславъ Мстиславичъ владѣлъ Смоленскомъ 30 слишкомъ лѣтъ. Его долгое и умное правленіе, помимо обособленности въ церковномъ управленіи, отразилось благодѣтельно для Смоленска и въ другихъ отношеніяхъ. Значительная населенность княжества и города, развитіе торговли по Великому водному пути, умѣнье Ростислава быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ великими князьями,

[1]) Такъ названа Княжеская мѣстность. (м. I Новгор., Тверск., Ник. лѣт.

смѣнявшимися въ Кіевѣ, его заботы о безопасности и неприкосновенности владѣній, при спокойствіи внутри ихъ, доставили Ростиславу средства для приданія княжеству политическаго вѣса въ общерусскихъ дѣлахъ Смоленская. земля уже именуется Смоленскимъ великимъ княжествомъ, Смоленскою областью, и Ростислава Мстиславича называютъ *великимъ князем смоленскимъ*. А «Уставная грамота» Ростислава, его заботы о благоустройствѣ жизни и взаимныхъ отношеній гражданъ, его набожность, его умѣнье ладить съ вѣчемъ, уважать его права привлекли къ Ростиславу любовь его подданныхъ; когда Ростиславъ, будучи уже великимъ княземъ кіевскимъ, пріѣзжалъ въ Смоленскъ,—его встрѣчали граждане за сотни верстъ.

Ростиславу суждено было сдѣлаться родоначальникомъ дальнѣйшихъ князей смоленскихъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Романъ* (Борисъ) *Ростиславичъ*, Правившій Смоленскомъ съ 1160 1180 годъ съ перерывами, переходя изъ Смоленска на великокняженіе въ Кіевъ. Въ промежуткахъ управляли Смоленскомъ *Ярополкъ Романовичъ* (съ 1174 75 г.) и *Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый* (съ 1174—77 годъ). Романъ Ростиславичъ держался той же политики, какъ и отецъ его: заботился о добрыхъ отношеніяхъ къ вѣчу, построилъ церковь во имя Іоанна Богослова (существуетъ и до сего времени); но главнымъ образомъ—онъ заботился о просвѣщеніи гражданъ, заводилъ училища, въ которыхъ обучали русскому латинскому и греческому языкамъ. Заводя полезныя учрежденія, онъ истощилъ всю казну, такъ что усердные смоляне его погребеніе устроили на свой счетъ, снеся для этого сумму, превышавшую доходъ цѣлаго года со всего княжества; схоронили въ Соборѣ и сильно плакали по немъ.

Но преемникъ его *Давидъ* (Глѣбъ) *Ростиславичъ* (съ 1180—97 годъ) не ладилъ съ вѣчемъ. Здѣсь опишемъ вѣчевое устройство Смоленска.

Смоленскъ, походилъ на Новгородъ. Въ этомъ отношеніи, какъ тамъ городъ дѣлился на концы, а послѣдніе на улицы, и каждая улица составляла отдѣльную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину со своими выборными «лучшими людьми», или «добрыми мужами», съ уличанскимъ вѣчемъ,—то же было и въ Смоленскѣ. Характерно это выразилось въ христіанскую эпоху, въ существованіи приходскихъ общинъ, или братствъ. Въ мѣстности Смоленска было много ручьевъ, рѣчекъ

и рвовъ (изъ послѣднихъ многіе теперь уже засыпаны); они впадали въ Днѣпръ и такимъ образомъ дробили городъ на отдѣльные участки. Въ каждомъ участкѣ, разграниченномъ естественно, а иногда искусственно — валомъ, регулярно замѣчается существованіе храма (подробнѣе будетъ изложено послѣ). Это указываетъ на самостоятельную жизнь каждаго участка, на общину; каждая община въ христіанскую эпоху пожелала имѣть свой особый храмъ. Но такая обособленность участковъ имѣетъ начало, конечно, въ предшествующей эпохѣ, еще языческой и характеризуемой вѣчемъ. Естественное дѣленіе города на отдѣльныя территоріи обусловило изстари и дѣленіе его на улицы и братства. Каждое братство было хозяиномъ своей части берега Днѣпра, заботилось объ охранѣ ея, т. е. линіи не защищенной укрѣпленіями; но и на гору изъ каждаго участка былъ свой особый въѣздъ; поэтому и распредѣленіе домовъ и улицъ примѣнялось прежде къ естественному расположенію участка [1]). Каждая община выбирала себѣ *«лучшаго мужа»* который управлялъ дѣлами общины и былъ, гдѣ нужно, представителемъ ея. Существовали еще выборныя должности *сотскихъ и тысяцкихъ*, — это собственно административныя должности; но въ военное время они становились военачальниками. Сотня, какъ военная группа опредѣленнаго населенія мѣстности, удержалась при дѣленіи башенъ для защиты. Сохранились имена нѣкоторыхъ тысяцкихъ: Внѣздъ (при Ростиславѣ Мстиславичѣ), Радило (при Давидѣ Ростиславичѣ) и Михалко (при немъ же упоминается подъ 1195 г.). Осталось извѣстнымъ также имя одного сотскаго: Пантелей (въ грамотѣ 1228 г.) Земскій полкъ, организовавшійся изъ горожанъ и черныхъ людей Смоленской области, сражался самостоятельно отъ княжескаго полка, или дружины. Такъ какъ Смоленскъ былъ торговый городъ, и столкновенія и недоумѣнія у гражданъ съ заѣзжими торговцами, «гостями», да и у горожанъ между собою могли быть часты; то существовалъ въ Смоленскѣ *Общій судъ* (послуховъ), который разбиралъ разныя правонарушенія, и въ который отдѣльная община посылала тоже своего выборнаго мужа. Въ случаѣ неудовольствія рѣшеніемъ и при недоразумѣніи шли на *Судъ князя*, который разбиралъ тяжбы и между отдѣльными гражданами съ членами дружины. Община могла и не „выдавать головою" виновника, а сама за него платила *виру* или штрафъ [2]). Существовалъ еще при епископіи особый *Судъ Вла-*

[1]) Передѣлано направленіе улицъ, главнымъ образомъ, при Сигизмундѣ III, о чемъ будетъ сказано послѣ.

[2]) „Истор. См. земли до 15 в."—П. В. Голубовскаго.

дьяченъ, вѣдавшій духовныя и брачныя дѣла. Общіе же вопросы, касающіеся благосостоянія и администраціи всего города и области, рѣшались на вѣчѣ.

А князь, живя особо, не вмѣшивался въ городское хозяйство и самоуправленіе. Ему давались пошлины, онъ владѣлъ незанятыми землями; за это обязывался охранять гражданъ и область отъ враговъ, устанавливать порядокъ въ области и разбирать со своими тіунами тяжбы. Съ нимъ, какъ представителемъ всей области, сносятся другіе князья и иные народы. Онъ налагаетъ печать на грамоты и подписывается, и такимъ образомъ закрѣпляетъ грамоту или уложеніе; но предварительно рѣшеніе вопроса надо было провести на вѣчѣ и заручиться согласіемъ гражданъ. Безъ вѣча, напр., невозможна была раскладка даней и введеніе новыхъ условій. Если князь шелъ въ разрѣзъ съ желаніемъ вѣча, то онъ рисковалъ нелюбовію жителей и возмущеніемъ, которое имѣло иногда въ результатѣ отъѣздъ князя изъ области. Такъ долженъ былъ удалиться изъ Смоленска въ 1175 г. Ярополкъ Романовичъ, племянникъ Давида Ростиславича. Князь былъ предводителемъ какъ своей рати такъ и земскаго полка. Однако смоляне участвовали не во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ князя; а только когда замѣшаны были интересы всей области; но изъ любви къ князю вѣче рѣшало помочь ему и въ томъ случаѣ, когда предпріятіе его начиналось изъ-за династическихъ цѣлей. При этомъ вѣче опредѣляло, куда слѣдуетъ итти полку за княземъ. Въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, смоляне, составлявшіе полкъ, образовывали на мѣстѣ стоянки вѣче и самостоятельно рѣшали, продолжать ли имъ предпріятіе князя. Доброму князю радѣли смоляне, а для не любимаго отбывали только свою обязанность. Это особенно обнаружилось при Давидѣ Ростиславичѣ.

По требованію кіевскаго князя Святослава, въ 1185 г. Давиду нужно было отправиться въ походъ противъ общаго врага русской земли—половцевъ. Смоленское вѣче дало ему свой полкъ, который прибылъ съ нимъ въ землю Кіевскую и дошелъ уже до пограничнаго съ половцами города Триполя: но иноплеменныхъ половцевъ, производившихъ въ то время опустошенія въ южной Руси, они не нашли. Давидъ Ростиславичъ съ Святославомъ предполагали было итти далѣе; но смоляне составили вѣче и объявили, что они шли только для защиты Кіевской земли, и еслибы тамъ были половцы, то они дрались бы; а «другой рати намъ

не искать! мы уже изнемогли» (Ипат. л.). Давидъ принужденъ былъ вернуться назадъ. Авторитетъ его, какъ правителя, былъ подорванъ. Уже и прежде, повидимому, у него не было добрыхъ отношеній къ вѣчу, теперь же эти отношенія должны были обостриться. Въ 1186 г. вспыхнуло здѣсь востаніе. Давидъ не уступилъ и перебилъ «многихъ лучшихъ мужей». За то и смоляне отвѣтили ему тѣмъ же: въ 1195 году, когда онъ отправилъ рать свою противъ князей Черниговскихъ и Полоцкихъ,—Смоленскій вѣчевой полкъ, бывшій подъ начальствомъ Тысяцкаго Михалки, бѣжалъ съ поля битвы, и дружина княжеская потерпѣла сильное пораженіе. Смоляне тогда прямо говорили черниговцамъ и полочанамъ, что они живутъ «не добре съ Давидомъ».

Распри князя съ гражданами не могли, конечно, содѣйствовать развитію благосостоянія города; за то Давидъ заботился о процвѣтаніи Княжеской мѣстности. Онъ завелъ сношенія съ иностранцами, преимущественно—*нѣмцами*; выстроилъ близъ своего дворца церковь въ честь Архангела Михаила, украсивши ее *«паче всѣхъ церквей, ей же нѣсть подобной во всей полунощной (сѣверной) странѣ»* и водилъ въ нее иностранцевъ: *«многіе иностранные приходили для смотрѣнія оной»* [1]); *«и всѣмъ приходящимъ къ ней дивитися зѣло изрядной красотѣ ея»* и т. д. [2]). Эта церковь извѣстна была даже въ Ригѣ: въ древнихъ рижскихъ, нѣмецкихъ «Долговыхъ книгахъ» есть упоминаніе о ней.

Нѣмцы (называли ихъ и готами и варягами и латинянами) проникали сюда въ «учанахъ» по Западной Двинѣ, притоку ея Касплѣ, чрезъ Касплинское озеро; далѣе—чрезъ волокъ около дер. Волоково [3]) и теперешняго села Гаврики [4]); затѣмъ чрезъ Куприно озеро и по рѣчкѣ Катынь, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, ниже Смоленска; наконецъ, поднимались по Днѣпру въ Смоленскъ, къ Борисоглѣбскому монастырю, или въ устье бывшей рѣчки Смядынки, которая впадала въ Днѣпръ уже съ лѣвой его стороны и имѣла обширную и покойную бухту, удобную для стоянки «учановъ», кораблецовъ и «насадовъ». Такимъ образомъ путь, или волокъ нѣмцевъ отъ Каспли былъ не сухопутный, а

---

1) Татищ.

2) Ипат. лѣт.

3) Объ этомъ Волокѣ упоминается въ договорахъ Смоленскихъ князей съ нѣмцами. Здѣсь хранились для провѣрки груза образцовыя гири «пудъ», тоже и въ Смоленскѣ, въ нѣмецкой церкви

4) Тамъ, въ топкой долинѣ, находятъ слитки воска—предметъ торговли смольнянъ съ нѣмцами.

водный. Если бы онъ совершался сухопутьемъ, то Нѣмецкій Дворъ, или торгъ, существовалъ бы въ Смоленскѣ на другой (правой) сторонѣ Днѣпра.

Смоляне не любили нѣмцевъ, и у нихъ часто бывала ссора и драки: нѣмцы могли являться въ Смоленскъ, только благодаря покровительству князя, и только на Смядынь, т. е. подъ его защиту. Пока жили здѣсь князья, нѣмцы и являлись сюда по 14 вѣкъ включительно; князю платили пошлины съ купленныхъ въ Смоленскѣ товаровъ. Главные предметы ихъ покупки были: металлы, воскъ, мѣха, кожи, хмѣль, пенька, и др. предметы. А привозили сюда: полотна, сукна фландрскія, иногда красныя и синія, шелковыя матеріи, крашеную пряжу, четки, перчатки, пергаментъ, сафьянъ, вина фряжскія, сельди, колбасу, пиво, металлическія издѣлія, въ видѣ напр.: иголокъ, топоровъ, косъ, сосудовъ; привозили иногда соль, гранитъ, а во время голода — жито. Продавали же это, по большей части, оптомъ. Для складыванія предметовъ нѣмцами куплены были здѣсь дворы съ землями. Существовала и божница (церковь) нѣмецкая съ образомъ Богородицы. Въ разное время пріѣзжали сюда нѣмцы изъ разныхъ ганзейскихъ городовъ: Любека, Визби, Сеста, Дортмунда, Мюнстера, Гренингена, Бремена, Брюгге и, конечно, — изъ Риги. Нѣкоторые изъ нихъ оставались здѣсь на жительство и пользовались правами мѣстныхъ гражданъ, даже иногда, — большими.

Почти всѣ дальнѣйшіе князья Смоленскіе заключали договоры съ нѣмцами, причемъ послѣдующіе повторяли только грамоты предшественниковъ, но иные добавляли что-либо примѣнительно къ своему времени. При порядкѣ преемства наблюдалось старшинство въ родѣ Ростиславичей. Послѣ смерти дѣтей Ростислава наслѣдовали его внуки:

а) Отъ старшаго сына внукъ *Мстиславъ Романовичъ Старый* съ 1197—1214 годъ. При немъ жилъ преподобный Аврамій Смоленскій. Есть указаніе, что при немъ уже совершались договоры съ нѣмцами. Онъ перешелъ на великокняженіе въ Кіевъ.

б) *Мстиславъ Мстиславичъ Удалой*, внукъ Ростислава, князь Новгородскій. Его новгородцы любили, поэтому онъ неохотно шелъ изъ Великаго Новгорода на княженіе въ Смоленскъ. Правилъ Смоленскомъ съ 1214—1215 годъ [1]). Перешелъ опять

[1]) Это хорошо видно изъ «Исторіи Росс. гос.» Стриттера и Новг. л.

въ Новгородъ, уступивъ Смоленскій престолъ двоюродному брату Владиміру, сыну Рюрика Ростиславича, хотя этотъ послѣдній не былъ Смоленскимъ княземъ.

в) Владиміръ (*Димитрій*) *Рюриковичъ* съ 1215—1224 годъ. Къ нему слѣдуетъ отнести грамоту, начинающуюся словами: *„А рядъ мой съ Немьцы таковъ,“* ибо только онъ, непосредственно правившій смольнянами послѣ двухъ Мстиславовъ, могъ употребить выраженіе, подтверждающее прежній порядокъ дѣлъ съ нѣмцами: *«како то было при моемъ отци, при Мст-славѣ при Романовици, и при моемъ братѣ, при Мстиславѣ»*; при этомъ слово *«отьцъ»* (отецъ) понимается, какъ въ то время обычно было: въ смыслѣ старшаго великаго князя стольнокіевскаго, *заступавшаго* братьямъ *вмѣсто отца*. Въ такомъ случаѣ эта грамота, представляющая какъ бы проектъ условій съ нѣмцами, есть древнѣйшая изъ сохранившихся до насъ грамотъ. При дальнѣйшемъ сношеніи и развитіи торговли съ Ригою, Готскимъ берегомъ и нѣмецкими городами, выработались практикою уже подробныя постановленія. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ князѣ взятіе и подчиненіе Полоцка Смоленску, совершенное въ 1222 г. 17 января смоленскими князьями подъ предводительствомъ Ростиславова правнука Святослава Мстиславича, [1]) который и остался княжить въ Полоцкѣ, конечно, подчиняясь Смоленску. Оттого въ смоленскихъ договорахъ вводится и Полоцкъ. Послѣ Калкскаго побоища въ 1224 году, гдѣ убитъ былъ великій князь Мстиславъ Старый, Владиміръ Рюриковичъ, какъ имѣющій по отцу право на стольное великокняженіе, перешелъ въ Кіевъ; однако послѣ пришлось ему опять перейти въ Смоленскъ. Правилъ Смоленскомъ всего 12 лѣтъ [2]).

г) Мстиславъ (*Θедоръ*) *Давидовичъ*, внукъ Ростислава отъ четвертаго сына; началъ править Смоленскомъ съ 1224 г. Сохранилась до нашихъ дней (и съ печатями) его грамота, или договоръ съ нѣмцами отъ 1228 г., гдѣ обстоятельно предусмотрѣны и урегулированы условія для торговли и сношеній смольнянъ съ нѣмцами. Эта грамота отчасти опредѣляетъ и вѣчевое устройство Смоленска. Θедоръ умеръ въ мартѣ 1230 г. [3]) За нимъ, по порядку старѣйшинства слѣдовалъ—

---

[1]) «Истор. Смол. земли до 14 в.».- П. В. Голубовскаго, стр. 198.

[2]) Синодальн. Родословная книга. Быть можетъ, къ нему же относится вислая печать 13-го вѣка, съ именемъ Димитрія, хранящіяся въ Смол. Музеѣ.

[3]) У Стриттера.

д) *Святославъ Мстиславичъ*, старшій сынъ Мстислава Стараго, правнукъ Ростислава. Но, по смерти Θедора Давидовича, смольняне не хотѣли принять Святослава, такъ какъ его окружали полочане, хозяйничанье которыхъ, видимо. не желательно было въ Смоленскѣ. Поэтому «Святославъ взялъ Смоленскъ на щитъ съ полочанами 23 іюля того же 1230 г., на день Бориса и Глѣба; «изсѣче смольняны, а самъ сѣлъ на столъ отчемъ» [1]. Правленіе Святослава было несчастливо: насталъ голодъ. а съ нимъ моръ. Смоляне устроили четыре скудельницы для погребенія умершихъ: въ двухъ первыхъ похоронили 16 тысячъ, въ третьей скудельницѣ—7, а въ четвертой 9 тысячъ человѣкъ [2]; Святославъ умеръ въ 1235 году; ему наслѣдовалъ безпрепятственно родной братъ его.

е) *Изяславъ Мстиславичъ*, внукъ Романа Ростиславича [3]. Правя Смоленскомъ, онъ разсорился съ великимъ княземъ кіевскимъ Владиміромъ Рюриковичемъ бывшимъ смоленскимъ. При помощи черниговскаго князя и половцевъ онъ въ 1237 г. [4]) одержалъ верхъ надъ Владиміромъ, отдалъ его въ плѣнъ къ половцамъ, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ, удерживая за собою и Смоленскъ. За Владиміра Рюриковича заступился Ярославъ Всеволодовичъ новгородскій князь, приказалъ выкупить старца-дядю изъ плѣна и уступить ему Смоленскъ.

ж) *Ростиславъ Мстиславичъ 2-й* (Борисъ), сынъ Мстислава (Θедора) Давидовича. Съ Владиміромъ Рюриковичемъ жилъ въ Кіевской области подручнымъ княземъ [5]; съ нимъ же долженъ былъ возвратиться въ Смоленскъ, гдѣ сдѣлался великимъ княземъ смоленскимъ [6], конечно, уже по смерти Владиміра Рюриковича; оттого и дѣти его безпрепятственно наслѣдуютъ смоленскій престолъ. При Ростиславѣ въ 1238 г совершилось нашествіе монголовъ на Смоленскъ и отраженіе ихъ при помощи блаженнаго и праведнаго Меркурія. Въ 1240 г., послѣ бѣгства изъ Кіева великаго князя, въ виду наступательнаго движенія монголовъ, Ростиславъ, подбодренный успѣхомъ противъ татаръ подъ Смоленскомъ, рѣшился занять кіевскій столъ [7], удерживая и Смоленскъ за собою. Но Даніилъ Галицкій взялъ его въ плѣнъ въ Венгрію, гдѣ Ростиславъ и умеръ.

---

[1]) Новгор. и Густынск. лѣт.
[2]) Новгор. 2-я лѣт.
[3]) Никон. лѣт
[4]) Тоже Никон. лѣт.
[5]) Смотр. у Голубовскаго 191 стр.
[6]) Никон. лѣт.
[7]) Лѣт. Абрамки 313 стр., Ипат. лѣт.

з) *Всеволодъ Мстиславичъ*—братъ Святослава Мстиславича, съ 1241 г. правилъ Смоленскомъ, но не извѣстно до котораго года.

и) *Глѣбъ Ростиславичъ*—сынъ Ростислава 2-го, упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1270 годомъ, умеръ въ 1277 году.

і) *Михаилъ Ростиславичъ*—братъ его съ 1277—1279 г.

к) *Өедоръ Ростиславичъ*—тоже братъ Глѣба съ 1280—1297 г.

л) *Александръ Глѣбовичъ*—племянникъ Өедора съ 1297—1313 г.

м) *Иванъ Александровичъ*—съ 1313—1358 г.

н) *Святославъ Ивановичъ*—съ 1358—1386 годъ.

Въ правленіе этихъ князей сталъ проявлять себя жившій среди лѣсовъ *литовскій* народъ. Соединяясь отдѣльными группами подъ предводительствомъ своихъ князьковъ, этотъ грубый народъ сталъ производить для грабежа набѣги на сосѣдей, между прочимъ и на Смоленское княжество и даже на самый Смоленскъ. Уже при Мстиславѣ Романовичѣ въ 1204 г. какой-то литовскій князекъ Кермусъ покусился напасть на Смоленскъ, но былъ побѣжденъ и прогнанъ [1]. И въ 1206, 1223, 1225 и въ 1236 г. приходилось князьямъ отражать нападенія литовцевъ на Смоленскую землю, преимущественно на волость Торопецкую. Потомъ явились новые враги—монголы, или татары.

Въ несчастный для Руси 1238 годъ нашествія *монголовъ* на Русскую землю эти завоеватели обошли Смоленскъ, коснувшись только восточныхъ частей княжества. Но въ слѣдующій 1239 г., [2], татары, разгромивъ южные предѣлы, рѣшились добраться и до Смоленска. Они направились къ нему по Ельнинской (южной) дорогѣ и хотѣли неожиданно напасть на городъ. Но довольно широкія (въ 9 верстъ) болота Долгомостья, находящіяся отъ Смоленска въ 24 верстахъ, задержали движеніе главныхъ силъ, съ которыми, какъ повѣствуютъ сказанія объ этомъ, былъ самъ Батый. Августа 15, въ день соборнаго храмового праздника Успенія Богоматери, къ городу явились сначала только передовые ратники съ могучимъ богатыремъ во главѣ, который устрашалъ смольнянъ. Къ ночи однако передовая дружина татаръ удалилась къ Долгомостью. Тутъ по

---

1) Рук. „Ист. оп. Смол.", сост. къ пріѣзду Ек. II. въ Смол.

2) Существуютъ рукописныя повѣсти, которыя относятъ это событіе даже къ 1242 г. и къ 1247 году; но это ошибки переписчиковъ при чтеніи ими старинныхъ численныхъ славянскихъ знаковъ въ рукописяхъ.

особому призванію изъ собора Богоматери, явился защитникъ Смоленска, блаженный Меркурій, который былъ родомъ изъ Западной Европы (въ эпоху рыцарства) и болѣе другихъ искусный для поединка и борьбы съ богатыремъ. Онъ съ немногими вооруженными воинами ночью, когда враги уснули, напалъ на нихъ, сталъ побивать; умертвили-многихъ, а блаженный Меркурій отсѣкъ главу богатырю-исполину. На разсвѣтѣ увидѣли татары, что ихъ побиваютъ „немногіе", принялись отражать нападающихъ и преслѣдовали ихъ «во множествѣ до самого города». Блаж. Меркурій, приближаясь къ «Мологовскимъ» (Молохвинскимъ) воротамъ города, несъ голову исполина, какъ важный для гражданъ трофей, приписывая успѣхъ свой содѣйствію Богоматери [1]. Граждане воодушевились и для отраженія враговъ рѣшились наличными силами, неожидаясь помощи отъ волостей, выступить изъ города на «поле», находившееся предъ Молохвинскими воротами, куда явились татары. Кто только могъ, всякій по своему принималъ участіе въ дѣлѣ. А духовенство, возбуждая мужество и увѣренность въ Высшемъ покровительствѣ городу, явилось сюда въ ризахъ, неся съ собою икону Богоматери. Татаръ поразила эта обстановка и повліяла на успѣхъ битвы въ пользу смольнянъ; враги побѣжали, ихъ смольняне преслѣдовали и убивали.

Въ этомъ сраженіи палъ блаженный Меркурій, его похоронили въ соборѣ, а надъ гробомъ повѣсили вооруженія: мечъ, копіе и щитъ, съ которыми онъ выходилъ на подвигъ. На мѣстѣ же битвы, на полѣ, «на крови», поставили каменный столбъ, который существовалъ за Молохвинскими воротами и въ 17 столѣтіи. Вскорѣ, по разнымъ чудотвореніямъ, совершавшимся надъ гробомъ блаж. Меркурія, его причли къ лику святыхъ; а такъ какъ по сказанію: «праведникъ и по смерти живетъ и можетъ являть граду во время напасти защищеніе и заступленіе», то св. Меркурій считался гражданами патрономъ и оберегателемъ Смоленска. Въ старинныхъ мѣсяцесловахъ подъ 16 августа писалось слѣдующее: «св. Меркурій-*страстотерпецъ смоленскій*» — это значитъ, что онъ „претерпѣлъ страсти" или *смерть*, въ этотъ именно день [2]). А празднованіе ему 24 ноября есть день ***памяти*** о немъ, пріуроченный ко дню чествованія другого св. Меркурія Александрій-

---

[1]) Празднество которой совершали въ это время смольняне. Слѣдовательно: въ Смоленскѣ могло быть много прибылаго народа на этотъ день, на богомолье.

[2]) Имп. Пуб. биб., Древнехр. Погодина № 1962, л. 1.

скаго. И содержаніе *«повѣсти»* [1]), и характеръ событія и препятствіе со стороны болотъ, указываютъ на совершеніе подвига именно на 16 августа, т. е. въ лѣтнюю пору, а не зимою, когда болота замерзаютъ.

Смольняне, освободились отъ татаръ, зато вскорѣ послѣ этого событія на Смоленскъ неожиданно напали опять литовцы и овладѣли имъ. Пришлось тогда смольнянамъ испытать на себѣ протекторатъ великаго князя суздальскаго; а это въ свою очередь повлекло къ подчиненію все-таки ханской власти. Дѣло было такъ: смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ 2-й въ 1240 году былъ арестованъ Даніиломъ галицкимъ и увезенъ въ Венгрію. Смольняне находились въ неопредѣленномъ и смутномъ положеніи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался литовскій князь Миндовгъ, который къ тому времени успѣлъ соединить подъ свою власть многихъ отдѣльныхъ литовскихъ князьковъ и, подъ шумъ татарскаго нашествія, присоединялъ сосѣднія русскія области къ своимъ владѣніямъ. А въ Смоленскую землю онъ послалъ своего двоюроднаго брата Выкинта и двухъ племянниковъ: Ердзивида и Товтивила. Изъ нихъ овладѣли зависимыми отъ Смоленска городами Товтивилъ (Ѳеофилъ) Полоцкомъ, Выкинтъ - Витебскомъ, а Ердзивидъ овладѣлъ Рославлемъ, Друцкомъ и наконецъ Смоленскомъ. На выручку смольнянъ явился Ярославъ Всеволодовичъ, великій князь переяславльско-суздальскій, прогналъ литву, «урядилъ» смольнянъ и посадилъ въ Смоленскѣ княземъ Всеволода Мстиславича [2]). Это обстоятельство давало возможность великому князю суздальскому вліять на своего посаженика. Какъ разъ этотъ Ярославъ Всеволодовичъ былъ изъ князей первымъ лицомъ, выразившимъ покорность хану, который призналъ за нимъ его великокняжескія права и главенство надъ русскими князьями. Затѣмъ, ханъ объявилъ всѣмъ князьямъ ѣхать къ нему на поклонъ: и волей-неволей поѣхали князья, одинъ за однимъ, въ Орду изъявлять подчиненіе хану; кто изъ нихъ выполнилъ внѣшніе условные обряды представленія хану передъ его ставкою и выразилъ внѣшніе знаки почтенія хану, при обычныхъ въ то время подаркахъ, — тотъ выходилъ благополучнымъ изъ Орды, получивъ при томъ ярлыкъ на княженіе въ своей волости. И смоленскій князь не могъ остаться въ изолированномъ положеніи. Это значило лишить себя

---

[1]) Подробный разборъ этой «повѣсти» сдѣланъ мною въ «Филологическихъ запискахъ» за 1882-й ст.: „Рукопись Авраміевскаго монастыря.“

[2]) Но Ердзивидъ и послѣ изгнанія назывался смоленскимъ княземъ, былъ православнаго исповѣданія. (Стрійковск. кн. VIII, разр. I стр. 326), («Ист. Унія» Бандышъ-Каменскаго 60 стр.).

свободы дѣйствій въ сношеніи съ другими князьями Руси, давать поводъ къ новымъ нападеніямъ татаръ на Смоленскъ уже при помощи великаго князя. Между тѣмъ подчиненіе хану и полученіе ярлыка закрѣпляло за нимъ власть и отстраняло соперничество изъ за смоленскаго княженія съ его родичами, которыхъ было много. И Ярославъ Всеволодовичъ, представитель власти хана на Руси, посадившій Всеволода Мстиславича на смоленскій престолъ, долженъ былъ понудить своего посаженика не итти въ разрѣзъ общему теченію дѣлъ.

Хотя не имѣется никакихъ указаній на подчиненіе Смоленска хану въ княженіе Всеволода Мстиславича, которое, слѣдуетъ замѣтить, было и непродолжительно; за то при слѣдующемъ князѣ Глѣбѣ Ростиславичѣ являются факты, подтверждающіе зависимость Смоленска отъ татаръ: во-первыхъ, Глѣбъ Ростиславичъ не можетъ противиться волѣ великаго князя Владиміро-Суздальскаго, получившаго отъ хана ярлыкъ на великокняженіе, и отправляется съ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1270 году на возмутившихся противъ своего князя новгородцевъ; а во-вторыхъ, въ 1274 году смоленскій князь получаетъ изъ Орды приказаніе двинуться вмѣстѣ съ другими князьями противъ Литвы,—тутъ уже Глѣбъ Ростиславичъ является вполнѣ въ волѣ ханской. Подчиненіе совершилось не безъ вліянія предшествующаго княженія. И вотъ въ Смоленскъ начинаютъ пріѣзжать и жить здѣсь ханскіе чиновники, дѣйствующіе, какъ и всюду: притѣсняя, грабя жителей, а иногда производя насилія. Смольняне, оберегая себя отъ татарскихъ стѣсненій и насилій, не прочь были навязать этихъ властителей и нѣмцамъ, проживавшимъ на Смядынкѣ, и отводили пріѣзжимъ татарамъ помѣщенія въ домахъ иноземныхъ купцовъ, какъ людей зажиточныхъ. Это могло повлiять на прекращеніе торговыхъ отношеній, что и заставило нѣмцевъ въ одномъ договорѣ со смольнянами, относящемся къ эпохѣ татарской, прибавить условіе о свободѣ нѣмцевъ отъ всякихъ постоевъ, *даже татарскихъ*. Относительно подчиненія хану слѣдующихъ смоленскихъ князей и хожденія ихъ въ Орду, мы имѣемъ много данныхъ, особенно въ отношеніи князя *Ѳедора Ростиславича*, онъ часто бывалъ въ Ордѣ.

Насталъ періодъ постепеннаго *ослабленія Смоленской области*.

Въ Домонгольскую эпоху смоленскіе князья стремятся утвердиться въ Кіевѣ, на великокняжескомъ престолѣ; и младшіе весьма часто поступаютъ на княженіе въ другія земли. Этимъ земля

смоленская предохранялась отъ раздробленій, раздоровъ и лишнихъ податей на содержаніе князей. Ростиславъ Мстиславичъ 2-й былъ послѣднемъ княземъ, который сдѣлалъ попытку утвердиться на кіевскомъ престолѣ, но не удачно. Въ Монгольскій же періодъ всѣ смоленскіе князья сидятъ дома, въ своей землѣ. Почти единственное исключеніе представляетъ Ѳедоръ Ростиславичъ, который, оставляя за собою Смоленскъ, самъ большею частію живетъ въ Ярославлѣ. Здѣсь замѣтимъ, что одинъ изъ намѣстниковъ его былъ *князь Андрей* (*Переяславльскій*); это тотъ Андрей который явился въ Переяславѣ—Залѣсскомъ подвижникомъ и причисленъ церковію къ лику святыхъ [1]); и самъ *Ѳедоръ Ростиславичъ Ярославльскій и Смоленскій* тоже признанъ церковію святымъ.—Сидя дома, въ своей землѣ, князья смоленскіе дробятъ землю на удѣлы, часто отрывая отъ главныхъ владѣній въ пользу меньшихъ князей. Это ослабляло силы главнаго князя. Съ другой стороны, засѣвши и закрѣпившись въ своихъ владѣніяхъ, удѣльные князья иногда обнаруживали политическую самостоятельность и не слушались главнаго князя, напримѣръ—Вяземскіе, происходившіе отъ старшей вѣтви. Это влекло къ войнамъ, Случалось, что въ битвѣ удѣльный князь разбивалъ силы главнаго: такъ въ 1300 г. Андрей Аѳанасьевичъ Вяземскій, разбилъ подъ Дорогобужемъ Александра Глѣбовича—смоленскаго, убилъ даже сына его. Иногда удѣльный князь приводилъ на главнаго князя войска чужой земли, даже монголовъ (брянскій князь, братъ смоленскаго). При раздѣленіи волостей также происходили раздоры, обиды, неурядицы. Главному князю трудно было управиться со своими подвластными; такимъ образомъ онъ терялъ свой авторитетъ. Государственный строй разлагался.

Между тѣмъ значеніе литовскихъ князей все болѣе и болѣе увеличивалось. Князь Миндовгъ въ 1251 году оставилъ язычество и принялъ христіанство отъ католическаго епископа, а преемникъ его Войшеглъ принялъ христіанскую вѣру по православному обряду. Христіанство смягчало нравы литовцевъ и уменьшало антагонизмъ къ нимъ славянскихъ племенъ. А огромное количество

[1]) Въ сочиненіи „Русскіе святые, чтимые церковію" (Отд. III, октябрь 27 день) безъ основанія соединена личность св. кн. Андрея подвижника Переяславльскаго съ именемъ кн. Ѳомонскаго Андрея Каробья, и несогласно біографическимъ даннымъ того и другого и службѣ святому. Все, что извѣстно о св. Андреѣ Смоленскомъ и Переяславльскомъ, всецѣло относится къ Андрею Михайловичу, жившему въ 13 вѣкѣ, а не къ Андрею Каробья, жившему въ 14 вѣкѣ. Такимъ образомъ произошло хронологическое различіе въ опредѣленіи года кончины святого на 98 лѣтъ. Объ этомъ составлена мною брошюра.

русскихъ областей вошедшихъ въ составъ литовскаго государства усиливало взаимное сближеніе того и другого племени; необразованные литовцы подчиняются русской культурѣ. Оттого даже князья перестаютъ гнушаться литвой и нерѣдко вступаютъ въ родственныя связи, путемъ браковъ, съ литовскими князьями. Это, съ своей стороны, вовлекало смоленскихъ князей въ интересъ политической жизни Литовскаго государства.

Литовцы считали для себя соперникомъ на русской низменности татаръ, стремились одолѣть ихъ; въ помощь себѣ тянули Смоленскую землю. Литовскій князь Гедеминъ заключаетъ съ Иваномъ Александровичемъ смоленскимъ — союзъ противъ общаго врага татарскаго хана; союзъ для взаимныхъ дѣйствій повторяется и при литовскомъ князѣ Ольгердѣ, при чемъ смоленскій князь называетъ себя «*младшимъ братомъ*» литовскаго. Это даетъ указаніе уже на сильное ослабленіе Смоленска.

Но не татарамъ суждено быть соперникомъ Литвы, а по преемству отъ нихъ — великимъ князьямъ Руси, засѣвшимъ теперь въ Москвѣ, которые, пользуясь довѣріемъ хановъ и прикрываясь ихъ авторитетомъ и властію, заставляли русскихъ князей «*ходить по ихъ волѣ*», и собирали подъ властію Москвы Русское государство, употребляя для этого разныя средства. За сближеніе съ Литвою Москва мстила Смоленской области войнами, разореніемъ и отнятіемъ Можайска, Медыни, Карачева и др. городовъ. Служила единоплеменной Москвѣ и церковь, особенно тѣ епископы, которые были поставлены московскимъ митрополитомъ: не сочувствуя союзамъ смоленскихъ князей съ Литвою, они противодѣйствовали этому, оставляли каѳедру, уходя въ московскіе предѣлы; даже одинъ разъ смоленскій князь отлученъ былъ отъ церкви, — это производило, конечно, сильное вліяніе на религіозный православный народъ. Въ заключеніе Москва заставила-таки Смоленскъ быть въ союзѣ съ нею. Въ 1380 году смоленскій князь Святославъ Ивановичъ идетъ на татаръ, только не подъ знаменемъ Литвы, а подъ стягомъ московскаго князя Димитрія Ивановича Донского, и сражается въ Куликовской битвѣ въ передовомъ полку.

Съ другой стороны и Литва за непостоянство и измѣнчивость въ политикѣ тоже тѣснила Смоленскую землю, разоряя области. Смоленскій князь самъ, своими силами, могъ оказать только слабую защиту удѣламъ противъ могущественныхъ враговъ. Ближайшие къ этимъ сосѣдямъ мелкіе смоленскіе князья, не видя защиты себѣ

отъ главнаго князя, изъ опасенія повергнуться разоренію или насильственному завоеванію,— причемъ завоеватель могъ совсѣмъ отнять владѣнія и лишить князя—владѣльца доходовъ и жизненныхъ рессурсовъ,—добровольно отдавали себя подъ протекторатъ этихъ сильныхъ государствъ, иные отъѣзжали даже въ простые бояре. оставляя титулъ князя [1]). Литва и Москва принимали ихъ подъ свой покровъ, а чрезъ это еще болѣе усиливали и расширяли свои владѣнія. Слабый уже Смоленскъ, стоя между двухъ приходящихъ въ столкновеніе сторонъ и служа преградой для нихъ, не могъ удержать своей самостоятельности. Уже взяты были литовцами города: Торопецъ, Ржевъ, Бѣлый, Витебскъ, Полоцкъ, Орша, Рудня, Брянскъ; наконецъ Ольгердъ овладѣлъ Мстиславлемъ, видимо, безъ особаго труда, такъ что мстиславцы сдались ему почти добровольно. За это на нихъ послѣдовала вскорѣ месть со стороны смольнянъ. Ольгердъ умеръ, оставивъ послѣ себя много дѣтей. Вслѣдствіе неустановившагося порядка престолонаслѣдія, въ Литвѣ начались большія политическія волненія между преемниками Ольгорда изъза власти. Этимъ хотѣлъ воспользоваться смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, чтобы воротить себѣ волости, отнятыя Литвою, и спасти родную землю отъ поглощенія ее сосѣдями. Для этого онъ вступилъ въ союзъ уже не съ Москвою, а съ Ливоніей, и полоцкимъ княземъ Андреемъ, который имѣлъ право на великокняжескій престолъ въ Литвѣ, но былъ отстраненъ. Въ 1386 г. Святославъ Ивановичъ выступилъ съ войскомъ въ Литовскій край, осадилъ городъ Оршу; но немогши взять ее, набросился на Мстиславль, окружилъ его и началъ энергическіе приступы для разрушенія стѣнъ этого города. А между тѣмъ разослалъ отдѣльные отряды въ окрестности для разоренія жителей и мести имъ за подданство Литвѣ. Со страшнымъ озлобленіемъ, варварствомъ и издѣвательствомъ производили смольняне кровавую расправу надъ сельскимъ населеніемъ. Въ войскѣ со Святославомъ были и его сыновья Глѣбъ и Юрій. На помощь осажденному городу и бѣдствующимъ жителямъ пришли литовскіе князья Скиргайло, Витовтъ и другіе. Въ упорной битвѣ литовцы одолѣли; Святославъ былъ умерщвленъ копьемъ навылетъ, а сыновья его взяты въ плѣнъ. Побѣдители гнались за пораженными до Смоленска; горожане хотя оказали храброе сопротивленіе, но должны были дать «окупъ».

[1]) Много есть княжескихъ—дворянскихъ фамилій утратившихъ такимъ образомъ свое княжеское званіе.

Скиргайло посадилъ въ Смоленскѣ Юрія, младшаго сына Святослава, при этомъ взялъ съ него тяжелую присягу; а старшаго сына, Глѣба, для обезпеченія спокойствія въ смоленской землѣ оставилъ заложникомъ у себя въ Литвѣ. Итакъ, смоленскій князь получилъ власть по милости литовскаго, или—какъ выразилась Тверская лѣтопись: *«изъ руки Скригайла»*.

Пока живъ былъ Скригайло, Юрій—младшій братъ сидѣлъ на смоленскомъ престолѣ. Но къ 1393 году упрочиваетъ въ Литвѣ свою власть *Витовтъ (Александръ) Кейстутьевичъ*. Онъ пожелалъ, чтобы въ Смоленскѣ сидѣлъ посаженный уже отъ него князь, именно Глѣбъ Святославичъ; а Юрію далъ городъ «Жославль» (Заславль). Юрій разсорился съ Витовтомъ и уѣхалъ жить къ тестю своему Олегу—князю Рязанскому.

Между тѣмъ *Глѣбъ Святославичъ*, явившись въ Смоленскъ, имѣлъ при раздѣлѣ владѣній большое неудовольствіе отъ князей и гражданъ, приверженныхъ Юрію. Витовтъ, услышавъ объ этомъ, рѣшился воспользоваться смутами, чтобы овладѣть Смоленскомъ. Подъ предлогомъ, что идетъ на татаръ, Витовтъ съ войскомъ явился въ окрестностяхъ Смоленска. Князь Глѣбъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Витовтъ почтительно принялъ Глѣба Святославича; одарилъ его и отпустилъ, чтобы онъ съ прочими князьями явился къ нему, обѣщая какъ посредникъ, рѣшить ихъ споры. Въ то время въ Смоленскѣ, должно быть, происходилъ княжескій сеймъ, ибо въ наличности здѣсь находящимися въ данный моментъ было 8 князей [1]); а можетъ быть, они имѣли въ Смоленскѣ Дворы и жили большею частію въ этомъ большомъ городѣ, управляя удѣлами и получая съ нихъ дань чрезъ намѣстниковъ.

Не подозрѣвая ничего, повѣривъ Витовту, поѣхали эти князья со своими боярами въ литовскій лагерь къ Витовту. Лишь только они собрались къ нему, какъ немедленно были арестованы, а непріятельскія войска бросились къ городу начали жечь посадъ (гдѣ жилъ князь) и брать въ плѣнъ его людей. 12 сентября 1395 года Витовтъ безъ боя завладѣлъ Смоленскомъ. Пробывши здѣсь нѣсколько дней и назначивъ князя литовскаго *Ямонта намѣстникомъ*, а въ помощь ему тысяцкаго Василія Борейковича, Витовтъ ушелъ обратно въ Литву, а не на татаръ. Съ этого времени Смоленскъ закрѣпился бы за Литвою; но случилась не-

---

[1]) Смотр.: «Ист. Смол. земли до 14 вѣка» П. В. Голубовскаго. стр. 33-я.

удача съ Витовтомъ: онъ въ 1399 году имѣлъ битву съ татарскимъ ханомъ, которую проигралъ; въ битвѣ погибли принимавшіе участіе Ямонтъ и Глѣбъ Святославичъ, бывшій смоленскій (а потомъ Пелынскій князь). Но остался еще живъ Юрій Святославичъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Витовта, смоленское вѣче подняло возстаніе противъ литовскаго владычества; вызвало изъ Рязани Юрія Святославича, и, сколько ни противодѣйствовалъ *намѣстникъ* Витовта *Романъ Михаиловичъ Брянскій*, чернь посадила опять на смоленскій престолъ своего законнаго князя *Юрія Святославича*. Такимъ образомъ, удалось возстановить *самостоятельность* Смоленска; но не на долго. Витовтъ употребилъ всѣ средства, чтобы снова завладѣть этимъ городомъ: являлся сюда съ большимъ войскомъ и пушками, завелъ сношеніе съ партіей недовольныхъ Юріемъ за его суровость и жестокія мѣры; наконецъ, пользуясь случаемъ, что Юрій уѣхалъ въ Москву, быстро явился съ войсками къ Смоленску, окружилъ городъ и прекратилъ подвозы припасовъ. Граждане отъ голода, изнеможенія и «отъ всякія истомы» безъ князя сдали Смоленскъ 24 іюня 1404 года. Окончательно Смоленскъ превратился *въ провинцію Литовскаго государства*.

Епископами смоленскими, начиная съ учрежденія каѳедры до Литовской эпохи были слѣдующіе: 1) *Мануилъ* поставленъ въ 1137 году 26 апрѣля отъ митроп. Михаила, былъ грекъ, искусный деместикъ, вводилъ въ Смоленскѣ пѣніе по греческимъ напѣвамъ. Въ обезпеченіе каѳедры Ростиславъ Мстиславичъ 1-й «Уставною грамотою 1151 г.» назначилъ ему большія владѣнія и доходы. Въ послѣдній разъ упоминается еп. смоленскимъ въ 1168 г. (Ипат. л. стр. 362-я) 2) *Константинъ* встрѣчалъ въ 1180 г. Давида Ростиславича и погребалъ Романа въ смол. Успенскомъ соборѣ. 3) *Меркурій* былъ еп. смоленскимъ, отправился на покой въ Кіевъ; есть его мощи въ пещерахъ кіевскихъ. 4) *Симеонъ* (Симонъ) въ 1197 г. погребалъ Давида Ростиславича въ смолен. Борисоглѣбскомъ монастырѣ. 5) *Іоаннъ* подъ 1205 г. упоминаемый при погребеніи кн. Маріи, жены Всеволода Юрьевича. (Тверск. л.) 6) *Игнатій* въ 1206 г. посланъ былъ отъ Мстислава Романовича къ Всеволоду III съ прошеніемъ о мирѣ. При немъ жилъ препод. Аврамій, съ именемъ котораго связана исторія смоленскаго Авраміевскаго монастыря, куда Игнатій удалился на покой. 7) *Лазарь* еще при жизни Игнатія поставленъ епископомъ изъ іеромонаховъ смол. Борисоглѣбскаго монастыря (см. брошюру сообщающаю эти строки: «Было ли перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба изъ Вышгорода на Смядынь»? стр. 50-я). Видя притѣсненія церкви отъ

волостелей Лазарь удалился на покой около 1219 г., по крайней мѣрѣ уже въ 1225 г. онъ не состоялъ на каѳедрѣ смоленской («Патерик. Печерскій» пер. Викторовой). 8) *Аѳанасій.* 9) *Іоаннъ 2-й.* 10) *Діонисій,* упоминаемые въ древнѣйшихъ рукописныхъ «Помянникахъ» (Вил. библ.). 11) *Перфилій* (Порфирій) при Ѳедорѣ Ростиславичѣ въ 1284 году подписался на грамотѣ къ Рижскому епископу. 12) *Пахомій.* 13) *Ѳома.* 14) *Іоаннъ 3-й* упоминается подъ 1335 г. въ записяхъ о поставленіи епископовъ («Учрежденіе смол. епископіи» Е. И. Кашировскаго 34 стр.). 15) *Даніилъ,* упоминаемый тоже въ «Помянникахъ и «Требникѣ» («Опис. рук. Син. б.» — Горскаго 3 т. 2 отд.). 16) *Евфимій* поставленъ митр. Ѳеогностомъ на югѣ въ 1345 г. (Голубовскій: «Ист. смол. земли» 245 стр.). 17) *Ѳеофилактъ* поставленъ св. митр. Алексѣемъ въ 1356 г.; но оставилъ смоленскую каѳедру вслѣдствіе того, что не раздѣлялъ политику князей смоленскихъ, вступившихъ въ союзъ съ Литвою. Ѳеофилактъ умеръ въ Костромѣ 3 ноября 1367 г. (Рук. Прологъ въ Нижегор. губ., городѣ Горбатовѣ у Никифорова, сообщилъ Н. Г. Добрынкинъ). 18) *Парѳеній* хиротонисанъ св. Алексѣемъ около 1365 г. (Строевъ). 19) *Даніилъ (2-й)* въ 1370 году поставленъ свят. Алексѣемъ. При немъ отлучаемъ былъ отъ церкви смол. князь Сватославъ Ивановичъ, вѣроятно, вслѣдствіе этого Даніилъ въ 1383 г. пришлось перемѣститься на Звенигородскую епархію († 1397 г.). 20) *Михаилъ* въ 1383 г. рукоположенъ Пименомъ—митрополитомъ. Въ 1386 г., по случаю бывшаго въ Смоленскѣ мора, выѣхалъ въ Москву, гдѣ въ 1388 г. участвовалъ въ поставленіи епископа въ Новгородъ Іоанна Хутынскаго. Въ 1389 г., поручивъ временно свою епархію указанному выше Даніилу, ѣздилъ съ митр. Пименомъ въ Константинополь, возвратился въ Смоленскъ въ 1390 г. А по взятіи въ первый разъ Смоленска Витовтомъ, ушелъ изъ Смоленска. Умеръ въ монастырѣ Сергіевомъ на покоѣ († 1402 г.). 21) *Іассонъ* (Наасонъ) въ 1396 г. по желанію Витовта и съ согласія моск. князя Василія Димитріевича рукоположенъ въ 1-й день Пасхи митрополитомъ Кипріаномъ въ Смоленскѣ. 22) *Иларіонъ;* онъ оставилъ смоленскую епископію, вѣроятно, при 2-мъ взятіи Смоленска Витовтомъ, умеръ въ Коломнѣ, упоминается у Карамзина (V т. примѣч. 254.) («Кн. мѣст.» 98 стр.).

Итакъ, въ указанную эпоху смѣнилось въ Смоленскѣ 22 епископа.

Литовскій періодъ отъ 1404 по 1514 годъ.

Взявши городъ, Витовтъ, прежде всего, постарался освободиться отъ враждебныхъ себѣ элементовъ, преимущественно — князей смоленскихъ и бояръ: «которые хотѣли князю Юрію добра, тыхъ разведе и расточи, а иныхъ на мученіе преда», Затѣмъ, посадилъ тамъ намѣстниковъ «ляховъ» и далъ городу Магдебурское право. Заказалъ намѣстникамъ обходиться съ жителями милостиво и «льготу многу чинити смоленскимъ людямъ, отводя ихъ отъ

князя Юрія» [1]). Сохранились имена намѣстниковъ Литовскаго періода: панъ Дедикольдъ (при Витовтѣ), Янъ Гастольдъ (при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ), Андрей Саковичъ (при Казимирѣ), Иванъ Вяжевичъ (1445 г.), Николай Радзивилъ (1486 г.), Иванъ Ильиничъ, Юрій Глѣбквичъ (1492 г.), Николай Ильиничъ, Станиславъ Петровичъ (1500 г.), Юрій Андреевичъ Сологубъ (1505 г.), Юрій Зеновьевичъ (1507 г.), наконецъ опять въ 1514 г. Юрій Сологубъ [2]). Княжеская мѣстность, переименовывается теперь въ *форштадтъ* и просто. *място* (мѣсто); она вначалѣ продолжаетъ быть правительственнымъ центромъ: тамъ живетъ намѣстникъ, съ нимъ его бояре (чиновники литовскіе) и ратные люди подъ предводительствомъ маршала. Тамъ же главнымъ образомъ ведется торговля. Правда уже не пріѣзжаютъ на Смядынь нѣмцы: ихъ не любили литовскіе князья; зато свободно и во множествѣ ѣдутъ сюда купцы Литовскаго государства. Ѣдутъ изъ Мстиславля, Кричева, Полоцка, Дорогобужа и изъ другихъ городовъ, селъ и мѣстъ литовскихъ. Ѣдутъ торговцы и «изъ чужихъ мѣстъ»: упоминаются «гости», или купцы: тверскіе, московскіе, вяземскіе. Совершается это благодаря полноводію Днѣпра и разнымъ льготамъ, которыя давались «гостямъ» въ Смоленскѣ отъ князей литовскихъ, напр.: ихъ освобождали отъ *тамги*, позволено было не брать въ Смоленскѣ *взвѣстку* о пріѣздѣ гостя. Иногда и самихъ смольнянъ освобождали отъ платежа мыта по всему государству «безъ венкой зацѣпки». Оттого смольняне разъѣзжаютъ въ далекія мѣстности для продажи и покупки товаровъ. Торгуютъ не только смоленскіе мѣщане, но и люди княжескіе, монастырскіе и люди бояръ. Литовскіе купцы, какъ пріѣзжающіе съ запада, изъ низовьевъ Днѣпра, останавливаются въ западной части города, на Смядынской пристани. Но, помимо этого, съ развитіемъ торговли, они заняли еще далѣе отъ Смядыни, внизъ по теченію Днѣпра на протяженіи версты, бухту, образовавшуюся впаденіемъ рѣчки Кловки въ Днѣпръ. Здѣсь явился новый *монастырь Троицкій*, а при немъ устроенъ былъ *«Гостинъ Дворъ»* литовскій для складки товаровъ. Монастырь этотъ былъ каменный, сдѣланный уже не изъ кирпичныхъ плитокъ (плинѳъ— грекокіевскаго образца),

---

[1]) Лѣт. Абрамки.

[2]) Упоминаются еще воеводы смоленскіе *Григорій Воловичъ* и *Глѣбъ Вяжевичъ*— православнаго исповѣданія; но не опредѣляется время ихъ службы въ Смоленскѣ. («Ист. объ Уніи» Бадышъ-Каменскаго, 35 стр.

а большихъ кирпичей, приближающихся по формѣ къ нашимъ современнымъ; и способъ кладки другой, чѣмъ въ предшествующемъ періодѣ Появилось значитъ, въ Смоленскѣ другое искусство каменныхъ построекъ [1]).

Древній городъ, окруженный валомъ, по увѣренію «Хроники» Бѣльскаго, былъ «многолюденъ» въ то время. Мѣщане, или «мѣстичи» его, тоже торгуютъ, а черные люди занимаются разными ремеслами (много тогда находилось въ Смоленскѣ кузнецовъ, кожемякъ, шевчиковъ, мясниковъ и котельниковъ).

Въ этотъ періодъ торговля развивается и на *восточной окраинѣ* города. Уже во время самостоятельности смоленскаго княжества было здѣсь нѣкоторое населеніе. Говоримъ это потому, что здѣсь, на пространствѣ двухъ верстъ вверхъ по Днѣпру, у подошвы нагорья лѣваго берега, въ удаленіи отъ рѣки, встрѣчаются остатки бывшихъ старинныхъ храмовъ изъ плитокъ. Тутъ, какъ обнаруживается изъ литовскихъ грамотъ, жили въ старину казенные крестьяне, они, вѣроятно и устроили себѣ храмы; упоминается даже село, подаренное королемъ Александромъ супругѣ своей Еленѣ Ивановнѣ. Видно, что они прежде занимались только земледѣленіемъ; а въ Литовскую эпоху они стали передвигаться на самый берегъ, и, неоставляя прежняго труда, занялись и торговлею; оттого послѣ московскіе властители ихъ уже назвали «*полусохою*», т. е. полумѣщанами [2]). Итакъ, въ Литовскую эпоху здѣсь развивается городъ по самому берегу Днѣпра. Тутъ останавливались люди, пріѣзжающіе преимущественно съ верхняго теченія рѣки. На это есть намекъ въ грамотѣ 1497 года короля Александра епископу Іосифу смоленскому, гдѣ, позволяется ему водворять москвичей и тверитянъ, но не литовцевъ [3]). Тамъ образовался тоже новый *монастырь Духовскій*, который былъ окруженъ каменною стѣною; матеріалъ и способъ кладки зданія литовскаго періода, какъ и Троицкій монастырь на Кловкѣ; сходство въ этомъ отношеніи наблюдается и съ замками въ Трокахъ и Вильнѣ—резиденціяхъ литовскихъ князей. Эта два монастыря служили крайними пунктами, далѣе которыхъ никогда не распространялся городъ. За ними начинались селенія черныхъ людей, загородные дворы господарскіе и епископа, и мызы

[1]) Объ этомъ изложено въ моей книгѣ: «Княжеская мѣстность въ Смоленскѣ» стр. 92, 93-я.

[2]) Смотр.: «Веденецкая полусоха» въ Росписи людей по башнямъ Шеина 1609 г.

[3]) «Акт. Запад. Рос.» изд. Археогр. ком. т. I.

служилыхъ людей. Пространство отъ Духовскаго до Троицкаго монастыря будетъ около 8 верстъ. Литовская эпоха это была цвѣтущая пора торговли Смоленска.

Смольняне жили спокойно подъ литовскимъ владычествомъ. Но при смерти Сигизмунда Кейстутьевича, великаго князя литовскаго, предъ избраніемъ на престолъ Казимира, смольняне вздумали было отложиться отъ Литвы за поборы и несправедливости, бывшіе при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ «князѣ сребролюбивомъ и немилостивомъ»; таковъ же былъ и намѣстникъ его Андрей Саковичъ. Въ 1440 году, на Святой недѣлѣ, въ среду *«задумали черные люди раду собѣ»* [1]), т. е. возмущеніе противъ намѣстника, зазвонили въ *ратный колоколъ* и вооружась стали сбираться подъ сѣнь своей святыни, къ церкви Бориса и Глѣба Это было въ виду Дворца, который находился около Михаила-архангельскаго храма и назывался въ то время «замкомъ». Саковичъ, увидавши вооруженную толпу, собралъ боярь, которые жили въ то время, преимуществено, въ форштатѣ, и совѣщался, что ему дѣлать. Бояре сказали: «вели, панъ, дворянамъ своимъ въ сброи убираться, а мы съ тобою!.. Уже-ли лучше для тебя даться въ руки черни»? Саковичъ устремился на гражданъ съ копьями и на коняхъ. Произошла битва *у святого Бориса и Глѣба, въ городѣ* (такъ называлась и въ литовскую эпоху мѣстность Борисоглѣбскаго монастыря). Побили много людей; однако и самъ Саковичъ изъ боязни убѣжалъ ночью изъ города. А чернь утопила въ Днѣпрѣ маршала Петрика, и избрала себѣ *воеводою* русскаго князя *Андрея Димитріевича Дорогобужскаго*; но когда онъ отказался отъ званія воеводы, то предложила быть уже *государемъ на Смоленскомъ княженіи* мстиславльскому князю *Юрію Симеоновичу* (по литовски: Лынквѣневичу). Юрій, дѣйствительно, занялъ Смоленскъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Витебскъ и Полоцкъ; однако, въ виду готовившійся противъ него рати литовской, убѣжалъ изъ Смоленска въ Москву. Литовцы усмирили смольнянъ, «выжгли мѣсто, церкви и монастыри»; но послѣ того, наученные опытомъ, стали съ осторожностью и справедливо управлять Смоленскомъ

И въ дѣлѣ религіозномъ не было стѣсненія православію. Хотя въ разныхъ мѣстахъ Литовскаго государства шла борьба исповѣданій; но Смоленска она не касалась. Онъ находился въ

---

[1]) „Хроника о Литов. княз.“ изд. 1893 г. 40 стр.

исключительномъ положеніи: политическій тактъ смоленскихъ правителей требовалъ укрѣплять здѣсь привязанность жителей къ литовскимъ государямъ; а религіозное стѣсненіе производило бы розкь и тяготѣніе къ единоплеменному господарю. Витовтъ, встрѣтившись съ митрополитомъ Кипріаномъ въ Смоленскѣ, далъ ему слово не стѣснять православіе и признавать его главою всего православнаго духовенства какъ въ Москвѣ, такъ и въ Литовскомъ государствѣ. Это онъ и исполнилъ. Но по смерти митр. Кипріана въ 1408 году естественное желаніе со стороны Витовта обособить свое государство и въ религіозномъ отношеніи взяло въ немъ верхъ: онъ посылаетъ въ Константинополь своего кандидата, полоцкаго епископа Ѳеодосія для поставленія въ митрополита литовскаго. Патріархъ на это не согласился, а прислалъ митрополитомъ Москвы и всея Руси Фотія. Отсюда возникла непріязнь и вражда одного съ другимъ. Въ 1435 году Витовтъ дѣлаетъ снова попытку поставить въ Литву особаго митрополита и посылаетъ къ патріарху для посвященія Григорія Цамвлака, человѣка очень умнаго и оратора. Патріархъ опять не рѣшился раздѣлить Русь. Тогда Витовтъ достигаетъ своей цѣли путемъ поставленія въ митрополиты указаннаго Григорія Цемвлака соборомъ своихъ подвластныхъ епископовъ: Русь въ 1416 г. раздѣлилась въ церковномъ отношеніи; но Цамвлакъ жилъ не долго. За нимъ слѣдовавшій митр. Герасимъ, имѣющій мѣстопребываніе въ Смоленскѣ, но называвшійся кіевскимъ, тоже скоро сошелъ со сцены; однако они оба были православными святителями. Тутъ Витовтъ помирился съ Фотіемъ, который и былъ опять митрополитомъ всея Руси. Его замѣстилъ (1432 г.) Іона, живщій въ Москвѣ. Когда же возведенъ былъ на митрополичью каѳедру уніатъ Григорій Болгаринъ (1458 г.), задумавшій соединить православныхъ литовцевъ съ католиками подъ главенствомъ папы,—смоленская епископія не подчинилась ему, а продолжала признавать своимъ митрополитомъ свят. Іону московскаго. Хотя назначались уніатскіе епископы подъ именемъ смоленскихъ, однако они не могли жить въ Смоленскѣ, а избрали себѣ мѣстопребываніе въ 15 верстахъ отъ Мстиславля, въ Онуфріевскомъ монастырѣ. Въ Смоленскѣ жили только православные епископы, отъ которыхъ стояло въ зависимости все духовенство и вообще дѣло вѣры. Такъ было при короляхъ *Витовтѣ*, *Свидригайлѣ Ольгердовичѣ* († 1435 г.), *Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ* († 1440 г.), при *Казимірѣ Ягелловичѣ*, и далѣе, во время подчи-

ненія Смоленска Литвѣ, были все православные митрополиты, исключая Іосифа Болгариновича, склоннаго къ уніи, но жившаго не долго. Отъ митрополитовъ стояли въ зависимости и держали православіе *смоленскіе епископы.*

Перечислимъ имена епископовъ этого времени въ порядкѣ послѣдовательности и въ связи съ предыдущими: 23) *Севастіанъ* въ 1404 г. поставленъ митр. Кипріаномъ; въ 1416 г. участвовалъ въ поставленіи Григорія Цамблака въ митрополиты. 24) *Нафанаилъ*, упоминаемый въ «Помянникахъ». 25) *Герасимъ* родомъ волынецъ,—изъ Владиміра-Волынскаго, по желанію Витовта и съ благословенія Фотія, въ 1417 г. переселился на каѳедру смоленскую; (Чтен. въ ист. общ. Нестора 1895 г. кн. 9-я); въ 1433 г., по смерти Цамблака и Фотія, возведенъ константинопольскимъ патріархомъ въ санъ митрополита Русскія земли, но остался жить въ Смоленскѣ; въ 1435 г. насильственно взятъ былъ изъ Смоленска и сожженъ на кострѣ въ Витебскѣ по повелѣнію Свидригайла, за тайныя сношенія съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, соперникомъ на княженіе. 26) *Симеонъ (2-й)*, упоминается подъ 1440 г., умеръ въ 1445 г. «Учрежденіе смол. еписк.» Кашировскій). 27) *Евфимій (2-й)*, упоминаемый въ Помянникѣ Виленской библіотеки. 28) *Мисаилъ* происходилъ изъ княжеской фамиліи, въ 1445 г. уже состоялъ епископомъ смоленскимъ, какъ видно изъ упоминанія о немъ въ грамотѣ кор. Александра 1497 г. 17 марта (Истор. акт. 166 I.). Въ 1456 г. возвратилъ въ Смоленскъ икону Одигитріи, которую «*плъномъ взялъ Юрга*». Жилъ въ Смоленскѣ до 1474 г. когда переселился въ митрополиты кіевскіе. 29) *Іоакимъ* извѣстенъ по грамотѣ кор. польскаго Казиміра отъ 1475 г. (смотр.: «Учрежденіе смол. епископіи» Е. Кашировскій) 30) *Іосифъ* (Болгариновичъ), бывшій настоятель Слуцкаго монастыря; на Смоленской каѳедрѣ находился съ 1494—1498 г. Послѣ того назывался двояко: «епископъ смоленскій, нареченный митрополитъ кіевскій», умеръ въ 1501 году. Послѣ него избранъ королемъ Александромъ на смоленскую каѳедру 31) епископъ *Іосифъ (2-й) Солтанъ* до 1508 г., когда онъ переселъ жить въ Вильну, въ санѣ уже митрополита литовскаго. (Лит. Епарх. Вѣд. 1895 г, № 44, «Родопроисхожденіе митр. Іосифа Солтана» А. В. Бѣлецкаго). Наконецъ 32) *Варсонофій* съ 1509 г. до возвращенія Смоленска къ Русскому государству.

Послѣдующіе короли литовско-польскіе *Александръ Казиміровичъ* († 1507 г.) и братъ его *Сигизмундъ 1-й, или Старый*, часто повторяютъ наказы намѣстникамъ смоленскимъ: „христіанства греческаго закону не рушити, налога на ихъ вѣру не чинити (совершенно обратное явленіе происходило въ то время въ другихъ областяхъ Литовскаго государства!), въ церковныя земли и воды не вступатися“. Такимъ образомъ, не было времени и возможности въ Смоленскѣ сдѣлать что-либо въ пользу уніи и

католичества. Храмы и монастыри остаются православными и постройка ихъ совершается по-православному, на востокъ; для нихъ свободно переписываются богослужебныя и назидательныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ, даже переписывается русская лѣтопись Абраамкою. Оффиціальный языкъ былъ русскій, на немъ излагаются и грамоты королей.

Тѣмъ не менѣе духовенство и народъ не любили иновѣрныхъ правителей; существовало у населенія національное и религіозное стремленіе быть за одно съ Русью, которую теперь выражала Москва, Это поддерживали пріѣзжавшіе въ Смоленскъ москвитяне, вліяло въ томъ же родѣ и духовенство, уважавшее православіе Москвы и ея святителей.

Между тѣмъ князья московскіе, освободившись отъ татаръ, развязали себѣ руки для болѣе свободнаго «собиранія Руси». Иванъ Васильевичъ III-й завелъ въ Москвѣ пушки и предъявлялъ уже свои права на древнерусскія владѣнія, незаконно отторгнутыя иноземцами, въ томъ числѣ и на Смоленскъ, искони русское достояніе.

Литовцы спохватились, стали укрѣплять Смоленскъ. Въ виду новыхъ (огнестрѣльныхъ) средствъ войны, самымъ лучшимъ укрѣпленнымъ пунктомъ могъ служить древній Земляной городъ. Они переустроиваютъ его въ Замокъ, переводятъ туда «Дворъ Господаревъ», и намѣстника съ литовскимъ войскомъ, совсѣмъ оставляя «Мѣсто», или Форштадтъ, какъ менѣе огражденное природой, менѣе удобное для защиты и вообще - менѣе стратегическое. Дворъ Господаревъ литовцы устроили на теперешней Вознесенской горѣ, которая, думать надо, называлась прежде Васильева гора и принадлежала епископу. Ее литовцы отобрали у епископа и взамѣнъ ея дали ему для поселенія его людей мѣсто за городомъ въ направленіи къ востоку, по обѣ стороны рѣчки Большой Рачевки, гдѣ и образовалась въ послѣдствіи Архіерейская слобода. Но существовали и загородные Дворы Господаревы [1)]... При Господаре-

[1)] Напримѣръ въ сел.: Максимовскомъ, Ивановскомъ и на рѣчкѣ Вопцѣ («Област. дѣлен. Литов. государ.» 269, 301 стр.) Нѣкоторые Загородные Дворы назывались *Красными*, напр.: теперешній смол. уѣздный городъ Красный, бывшій прежде *село Государево*; иногда назывались *Райями*, напр.: около Луцка, Чернигова и близъ Кіева—Загородный Дворъ Юрія Долгорукова, прозванный Раемъ; и отъ Смоленска въ 6-ти верстахъ есть село *Рай*—красивое имѣніе при озерѣ, вѣроятно, тоже бывшій За-

вомъ (или Государевомъ) Дворѣ въ Замкѣ были устроены амбары и погреба для склада запасовъ.

Послѣ переселенія намѣстника въ Замокъ, или Старый городъ, «Мѣсто» стало падать въ своемъ значеніи, подвергаться разореньямъ и грабежамъ, иногда отъ своихъ же воиновъ, польскихъ жолнеровъ. Въ древнемъ городѣ, и прежде существовали земляныя насыпи, но литовцы устроили еще деревянныя огражденія и башни; послѣднихъ, впрочемъ, было мало, а «поделуховъ» (ходовъ въ землѣ), какъ свидѣтельствуетъ «Хроника» Бѣльскаго, совсѣмъ не существовало. «Короли не понуждали ихъ дѣлать, потому что народу въ замкѣ жило много». Литовцы оградили городъ и по берегу Днѣпра. Такъ какъ здѣсь огражденія были только деревянныя, то стало примѣняться къ указанному пункту названіе «*Деревяннаго города*». Въ немъ были ворота Крылошевскія, Духовскія, Днѣпровскія и Пятницкія. Урегулирована была и ѣзда по улицамъ: «ѣздити въ Смоленску въ старомъ деревянномъ городѣ отъ Крылошевскихъ воротъ на Пятницкія, и отъ Днѣпровскихъ на Духовскія» [1]). Слѣдовательно, подъ Соборнымъ холмомъ, на берегу существовало двѣ улицы; а за стѣною отъ Духовскихъ воротъ до Днѣпровскихъ ѣзды не было по самому берегу Днѣпра, какъ теперь. Если слѣдить за направленіемъ литовскихъ деревянныхъ огражденій, то должно сказать, что каменная стѣна, строившаяся послѣ, ведена была въ западной и сѣверо-западной частяхъ крѣпости, приблизительно, по тому же направленію, т. е. взятъ былъ не весь районъ древняго земляного города, а онъ суженъ былъ въ направленіи къ западу, такъ что Богословская часть осталась внѣ деревянныхъ стѣнъ. Такимъ образомъ литовцы, дѣйствительно, укрѣпили, по тогдашнему, сильно замокъ; въ башняхъ поставили пушки, привлекли сюда пушкарей, которымъ оказывали большія льготы; навели сюда много войска. Однако не могли устоять противъ упорнаго домогательства со стороны московскихъ князей возвратить этотъ городъ къ Руси. Во власти Литвы Смоленскъ находился

городный Дворъ смоленскаго князя; также селенія *Княже*; *Княжеселье* и друг. имѣютъ тоже происхожденіе. Большая часть изъ нихъ служили имѣніями, откуда доставлялись князьямъ жизненные припасы; но иные вмѣстѣ съ тѣмъ служили и Загородными дворцами, куда князья пріѣзжали или *на ловы* (охоту) или просто на лѣтнее время.

[1]) Акт. истор.: II, 416 стр.

110 лѣтъ, наконецъ сынъ великаго князя Ивана III, царь и великій князь Василій III, послѣ трехъ походовъ и трехъ приступовъ къ замку взялъ его въ 1514 году 1 августа.

VI. Московское владычество надъ Смоленскомъ отъ 1514—1611 г.

Вступивши въ Смоленскъ, Василій III Ивановичъ, прежде всего, пошелъ въ соборъ помолиться иконѣ Богоматери Одигитріи; затѣмъ, епископъ Варсонофій проводилъ его во дворецъ, который уже находился въ Замкѣ, гдѣ теперь Вознесенская улица. Царь сдѣлалъ обѣдъ для смолянъ, дарилъ многихъ бояръ и знатныхъ людей соболями, бархатами, серебряными ковшами, чарками и т. д. Затѣмъ, даровалъ смолянамъ жалованную грамоту «держать ихъ во всемъ по тому же, какъ держалъ ихъ Витовтъ и иные государи и Александръ король и Жигимонтъ»; наконецъ, назначивъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ князя В. В. Шуйскаго, царь Василій III Ивановичъ возвратился въ Москву. Чрезъ мѣсяцъ онъ рѣшилъ продолжать завоеваніе городовъ отнятыхъ Литвою, но подъ Оршей войско его было разбито на голову литовскимъ воеводою К. Острожскимъ. Острожскій тотчасъ явился подъ Смоленскъ и, надѣясь на связи съ нѣкоторыми гражданами, думалъ овладѣть имъ. Здѣсь произошелъ переполохъ. Нѣкоторые составили было заговоръ сдать городъ Острожскому; но намѣстникъ В. В Шуйскій своевременно узналъ объ этомъ, заперъ городъ и приказалъ повѣсить на внѣшнихъ огражденіяхъ крѣпости заговорщиковъ, привязавши къ каждому подарки, какіе кто получилъ отъ царя. Острожскій, пылая гнѣвомъ, окружилъ городъ окопами и пушками, долго держалъ его въ осадѣ, писалъ осажденнымъ увѣщательныя грамоты; но ничто не помогало. Не предвидя успѣха, непріятель разбросалъ и разорилъ *„мѣсто“*, (т. е. форштадтъ), который москвичи называли по-своему: «Посадомъ», и оставилъ городъ. Измѣна бояръ и нѣкоторыхъ гражданъ дали царю мысль перевести колеблющійся элементъ населенія въ Москву, а взамѣнъ его прислать изъ Москвы въ Смоленскъ новыхъ людей. Такъ Смоленскъ закрѣплялся за Москвой.

Литовцы не оставляли однако Смоленска въ покоѣ: въ 1535 г. подходилъ сюда съ войскомъ, съ цѣлію возвратить городъ, Але-

ксандръ Вишневецкій, въ 1564 году Станиславъ Гиковскій [1]), въ 1579 г. Филонъ Кмитъ; но завладѣть городомъ имъ не удалось, а обыкновенно жгли только Посадъ, который, однако, благодаря обилію лѣсовъ, снова застраивался, но конечно, разъ отъ разу уменьшаясь въ количествѣ населенія и въ благосостояніи. Торговля его падала.

Какъ бы взамѣнъ торговаго мѣста на Смядыни и Кловкѣ, развивается *Предмѣстье предъ замкомъ города за Днѣпромъ*. Тутъ было и прежде населеніе: еще въ 1146 году великій князь Ростиславъ Мстиславичъ I-й устроилъ здѣсь каменный храмъ въ честь пророка Иліи. Существовалъ изъ города и мостъ на ту сторону Днѣпра, о чемъ съ несомнѣнностью извѣстно изъ Литовской эпохи. Но это населеніе, какъ и вообще все Заднѣпровье, не имѣло большого значенія и игнорировалось до времени огнестрѣльнаго оружія. Теперь же сюда переносится «*Гостиный дворъ*» изъ Троицкаго монастыря. Этому содѣйствовало, кромѣ повторяющихся погромовъ Смядынскаго посада, (по причинѣ, его беззащитности со стороны военной силы), еще начавшееся, вслѣдствіе рубки лѣсовъ, обмеленіе Днѣпра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и бухтъ его Смядынской и Кловской; новое же торговое Предмѣстье находилось подъ прикрытіемъ пушекъ изъ Замка города. Такимъ образомъ, Предмѣстье, при сравнительно лучшихъ условіяхъ чѣмъ посадъ, стало развиваться. Къ концу 16 вѣка оно, можно думать, было многолюдно и ограждено, потому что въ «Росписи» смоленскихъ людей по башнямъ, составленной въ 1609 г. Шеинымъ, населеніе этого пункта названо *Городенскою сотнею*. Слово «*сотня*» указываетъ на особую самостоятельную группу, или часть города. Эта часть названа «*Городенскою*», значитъ, что она была ограждена. Царь Василій Ивановичъ ввелъ *Ямщину* (вмѣсто прежней подводщины); ямщики поселились тоже на этой, правой сторонѣ Днѣпра, къ востоку, въ направленіи къ Москвѣ.

Рядъ войнъ, веденныхъ Москвою съ Литовскимъ государствомъ, поднялъ боевое значеніе Смоленска. Чтобы окончательно закрѣпить его за собою, Русское правительство озаботилось привести его въ возможно лучшее стратегическое состояніе. Въ царствованіе Θеодора Ивановича, весною 1596 года было приступлено къ постройкѣ знаменитой каменной стѣны, которая, простоявъ ровно 300 лѣтъ, уцѣлѣла по настоящее время. Для изготовленія

[1]) Хроника Бѣльскаго.

массы необходимаго для стѣны кирпича, еще за годъ предъ тѣмъ всѣ принадлежащіе монастырямъ и частнымъ лицамъ кирпичные заводы были отписаны въ казну; были отысканы удобныя мѣста для постройки новыхъ заводовъ [1]), а также мѣсто нахожденія извести и бутового камня и цокольнаго; изъ ближайшихъ и дальнихъ городовъ русскихъ были собраны въ Смоленскъ каменьщики. Главнымъ строителемъ былъ *«городовой мастеръ»* Өедоръ Васильевичъ Коня. Уже чрезъ 4 года стѣна непрерывною цѣпью въ 5 верстъ и 80 сажень длиною опоясывала городъ, имѣя на всемъ протяженіи 7 саженей вышины и $2^1/_2$ ширины; кромѣ того, подъ нею были еще вырыты «слухи» контръ-минныя галлереи. Царь Борисъ Годуновъ, который принималъ живое участіе въ устройствѣ стѣны, очень гордился ею, уподобляя ее *драгоцѣнному ожерелью,* придающему прелесть женской красотѣ. То правда, что она выразила собою высшую степень тогдашней техники: стоитъ, напримѣръ, посмотрѣть старинный рисунокъ башни, называвшейся Днѣпровскими воротами, чтобы убѣдиться, сколько здѣсь приложено было искусства и изящества. Но главное значеніе стѣны было боевое. Чрезъ 9 лѣтъ ей и пришлось выдержать пробный опытъ, насколько она удовлетворяетъ своему спеціальному назначенію.

Сигизмундъ III, пользуясь смутами и появленіемъ самозванцевъ въ Московскомъ государствѣ, захотѣлъ возвратить Смоленскъ — «древнюю собственность Литвы» подъ свою власть. Смоленскіе воеводы готовились къ такому случаю: заранѣе складывали въ крѣпости, въ погребахъ и амбарахъ, разные запасы, которыхъ было заготовлено *„на два года* и болѣе“ [2]); но это количество скорѣе надо понимать въ отношеніи усиленнаго гарнизона, не принимая въ разсчетъ всѣхъ гражданъ и окрестныхъ жителей «засѣвшихъ въ осаду», ибо вскорѣ обнаружился недостатокъ, напр. въ соли. Воеводы Михаилъ Бор. Шеинъ, и кн. Петр. Ив. Горчаковъ, также дьякъ Никонъ Алексѣевъ чрезъ довѣренныхъ людей развѣдывали о политическихъ движеніяхъ въ Оршѣ, Витебскѣ и Могилевѣ. Узнавши, что готовится нападеніе враговъ на Смоленскъ, они начали принимать мѣры къ оборонѣ крѣпости. Между разными мѣрами особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: воеводы спалили Посадъ, куда прежде всего надлежало прійти Си-

---

[1]) Въ 1897 г. нашли остатки такого завода въ Офицерской слободѣ (въ Смоленскѣ) съ обширною печью изъ кирпичей такихъ же, какіе въ Годуновской стѣнѣ.

[2]) Памятн. кн. Смол. г. за 1861

гизмунду; затѣмъ, они сдѣлали «Роспись» жителямъ, кому изъ нихъ быть на какой башнѣ, при какихъ воротахъ и вообще въ какомъ пунктѣ для защиты крѣпости въ осадное время. При этомъ выяснился составъ и расположеніе всего городского населенія Смоленска въ то время.

Отмѣчены *бояре и дѣти боярскіе*; они, какъ начальники, размѣщены по всѣмъ башнямъ. Далѣе слѣдуютъ *посадскіе люди* — это общее названіе для горожанъ—мѣщанъ; изъ нихъ различаются *посадскіе торговые люди и посадскіе люди по мѣстнымъ группамъ*, съ указаніемъ сотни къ которой они причисляются; но есть термины: *посадскіе люди полусоха*, затѣмъ—слобожане, наконецъ—люди *смоленскаго яма* (т. е. ямщики—крестьяне, обзаведшіеся домами въ Смоленскѣ). Духовенство и гарнизонъ не входятъ въ «Роспись» Шеина.

Торговые люди, какъ лица богатыя и вліятельныя въ городѣ, долженствовали служить въ качествѣ распорядителей при осадѣ. Ихъ размѣстили по всѣмъ башнямъ въ помощь боярамъ: бояре командовали, преимущественно, гарнизономъ, а торговые люди завѣдывали простыми гражданами, участвуя «въ нарядѣ на подъемъ». Роспись не опредѣлила мѣстожительства этихъ торговыхъ людей; но, безъ сомнѣнія, они группировались около базарной площади, въ главномъ пунктѣ города, которымъ служила Соборная гора, въ польскихъ источникахъ называемая то «*Старымъ замкомъ*», то «*Архіерейскимъ монастыремъ*» [1]), гдѣ жилъ епископъ; она была окружена каменными стѣнами съ 4-мя башнями. Подъ нею на берегу Днѣпра было *торжище* (площадь). Около Соборной горы, по долинамъ въ верхнюю часть города шли его древніе „концы:“ на западной сторонѣ — *Пятницкій конецъ* съ посадскими людьми того же названія, а къ востоку—*Крылошанскій конецъ* (отъ клира, или крылошанъ, существовавшихъ въ вѣдѣніи епископа). Верхняя часть крѣпости, между 2-мя городскими валами, видимо, и въ это время была заселена слабо. А около стѣны, преимущественно по Козловской горѣ размѣщались стрѣлецкія слободы [2]).

Въ «Росписи» Шеина за людьми Крылошанскаго конца, къ востоку, отмѣчаются *посадскіе люди Веденецкіе*, или Веденскіе и еще *посадскіе люди Воровскіе*; они всѣ названы *полусохою*, т. е. мѣщане, занимающіеся земледѣліемъ. Занятіе земледѣліемъ обу-

[1]) Смотр. „Учрежд. смол. еп.“ Е. Н. Кашировскаго стр. 5.

[2]) Оттого населеніе этой мѣстности и не введено въ «Роспись» Шеина.

словливаетъ жизнь за городомъ. Они, дѣйствительно, жили за крѣпостію города: Веденецкая полусоха расположена была по берегу Днѣпра, какъ объ этомъ было упомянуто выше; а Воровская (Вѣровская) *во рву*, очень широкомъ, за Авраміевскимъ монастыремъ; въ ровъ этотъ спускалась отъ Авраміевскихъ воротъ старая дорога Московская. Этимъ людямъ и назначено было въ осадное время служить при башняхъ, направляющихся въ ихъ сторону, къ востоку и юговостоку. Крылошанскіе люди названы также полусохою,—это потому, что ихъ мѣстность [1]) въ старое время была тоже загороднею: земляной валъ, спускаясь отъ Авраміевскаго монастыря по крутому буераку около Георгіевской церкви, ихъ въ себя не захватывалъ, только Годуновскія стѣны, расширивъ крѣпость въ восточную сторону, включили Крылошанскихъ земледѣльцевъ, въ составъ горожанъ; но они, видимо, имѣя пашни за городомъ, не оставляли еще своего прежняго занятія. Такъ какъ предыдущія башни уже подѣлены были между другими гражданами, а Крылошанскимъ людямъ въ случаѣ осады легко было по ручьямъ (особенно Георгіевскому) добѣжать до слѣдующихъ башенъ; то имъ и дано было, по Росписи, служить при 3-хъ дальнѣйшихъ уже южныхъ башняхъ до Молоховскихъ воротъ.

Отъ Молоховскихъ воротъ по Родницкому рву въ Пятницкій конецъ города шла почти прямая большая улица, главная въ крѣпости [2]), пересѣкавшая ее пополамъ. По этой большой проѣзжей улицѣ легко и скоро людямъ Пятницкаго конца можно было явиться къ Молоховскимъ воротамъ, которыя и назначены имъ вмѣстѣ съ предшествующею южною башнею для обороны въ случаѣ осады. Люди Пятницкаго конца уже не называются полусохою, какъ и всѣ дальнѣйшіе посадскіе люди.

Слѣдующая за ними группа, занимавшая Воскресенскій выступъ нагорья берега называлась *посадскіе люди Воскресенской сотни*, имъ даны находившіяся въ ихъ районѣ башни югозападныя. Далѣе къ западу, на слѣдующемъ выступѣ берега, (по теперешнему названію Казанскій и Богословскій), до рѣчки Чуриловки, находилась *Везовенская сотня*, получившая свое названіе, вѣроятно, отъ, глагола: везти, возить, т. е. здѣсь, между Старымъ городомъ и Посадомъ, жили люди, промышлявшіе извозомъ, пе-

[1]) Зеленый ручей.

[2]) Чрезъ теперешній домъ г. Мертенсъ.

ревозкой товаровъ по сухимъ трактамъ, отсюда и названіе ихъ *везовники*. Они защищали всю западную часть стѣны, находящуюся, такъ сказать, на ихъ территоріи. За Чуриловкой слѣдовалъ въ собственномъ смыслѣ *Посадъ*; но онъ выжженъ былъ къ приходу поляковъ, чтобы не дать имъ удобнаго пристанища; жители его перешли въ крѣпость. Шеинъ прикомандировалъ и ихъ къ одной башнѣ около Копытецкихъ воротъ для обороны, назвавъ этихъ людей собственнымъ ихъ названіемъ *Посадскіе люди*.

Днѣпровская часть стѣны вся отдана была людямъ, жившимъ на другой, правой сторонѣ Днѣпра. Начиная отъ Флоровскихъ, теперь Богоматерскихъ воротъ въ направленіи къ востоку, на пространствѣ 9 башенъ заняли стѣну, не раздѣляя своей группы, *люди Городенской сотни*, т. е. жители той части праваго берега, которая была *загорожена*. По количеству занятыхъ ею башенъ, видимо, что эта *«сотня»* (въ смыслѣ гражданской группы) считалась самою людною и называлась *посадскіе люди*, т. е. промышленники и торговцы, или мѣщане, а не земледѣльцы. Далѣе отъ *Городни* къ западу, (гдѣ находится Петропавловская церковь), образовалась *Загороденская* слобода; а къ востоку, какъ намъ извѣстно, жили ямщики. «Роспись» удѣляетъ и имъ мѣсто на приднѣпровской части стѣны: къ 3-мъ башнямъ воеводы приставляютъ «*Смоленскаго яму охотниковъ и ихъ подсусѣдниковъ*» а къ 2-мъ другимъ башнямъ прикомандировываетъ «*Новой Загороденской льготной слободы слобожанъ*».

Были еще въ то время небольшія группы населенія Смоленска, именно: *слобожане Архіерейской слободы* (по р. Большой Рачевкѣ, какъ сказано выше), также жители слободки *Духовскаго монастыря*, и наконецъ *Слободка Авраміевскаго монастыря*. Такъ какъ, кромѣ Годуновскихъ стѣнъ, у города было еще ограждение, именно оставшаяся внѣ стѣнъ *часть древняго* земляного города, въ предѣлахъ Богословскаго прихода, и названная теперь *Острогомъ*, который тоже надо было стеречь; то сюда и назначены были «для ночныхъ карауловъ» указанные слободскіе люди [1]).

Таковъ былъ составъ населенія Смоленска передъ приходомъ поляковъ.

Въ 1610 году, 16 сентября (по старому стилю) Сигизмундъ III явился подъ Смоленскъ съ большимъ войскомъ и пушками; окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ, прекратилъ къ нему всякіе

---

1) «Истор. г. Смол.» Никитина 151 стр.

подвозы и сношенія съ нимъ. Воеводы смоленскіе и граждане, дали обѣтъ Пречистой Богородицѣ стоять за православную вѣру и отечество, а литовскому королю и его панамъ отнюдь не подчиняться, и стали отражать приступы враговъ. Началась великая борьба, или точнѣе сказать: драма, полная трагизма, коллизій, или сцѣпленія обстоятельствъ и фактовъ государственной важности [1]). Въ Москвѣ въ это время совершались слишкомъ серіозныя дѣла: изгнаніе самозванцевъ, удаленіе съ престола царя Василія Ивановича Шуйскаго, правленіе Верховнаго Совѣта—бояръ, избраніе новаго царя, при чемъ выборъ многихъ падаетъ на сына Сигизмундова Владислава, и народная партія отстранена; составлены уже условія, очень выгодныя для Польши, при которыхъ Владиславъ могъ вступить на Россійскій престолъ; послано даже Великое посольство въ Смоленскъ призвать Владислава на царство; многіе уже присягають ему; а въ Москву впущено польское войско. Вся Русь готовилась перейти во власть поляковъ, одинъ лишь Смоленскъ противодѣйствуетъ этому.

Сигизмундъ III со цвѣтомъ польскаго войска, стоя подъ Смоленскомъ, стремится изъ-за рыцарской чести во что бы то ни стало, сломить упорство смольнянъ, засѣвшихъ въ осаду. Непріятели употребляють всевозможныя средства: производятъ постоянные штурмы, дѣйствуютъ осадными орудіями, количество которыхъ при дальнѣйшей осадѣ было увеличено подвозомъ новыхъ; пытаются въ разныхъ мѣстахъ тайно, въ ночную пору, взорвать ворота петардами; ведется у нападающихъ съ осажденными и подземная война, чрезъ мины, но—ничто не помогало. Одинъ разъ даже чрезъ подкопъ, веденный изъ оврага рѣчки Чуриловки, въ глубинѣ земли (оттого не замѣченный осажденными) поляки взорвали часть стѣны и одну башню; но Шеинъ ловко задѣлалъ проломъ абшнидомъ, въ видѣ земляного вала, устроеннаго полукружіемъ съ выступомъ внутрь стѣны, что и сейчасъ видно въ Лопатинскомъ саду. Сигизмундъ и русскіе, державшіе сторону Владислава, пытались ослабить энергію осажденныхъ и путемъ увѣщаній, ласкъ, угрозъ; но смольняне крѣпко исполняли свой обѣтъ и не сдавались, хотя многіе умирали отъ цинги, развившейся вслѣдствіе недостатка соли и вообще отъ разныхъ неудобствъ и недостатковъ жизни.

---

[1]) Подробно изложено объ этомъ въ книгѣ: «Княжеская мѣстность въ Смол. .

Шелъ уже 20-й мѣсяцъ осады. Ожесточеніе непріятеля дошло до высшей степени. Поляки грозили поступить со Смоленскомъ, какъ римляне съ Іерусалимомъ: не оставить камня на камени, что почти и выполнили 3 іюня 1611 года. Нѣкто измѣнникъ Дѣдешинъ, служившій прежде въ русскомъ отрядѣ города Бѣлаго, указалъ королю слабое мѣсто крѣпости въ юговосточной части города, гдѣ стѣна спѣшно оканчивалась осенью въ дождливую пору: король приказалъ устремить на это мѣсто всѣ дѣйствія пушечныхъ ядеръ; пробили брешь, и ночью непріятели прорвались за стѣну, на земляной валъ, бывшій за нею внутри города; иные взобрались на крѣпость по лѣстницамъ. И началось избіеніе обезсиленныхъ осажденныхъ гражданъ ожесточенными и торжествующими непріятелями. Бились на крѣпости, бились на улицахъ, площадяхъ и въ домахъ. Непріятель вездѣ одолѣвалъ Главная битва, или скорѣе—*рѣзня* происходила на центральной улицѣ ***Родницкой.*** Здѣсь погибло нѣсколько тысячъ однихъ только дворянъ и дѣтей боярскихъ. Затѣмъ, возникли пожары при сильномъ вѣтрѣ. Иные изъ жителей, не видя спасенія, бросались въ огонь и погибали. Непріятели стремились къ главному храму, или собору Богоматери, въ «Старомъ Замкѣ гдѣ, заперлись болѣе 3 тысячъ знатныхъ гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами и богатствами, надѣясь послѣ битвы испросить себѣ пощаду; но подъ храмомъ, въ нижнемъ этажѣ зданія, или въ «погребѣ» хранились военные припасы, а главное—порохъ, котораго въ началѣ осады было 8500 пудовъ. Польскія извѣстія сообщаютъ, что какой-то мѣщанинъ Бѣлавинъ, любимецъ Шеина [1]), зажегъ оставшіеся еще подъ соборомъ запасы пороха 1500 боченковъ: *«великолѣпный и огромнѣйшій»* соборъ Мономаха (названный въ польскихъ источникахъ *«Великимъ греческимъ костеломъ»* [2]), *«Архіепископскою Церковію», Мочастыремъ, очень красиво выстроеннымъ»* [3]) взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ находившимися тамъ знатными семействами. Тогда же погибли и мощи св. Меркурія, находившіяся при главномъ входѣ въ соборъ, съ сѣверной стороны. Взрывъ былъ такъ

---

[1]) (Смотр.: «Учрежд. смол. еписк.» Е. Н. Кашпровскаго стр. 13).

[2]) Въ Хроникѣ Бѣльскаго на польскомъ языкѣ.

[3]) Такъ названъ соборъ въ письмѣ очевидца Вихровскаго. Польскіе разсказы участниковъ штурма Смоленска характеризуютъ взрывъ такъ: это было не то землетрясеніе, не то молнія, не то громъ; а въ одно время все это вмѣстѣ». (Смотр. у Е. И. Кашпровскаго стр. 5 и 13-я).

силенъ, что находившіеся возлѣ собора, на покатостяхъ горы, люди иные покрыты были землею, щебнемъ и камнями цѣликомъ. Такъ черезъ 16 дней, по взятіи города, поляки, искавшіе уцѣлѣвшихъ вещей на Соборной горѣ, услыхали человѣческій голосъ раздававшійся изъ-подъ камней; разрыли это мѣсто и нашли мужчину и женщину еще живыхъ; въ недавнюю пору при раскопкѣ земли подъ фундаментъ дома на окраинѣ горы найденъ былъ въ одѣяніи и вооруженіи остовъ всадника, сидящаго на конѣ, очевидно, засыпаннаго внезапно въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился въ моментъ взрыва. Городъ представилъ собою почти сплошное пепелище съ трупами. Кое-гдѣ только, преимущественно, въ удаленіи отъ центра сохранились зданія, между прочимъ уцѣлѣлъ Авраміевскій монастырь, изъ котораго мощи преподобнаго Авраміи, «какъ схизматика», католиками съ пренебреженіемъ были вынесены и скрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ. Такъ погибъ Смоленскъ, находившійся 97 лѣтъ подъ властію Московскихъ государей.

20-ти мѣсячная осада Смоленской крѣпости задержала движеніе Сигизмунда внутрь Россіи для завладѣнія Москвой, и тѣмъ спаслась Русь, ея народность и православіе.

Епископы смоленскіе того времени: 33) *Іосифъ* (*3-й*) изъ архимандритовъ Чудова монастыря въ 1515 году, 15 февр. поставленъ митр. Варлаамомъ на смоленскую епархію; ему царь велѣлъ обращать католиковъ въ православіе; изъ Москвы онъ уѣхалъ въ Смоленскъ въ мартѣ мѣсяцѣ; скончался и погребенъ въ Смоленскѣ въ 1532 году. 34) *Савва* (Слѣпушкинъ) изъ монаховъ Волоколамскаго монастыря, бывшій дворянинъ (1532—1539 г.). 35) *Гурій* съ 1539 года изъ архимандритовъ Симонова монастыря, присутствовалъ при избраніи митрополита Макарія въ 1542 году и подписался епископъ смоленскій и *брянскій*; присутствовалъ и на Стоглавомъ соборѣ. 36) *Симеонъ* (*3-й*) съ 1556 года поставленъ митр. Макаріемъ изъ игуменовъ Бѣлоозерскаго монастыря. Гурій присутствовалъ на Московскомъ соборѣ о бѣломъ клобукѣ при избраніи митр. Филиппа въ 1567 г. 37) *Филоѳей* (Феофилъ) былъ еп. смоленскимъ и брянскимъ до 1572 г. 38) *Сильвестръ* съ 1572 г. еписк. смоленскій и брянскій, а съ 1588 года по повелѣнію царя Ѳедора Ивановича, по учрежденіи Московской патріархіи, названъ *архіепископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ*. 39) *Ѳеодосій* рукоположенъ патріархомъ Іовомъ въ 1589 году, жилъ во время постройки городской стѣны. 40) *Сергій* архіепископъ смоленскій и *брянскій*, жилъ въ Смоленскѣ во время осады города Сигизмундомъ III, былъ раненъ; по окончаніи осады въ 1611 году его отправили въ Варшаву плѣнникомъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ; оттуда возвратился въ 1616 году въ Москву, а не въ Смоленскъ.

VII. Польская эпоха отъ 1611—1654 г.

По взятіи Смоленска Сигизмундомъ, жизнь города стала слагаться совершенно на новыхъ началахъ. И понятно почему: городъ былъ пустъ и представлялъ собою послѣ пожара и разрушенія незаселенное пространство, огражденное стѣною; тѣмъ не менѣе надо было удержать этотъ огражденный пунктъ за собою. А для этого необходимо было заселить его такими людьми, которые могли быть вѣрны Польшѣ. Привлекались на жительство люди новые для Смоленска, ибо прежнихъ жителей осталось крайне ограниченное число, да и тѣ, видя разбитую жизнь, другіе порядки при новыхъ властителяхъ—иноземцахъ, не многіе могли смириться съ измѣнившимся положеніемъ и жить въ городѣ. Старый укладъ жизни, порядки и преданія прекращались, и вся жизнь въ Смоленскѣ пошла иначе.

Сигизмундъ, прежде всего, поправилъ укрѣпленія города, гдѣ они были разбиты: во-вторыхъ—защитилъ мѣсто, гдѣ взорвана была стѣна, новою присыпкою земли полукружіемъ на внѣшнюю сторону, такъ что эта насыпь, вмѣстѣ съ абшнидомъ (или валомъ) Шеина, представила изъ себя особую цитадель, или небольшое укрѣпленное мѣсто, названное *Королевскою крѣпостію*. Затѣмъ, въ виду неопредѣленнаго положенія съ Москвой, онъ долженъ былъ оставить въ Смоленскѣ сильный отрядъ осадныхъ людей, который размѣстился по башнямъ крѣпости, приспособленнымъ для жилья. Этому войску для доставленія продовольствія, запасовъ, вообще для жизни нужны были рабочіе люди: промышленники и ремесленники. Такіе люди уже были у Сигизмунда во время его 20 мѣсячный стоянки въ таборѣ подъ городомъ. Это «литовскіе люди». Они, какъ видно изъ грамоты Сигизмунда отъ 4 ноября 1611 года: тоже *«вознамѣрились имѣть свое жительство въ городѣ и внѣ онаго, на обѣихъ сторонахъ рѣки»*. Однако жителей все-таки было мало для такого огромнаго пространства замка. Являлась необходимость привлекать въ Смоленскіе мѣщане людей изъ Польши привлекать путемъ разныхъ привилегій, льготъ и вольностей. Изъ этихъ льготъ и «беневоленствъ» заслуживаютъ вниманія слѣдующія: смоленскіе мѣщане освобождались отъ податей; имъ даромъ раздавались мѣста для поселенія въ крѣпости города, для чего крѣпость распла-

нирована была по новому, срыть даже внутренній валъ, шедшій посрединѣ верхней части города, оттого нѣкоторыя улицы должны были получить новое направленіе. Давались мѣщанамъ уволоки лѣсу для построекъ; отведены были сѣнокосные морги, и пастбища для скота; дано право свободной рыбной ловли на нѣсколько верстъ по Днѣпру; мало того, были подарены деревни съ крестьянами, такъ что въ Смоленскѣ образовалось особое сословіе: *мѣщанъ-помѣщиковъ*. Сигизмундъ позаботился и объ устройствѣ нѣкотврыхъ необходимыхъ учрежденій для города: заѣзжихъ и гостиныхъ дворовъ, устройствѣ фабрикъ, мельницы, общей бани, часовой башни, ратуши, торговыхъ рядовъ. Далъ и средства для устройства всего этого: пошлины съ привозимыхъ товаровъ, пошлины съ вѣсовъ, мѣры, пошлины съ плавающихъ по Днѣпру судовъ (великія судна кіевскіе, меньшія судна, чолнъ великій, чолникъ), все это приказалъ обращать въ пользу города; къ тому же еще подарилъ городу 10 кирпичныхъ заводовъ. Для развитія торговли учредилъ 2 ежегодныя ярмарки въ Смоленскѣ. Раздавалъ мѣщанамъ даромъ пляцы (мѣста) на пристани рѣки Каспли подъ устройство амбаровъ для складыванія привозимыхъ товаровъ изъ Риги и отправляемыхъ туда изъ Смоленска [1]). Самая жизнь гражданъ располагалась на свободныхъ выборныхъ началахъ своихъ представителей въ *магистратъ*, который занимался разбирательствомъ судебныхъ дѣлъ и тяжбъ, руководясь единственно тевтонскимъ магдебургскимъ правомъ.

Несмотря на всѣ эти привилегіи, городъ росъ медленно: еще на памяти всѣхъ была печальная судьба прежнихъ его обитателей. Только къ концу царствованія Сигизмунда сложился Смоленскъ такъ, какъ хотѣлъ Сигизмундъ: по типу средневѣковаго города, съ *войтомъ* во главѣ, (представителемъ королевской власти) и цѣхами. Должность войта занималъ благородный Афонасій Героснмъ *Цехановичъ*, а начальникомъ замковаго пѣхотнаго баталіона былъ Александръ Корвинъ—*Гонсевскій*. Городъ получилъ новый гербъ и печать, изображающіе св. Архангела Михаила, одѣтаго въ желѣзныя латы и держащаго въ правой рукѣ обнаженный мечъ, а ногами попирающаго крылатаго дракона. Этотъ гербъ заимствованъ изъ Ливоніи. А раньше, какъ видно

[1]) Это показываетъ, что къ тому времени прекратилась доставка товаровъ въ Смоленскъ изъ Каспли волокомъ, а стали ихъ переводить сухопутьемъ.

изъ «Хроники» — Бѣльскаго, гербъ былъ слѣдующій: красная хоругвь съ древкомъ; на ней сѣраго цвѣта щитъ, и на щитѣ—золотая палочка, лежащая наискось. Это гербъ Московскаго періода. Въ Литовскую же эпоху, по уничтоженіи самостоятельности Смоленска, на смоленскихъ печатяхъ изображалась: княжеская шапка, лежащая на большихъ княжескихъ креслахъ съ подножіемъ и подписью кругомъ: „Печать великаго княжества Смоленскаго" [1]). Въ 14 вѣкѣ, около 1330 года на договорѣ смолен. князя Александра Глѣбовича привѣшена свинцовая печать съ изображеніемъ воина, съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой,—безъ сомнѣнія, это Меркурій Смоленскій, послѣ его прославленія,—патронъ и оберегатель города [2]). Въ болѣе древнюю эпоху встрѣчается на печатяхъ на одной сторонѣ изображеніе животнаго («звѣрь лютъ»), а на другой имя князя и владыки. Въ такомъ случаѣ это первичная печать до установленія культа св. Меркурію Смоленскому. Такая печать встрѣчается въ 1284 году на договорѣ смол. кн. Ѳедора Ростиславича со словами: «Печать великаго князя Ѳедора и владыки Перфілія».

Такъ какъ Смоленскъ вошелъ теперь въ составъ польскихъ владѣній, гдѣ господствовало римско-католическое вѣроисповѣданіе, то и въ Смоленскѣ (хотя и не тотчасъ) учреждается католическая епархія съ бискупомъ во главѣ, для котораго устроенъ былъ каѳедральный костелъ на Соборной горѣ; православная же вѣра стала подвергаться стѣсненіямъ. Сигизмундъ былъ ревностный католикъ, подпавшій подъ вліяніе іезуитовъ, которыхъ онъ очень любилъ. Для распространенія католичества въ Смоленскомъ воеводствѣ, явились сюда іезуиты; они выпросили себѣ у короля мѣсто въ городѣ, близъ Дворца для устройства кляштора. *Іезуитскій кляшторъ* находился тамъ, гдѣ теперь Вознесенскій монастырь. А мѣсто, гдѣ былъ королевскій дворецъ, указывается *Королевскою улицею,* идущею параллельно Вознесенской. На помощь іезуитамъ вызваны были *Доминиканцы*, которые на нѣкоторое время заняли Авраміевскій монастырь; послѣ нихъ монастырь былъ уничтоженъ, и мѣсто монастыря перешло во владѣніе частнаго лица. При Сигизмундѣ образовался еще Орденъ *Базиліанъ*, имѣющій спеціальное назначеніе обращать православныхъ въ унію. Базиліане появились и въ Смоленскѣ. Для коренного населенія

---

[1]) Чтен. въ Имп. Общ. истор. и древн. 1846 г. «Достопам. Смол.» стр. 15.

[2]) «Княж. мѣстность» стр. 177, и 157.

Смоленской области назначались епископами *уніаты*, которые тѣснили православное духовенство. Волей не волей православные храмы и населеніе обращались въ уніатскіе и католическіе. При кор. Владиславѣ, къ 1639 г. всѣ храмы Смоленской области вплоть до Дорогобужа сдѣлались или уніатскими, или католическими.

Обратимъ вниманіе на политическія отношенія Польши къ Москвѣ.

По взятіи Смоленска, Сигизмундъ III не могъ направлять путь въ глубь Россіи для завладѣнія Москвой, чего хотѣлъ прежде: этому противилось его войско, изнуренное долговременною осадою Смоленска, да ему самому нужно было поспѣшить на сеймъ въ Варшаву, куда онъ немедленно и возвратился изъ-подъ Смоленска. Разрушеніе этого города и уходъ Сигизмунда съ войскомъ изъ Россіи разстроили дѣло Владислава въ Москвѣ. Тамъ восторжествовала національная партія и стала направлять умы къ тому, чтобы возвести на престолъ лицо изъ своихъ природныхъ и уважаемыхъ бояръ, именно—Михаила Ѳедоровича Романова, хотя Владиславъ носилъ уже титулъ *царя всея Руси*, чеканилъ даже монеты съ этимъ именемъ. Означенное обстоятельство опять понудило Сигизмунда въ 1612 году, послѣ сейма, итти съ войскомъ въ Россію. Онъ дошелъ уже до Волоколамска; но тутъ встрѣтилъ отпоръ и возвратился назадъ.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій Москвы, по вступленіи на престолъ юнаго Михаила Ѳедоровича, была попытка возвратить утраченныя Россіей въ смутное время области. Князь Димитрій Черкасскій, направленный противъ поляковъ, захватилъ нѣсколько городовъ, разбилъ непріятельскія войска подъ Смоленскомъ и осадилъ городъ; но не могъ взять его: литовцы подкрѣпили защитниковъ. Мало того, Сигизмундъ отправилъ подъ Смоленскъ Владислава съ войскомъ прогнать Черкасскаго. Черкасскій долженъ былъ удалиться; за нимъ направляется и Владиславъ къ Москвѣ соперничать съ молодымъ царемъ, думая найти себѣ тамъ сторонниковъ. Долго оба государства воюютъ, но безуспѣшно какъ для одного, такъ и для другого. Наконецъ та и другая сторона склоняется къ миру, который и заключенъ былъ 1618 года 1 декабря въ Деулинѣ. Смоленскъ остался за Польшей; за то истребовано было русскими назначеніе для православныхъ, прежде бывшихъ подъ властію Москвы, особаго архіепископа православнаго. Въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ, и въ королевствѣ

наступили смуты, длившіяся 6 мѣсяцевъ до вступленія на польскій престолъ Владислава. Этимъ воспользовался царь Михаилъ Ѳедоровичъ: нарядилъ огромнѣйшую рать подъ предводительствомъ Мих. Бор Шеина и Измаила Прозоровскаго; въ войскѣ находились многіе иностранцы, нанятые въ Западной Европѣ. Московское войско обложило Смоленскъ кольцомъ и начало осаду. Чтобы овладѣть крѣпостью, русскіе рѣшились сдѣлать сначала приступъ. Въ полночь на Рождество Христово (по католич. календарю) двинулись къ стѣнамъ со стороны существовавшей „церкви у Орловаго укрѣпленія, что у мельницы іезуитовъ" (восточн. часть города); но потерпѣли неудачу [1]). Затѣмъ, Шеинъ повелъ подкопы. Главный подкопъ велся къ юговостоку отъ Молоховскихъ воротъ, подъ третью за ними башню. Онъ начался за 300 шаговъ отъ крѣпости изъ-за высокаго укрѣпленнаго кургана, съ котораго безпрестанно палили въ это время. Наконецъ, подложили подъ башню 100 мѣшечковъ пороху и зажгли; башня (грановитая) взлетѣла на воздухъ, образовался проломъ въ стѣнѣ. Но у осажденныхъ былъ въ этомъ мѣстѣ за башнею ложементъ съ частоколомъ и огромные срубы для помѣщенія батарей, въ которыхъ между прочимъ фигурировали еще 2 каменныя пушки. Осажденные отразили враговъ и засыпали проломъ, который сталъ называться *Шеиновъ проломъ*. Тутъ явился съ войскомъ вступившій уже на престолъ король Владиславъ; онъ за Днѣпромъ прорвалъ кольцо, или осадную цѣпь; чрезъ мостъ соединился со своими, осажденными въ замкѣ и сталъ постепенно отвоевывать позиціи у русскихъ. Районъ военныхъ дѣйствій простирался отъ Кловки (на западѣ) и вверхъ Днѣпра (на востокъ), до Богдановой околицы, находившейся въ 7 верстахъ отъ города. Наконецъ, Владиславъ довелъ Шеина до того, что тотъ со своею арміею склонилъ знамена предъ Владиславомъ.

Напоминаніемъ объ этой осадѣ служитъ находящаяся подъ городомъ, на восточной сторонѣ деревня *Шеинъ Острогъ*—главный станъ Шеина; уцѣлѣло также вокругъ города много разныхъ земляныхъ сооруженій: батарей, шанцевъ, крѣпостицъ, окоповъ, сдѣланныхъ осаждающимъ войскомъ Шеина.

Наконецъ, царь Алексѣй Михаиловичъ, сынъ и преемникъ Михаила Ѳедоровича, въ 1654 году 3 октября возвратилъ уже окончательно Смоленскъ подъ Россійскую державу.

---

[1]) Рукоп. Им. Пуб. библ. F IV, № 45.

Епископами въ Польскомъ періодѣ Смоленска были слѣдующія лица:

Православные епископы:

На первыхъ порахъ православные, въ отношеніи священства, не извѣстно, куда обращались; потомъ, на основаніи Деулинскаго договора, посвященный въ 1620 году въ санъ архіепископа перемышльской епархіи 41) *Исаія Копинскій* назначенъ былъ въ 1628 году *архіепископомъ смоленскимъ* и черниговскимъ, но жилъ въ Густынскомъ-Лодинскомъ и Мгарско-Лубенскомъ монастыряхъ.

Уніатскіе епископы:

1) *Левъ Креза-Ржевускій* (съ 1625 г. по 1637 г.) былъ не только уніатъ, но, до назначенія на Смоленскую архіепископію, состоялъ *протоархимандритомъ* ордена Базиліанъ и много потрудился для его устройства. Это была уважаемая личность въ Литвѣ. Такъ какъ въ Смоленскомъ замкѣ негдѣ было жить архіепископу, то дана ему грамота Сигизмунда на владѣніе Смол. церковію св. Петра и Павла «въ *уважеіе* Леона Кревзы»; здѣсь онъ пристроилъ къ церкви зданіе и жилъ въ немъ.

2) *Андрей Золотой-Квашинъ*,—уніатскій архіепископъ, называвшійся Смоленскимъ и архимандритомъ Онуфріевскимъ и жившій во Мстиславльскомъ воеводствѣ, въ Онуфріевскомъ монастырѣ. Онъ далъ присягу, что всѣхъ православныхъ и въ Смоленскѣ, и Дорогобужѣ, и Черниговѣ, и Стародубѣ приведетъ въ унію.

Далѣе, по возвращеніи Смоленска подъ Русскую державу, слѣдовали номинальные уніатскіе епископы:

3) *Митрофанъ* Друцкой-Соколинскій архіепископъ смоленскій и другіе, до начала текущаго столѣтія жившіе въ Онуфріевскомъ монастырѣ.

Римско-католическіе бискупы:

1) *Петръ Парчевскій*, съ 1638 г. бискупъ Смоленскій. Онъ построилъ Каѳедральный костелъ на мѣстѣ Собора Мономаха, но жилъ сначала не на Соборной горѣ, а въ теперешнемъ Троицкомъ монастырѣ, откуда чрезъ бывшій Сухой ровъ были устроены для него переходы на Соборную гору. Ему принадлежало мѣстечко Гнѣздово въ 9 верстахъ отъ Смоленска внизъ по Днѣпру, гдѣ существовалъ тоже костелъ. Въ 1641-мъ году ѣздилъ въ Римъ къ папѣ. Умеръ въ 1649 году. Послѣ него былъ

2) *Исайковскій*, который дожилъ до времени взятія Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и долженъ былъ уйти изъ Смоленска, но продолжалъ носить имя бискупа смоленскаго.

За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ номинальныхъ смоленскихъ бискуповъ. Послѣдній номинальный бискупъ былъ (съ 1745 -1761 г.) изъ фамиліи *Гильзенъ*; встрѣчается много подписей Гильзена на документахъ костеловъ бывшей Смоленской области. Онъ жилъ въ имѣніи Освей Витебской губерніи; по его смерти, это имѣніе перешло въ семейство Гильзеновъ съ титуломъ графства Римско-Овсейскаго.

VIII. Смоленскъ, какъ провинція Россіи отъ 1654—1812 г.

Занявши городъ царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ привилегіи гражданъ и должностныхъ лицъ, дарованныя смольнянамъ королями; велѣлъ укрѣпить стѣну бастіонами и палисадами. Оставивъ часть войска въ Смоленскѣ подъ начальствомъ Гр. Гавр. *Пушкина*, приказалъ остальному войску возвратиться на зиму въ Россію, располагая послѣ начать новыя военныя дѣйствія противъ Польши, что онъ потомъ и исполнилъ. Отмѣнено было въ Смоленскѣ Магдебурское право, введены русскія уложенія. Смоленская область была названа *воеводствомъ*, управленіе которымъ ввѣрялось самымъ знатнымъ и близкимъ къ царю боярамъ. (Списокъ ихъ помѣщенъ ниже).

Московское государство не могло терпѣть уніи и католичества въ древнемъ русскомъ городѣ. Потому польскій бискупскій костелъ былъ преображенъ въ православный соборъ, іезуитскій кляшторъ передѣланъ былъ въ женскій православный *Вознесенскій* монастырь; сюда вызвана была изъ Оршанскаго Кутейкина монастыря игуменья *Ираида Куракина*, (по тогдашнему—очень образованная женщина, изъ смоленскихъ дворянъ, бывшая княжна), съ находившимися при ней 22-мя монахинями. Возобновленъ и Авраміевскій монастырь. Въ 1656 году приказано было всѣ уніатскіе и католическіе храмы преобразить въ православные. Съ уніатами у правительства не было борьбы; но въ Смоленскѣ остались жить католики, особенно шляхта, они не могли скоро отрѣшиться отъ своего вѣроисповѣданія, и изгнанное католическое духовенство долго подъ разными предлогами, иногда переодѣтое, тайно являлось къ своей паствѣ. Однако жизнь и сношенія съ православными, переселявшимися сюда во множествѣ, брачные союзы однихъ съ другими подъ условіемъ, чтобы дѣти были православ-

ными; выселеніе иновѣрныхъ въ глубь Россіи; запрещеніе отдавать дѣтей для воспитанія въ югозападныя католическо-іезуитскія школы, и учрежденіе своихъ школъ, — все это понемногу сглаживало иновѣрное различіе, и католическія фамиліи съ теченіемъ времени сдѣлались православными.

Пока шла борьба у Москвы съ Польшею, Смоленскъ имѣлъ важное стратегическое значеніе пограничнаго пункта, властвующаго надъ сосѣдними городами и волостями. Прежде польское правительство заботилось, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы заселить его, собственно — Замокъ; для этого стѣсняло даже Посадъ, все направляя къ тому, чтобы заселялась больше крѣпость, а не Посадъ и предмѣстья: въ главномъ предмѣстьѣ за Днѣпромъ, передъ стѣною, по возвращеніи города къ Москвѣ отъ Польши, было всего только 200 мѣщанъ. Теперь же царь Алексѣй Михаиловичъ желаетъ сдѣлать Замокъ *исключительно военнымъ* пунктомъ. Тотчасъ вслѣдъ за Андрусовскимъ договоромъ 1667 года, государь позаботился починить стѣну, потому что она послѣ поляковъ оказалась «во многихъ мѣстахъ не покрытою, въ башняхъ верхніе и нижніе мосты стали худы; а въ иныхъ мѣстахъ городовая крѣпость порушилась. Ровъ (за стѣною) во многихъ мѣстахъ осыпался; а тайники и казенные погреба съ каменными выходами обвалились. Амбаровъ и житницъ оказалось мало: хлѣбныхъ запасовъ сыпать было негдѣ». При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ пушекъ было въ крѣпости 434, исключая испорченныхъ. Военныхъ людей: пушкарей, рейтаровъ (конныхъ дворянъ-шляхтичей), также солдатъ и прежде находилось здѣсь много; теперь же посылаются сюда на жительство стрѣльцы цѣлыми полками (полкъ болѣе тысячи); въ крѣпость иностранцевъ не пускаютъ. Торговое населеніе — мѣщане оказались здѣсь лишними: имъ приказывается «свозить свои дворы за городъ», въ предмѣстья; даже многимъ рейтарамъ и Донскимъ казакамъ приказано было выселиться за крѣпость города.

Торговое сословіе, выселяемое изъ крѣпости, стало группироваться за Днѣпромъ. Тамъ устроили опять, какъ при царѣ Василіи Ивановичѣ, Гостиные дворы. Проведенъ былъ туда теперь Московскій сухопутный трактъ, который прежде проходилъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра черезъ село Дресну. Новый трактъ дѣлался болѣе и болѣе людным и оживленнымъ, вслѣдствіе присоединенія Смоленска подъ одну съ Москвою державу и вслѣдствіе прекращенія на дорогахъ препятствій для торговцевъ, какъ это было

при короляхъ [1]). Въ этомъ предмѣстьѣ сосредоточиается теперь почти вся пограничная торговля съ Литвою, Ригою и Малороссіею, особенно со Стародубомъ. Уже къ 1676 году предмѣстье это, быстро развиваясь, преобразилось въ цѣлый городъ, который количествомъ построекъ и заселенностью казался больше самой крѣпости города. Адольфъ Лизекъ, секретарь Австрійскаго посольства въ Москву, проѣзжавшій въ это время черезъ Смоленскъ, назвалъ Предмѣстье въ своихъ запискахъ: *Новою крѣпостію* города.

Въ 1686 году 26 апрѣля стѣсненная Польша вынуждена была заключить съ Россіею слѣдующій договоръ: за Россіею вѣчно остаются Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлый, Красный, Сѣверская область, вся Малороссія на лѣвомъ берегу Днѣпра и Кіевъ съ его землями, также Запорожскіе казаки. Говорятъ, король польскій Янъ Собѣсскій со слезами на глазахъ подписывалъ этотъ трактатъ, рѣшившій навсегда *первенство Россіи* надъ Польшею. Съ того времени наступила новая эпоха для Смоленска. Онъ кончилъ свою роль, сослужилъ службу, возвратилъ Россіи отнятыя Литвою русскія земли; и послѣ того пересталъ имѣть значеніе военнаго пункта, ибо граница Русскаго государства отодвинулась далеко отъ Смоленска. Не было уже надобности содержать въ немъ большой гарнизонъ; съ тѣхъ поръ стрѣльцовъ постепенно переводятъ отсюда въ другія мѣстности. Въ царствованіе имп. Петра Великаго событія Шведской войны выдвинули было вновь на сцену Смоленскую крѣпость. Карлъ XII направлялъ свои операціи такъ, что Смоленскъ могъ сдѣлаться главнымъ пунктомъ военныхъ дѣйствій. Въ виду этого Петръ Великій въ 1706 году приказываетъ выстроить на правомъ берегу Днѣпра Земляной *кронверкъ* для прикрытія моста Смоленской крѣпости; подъ башнями, стоящими надъ Днѣпромъ, повелѣлъ устроить пороховые погреба; а кругомъ крѣпостной стѣны соорудить земляныя укрѣпленія со рвомъ и прикрытымъ путемъ. Смоленскъ дѣлается главной квартирой для нашихъ войскъ, дѣйствующихъ противъ Карла XII; здѣсь сосредоточиваются запасы, подкрѣпленія и резервы. Для распоряженій сюда сажаетъ царь своего сына, царевича Алексѣя Петровича: самъ Петръ Великій часто пріѣзжаетъ въ Смоленскъ [2]), беретъ

---

[1]) Обо всемъ этомъ и вообще о состояніи Смоленска въ Польскую и въ Московскую эпоху до 1812 г. подробнѣе изложено мною въ книгѣ «Княж. Мѣст. въ Смол.».

[2]) Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ, именно въ 1701 году, онъ наградилъ смоленскаго бургомистра Михаила. Ив. Голойкина дорогимъ ковшемъ, который недавно пріобрѣтенъ княгинею М. К. Тенишевой и назначается въ даръ Смол. Истор.-Арх. музею

отсюда походную артиллерію и запасы. Но Карлъ не пошелъ на Смоленскъ, а повернулъ къ Полтавѣ.

Мирно потекла жизнь Смоленска вдали отъ всякихъ военныхъ событій, ибо Смоленскъ сдѣлался центральнымъ городомъ и губернскимъ. Ему данъ въ 1780 г. и новый гербъ, изображающій въ серебрянномъ полѣ черную пушку на золотомъ лафетѣ, а на пушкѣ райскую птицу; но этотъ грозный военный гербъ могъ указывать только на бывшее боевое значеніе Смоленска, а не современное. Въ мирное время городъ сталъ украшаться многими каменными храмами и нѣсколькими каменными зданіями. Тогда устроены были Соборъ—грандіозное зданіе, украшающее городъ; 12-ть каменныхъ корпусовъ присутственныхъ мѣстъ, а въ срединѣ ихъ Плацъ-парадъ, гдѣ потомъ развели городской садъ -Блонье. Въ 1786 году основано было Главное Народное училище, преобразованное въ 1804 году 26 марта въ Гимназію, директоромъ состоялъ Людоговскій Лев. Θедор. д. ст. сов. Устроили еще тогда кадетскій корпусъ, бывшій на Годуновской улицѣ (переименованной послѣ въ Кадетскую улицу). За то торговля съ прекращеніемъ значенія Смоленска, какъ пограничнаго города, начинаетъ падать.

Смоленскъ былъ издревле, только *посредникомъ* въ международной торговлѣ, отъ себя же доставлялъ немногіе сырые продукты и товары. Паденіе Польши подорвало эту торговлю; а присоединеніе къ Россіи г. Риги Петромъ Великимъ, постепенное обмеленіе Днѣпра, проложеніе новыхъ путей при установившейся мирной жизни въ государствѣ, напримѣръ: столбовыхъ дорогъ, прорытыхъ каналовъ,—все это вмѣстѣ лишало Смоленскъ значенія посредника въ торговлѣ. Устанавливались новые транзиты, открывались ближайшіе пункты для полученія, отправки и обмѣна товаровъ, являлись новые предприниматели. Еще нѣкоторое время поддерживался сбытъ смоленскихъ сырыхъ продуктовъ и товаровъ (хлѣба, кожи, сала, льну, пеньки и лѣсныхъ матеріаловъ) чрезъ Касплю и Ригу въ прусскіе города: Бранденбургъ, Данцигъ и Кенигсбергъ, съ которыми былъ заключенъ даже торговый договоръ въ 1697 году [1]); но теперь на Балтійскомъ морѣ открылись новые порты, напр. Петербургъ, который сталъ конкурировать съ Ригой; а у него явились свои поставщики, даже изъ Смоленской области, напр.: купцы пристани

[1]) Для Риги изъ Смоленска доставлялись даже фруктовыя деревья.

Гжатской, основанной Петромъ Великимъ и снабжавшей Петербургъ хлѣбомъ и многими другими товарами. Хотя правительство и поддерживаетъ Смоленскъ, во-первыхъ, въ 1730 году учрежденіемъ въ немъ главной таможни для наблюденія за пограничною торговлею, во-вторыхъ—установленіемъ ежегодной 3-хъ недѣльной ярмарки, а въ 1773 году основаніемъ банковой конторы для размѣна ассигнацій на мелкую монету, а еще раньше введеніемъ регулярнаго отправленія почты въ русскіе города и за границу, что важно для торговыхъ сношеній; однако количество торговцевъ въ Смоленскѣ за этотъ періодъ времени до 1812 года постепенно уменьшается. Въ 1725 году торговцевъ считалось въ Смоленскѣ 1802 души *только мужскаго* пола [1]). А въ 1743 году число мѣщанъ, производившихъ торговлю, было (безъ выдѣленія изъ нихъ еще гильдейскихъ купцовъ) *обоего пола* всего только 2.028 душъ, и они уже называли себя *малосильными* и *маломощными* [2]). Въ 1780 году въ *«Описаніи Смоленска»*, составленномъ какимъ то іеромонахомъ къ пріѣзду имп. Екатерины II въ Смоленскъ [3]), представляются уже точныя статистическія свѣдѣнія именно: всѣхъ жителей въ обѣихъ половинахъ города было: 11.491 человѣкъ; а всѣхъ домовъ 2875; купечество раздѣлялось на 3 гильдіи, въ гильдіяхъ считалось лишь 398-мь душъ обоего пола.

Ясно, что Смоленскъ держался исключительно пограничнымъ, международнымъ положеніемъ; съ утратою его, онъ терялъ и стратегическое и торговое значеніе. У помѣщиковъ въ усадьбахъ существовало много запасовъ; но имъ сбыту не было; напр: предъ началомъ Отечественной войны помѣщикъ Смол. уѣзда, с. Молькова (не изъ крупныхъ землевладѣльцевъ) Краевскій доставилъ для нашей арміи 200 воловъ, 1000 пудовъ овса и столько же пудовъ муки, исключая другихъ продуктовъ,—и все это безплатно; очевидно, что у самаго осталось еще многое. Но бѣдствія 1812 г. подорвали и это благосостояніе.

Епископами смоленскими съ 1654 до 1812 года были слѣдующіе: 42) ***Лаврентій*** управлявшій смоленскою архіепископіею тотчасъ по возвращеніи Смоленска подъ Россійскую державу. 43) ***Каллистъ*** до 1658 г. состоялъ подлодкимъ епископомъ; а въ этотъ годъ царь Алексѣй Михайловичъ, по завос-

[1]) и [2]) „Истор. Смол.“ Никитина 235 стр. и 247-я.

[3]) Полное заглавіе этой рукописи такое: «Историческое и географическое описаніе Смоленска». Оно будетъ напечатано въ Справочной книжкѣ Смол. губер. за 1898 г. съ предисловіемъ, составленнымъ сообщающимъ эти строки.

ваніи Полоцка, приказалъ ему присоединить къ своему управленію Смоленскую епархію и переѣхать въ Смоленскъ, но онъ преждевременно умеръ, не попавши въ Смоленскъ. 44) *Сильвестръ 2-й* архіепископъ Смоленскій и ***Мстиславльскій***, ему Алексѣй Михаиловичъ далъ много вотчинъ (Брошюра «Никиф. Адр. Мурзакевичъ» 69 стр.). 45) *Лазарь 2-й* архіепископъ смоленскій и мстиславльскій. Онъ въ 1659 году подписался епископомъ смоленскимъ на евангеліи, данномъ въ церковь соборную Благовѣщенія въ гор. Рославлѣ. 46) *Филаретъ* былъ прежде съ 1657 года, какъ значится въ находящемся у меня древн. рукоп. описаніи гор. Суздаля, 9-ть лѣтъ суздальскимъ епископомъ, а съ 1666 года переведенъ въ Смоленскъ и назывался архіепископомъ смоленскимъ и ***дорогобужскимъ***, пробылъ здѣсь до 1671 г. и удалился на покой въ Саввинъ — Звенигородскій монастырь. 47) *Варсонофій 2-й* Еропкинъ съ 1671 г. архіепископъ смоленскій, устроилъ теперешній Троицкій монастырь и жилъ въ немъ; въ 1673 году возилъ въ Москву поправлять чудотворныя иконы Богородицы; въ 1675 году присутствовалъ на Соборѣ въ Москвѣ объ архіерейскихъ одеждахъ, тогда же возведенъ въ санъ митрополита, затѣмъ перемѣщенъ на Крутицкую епархію. 48) *Симеонъ 4-й* Милюковъ съ 1676 года архіепископъ смоленскій; въ 1677 году заложилъ вмѣсто католическаго теперешній Успенскій соборъ; въ 1681 году возведенъ въ санъ *митрополита* смоленскаго, и ему подчинены были два *епископа*: одинъ въ *Брянскѣ*, другой въ *Вязьмѣ*; умеръ въ 1683 г. 30 августа, какъ значится на недавно найденномъ его нагробномъ камнѣ; похороненъ въ Троицкомъ монастырѣ, гробъ его стоитъ открытымъ. 49) *Сильвестръ 3-й* Черницкій *митрополитъ* смоленскій устроилъ на Соборной горѣ церковь Предтечи, а при ней архіерейскіе покои и переселился жить туда; похороненъ въ 1706 году въ Троицкомъ монастырѣ гробъ его тоже стоитъ открытымъ. 50) *Сильвестръ 4-й* Крайскій митрополитъ съ 1707 г., отстроилъ теплый Богоявленскій соборъ, умеръ въ 1712 году, похороненъ тоже въ Троицкомъ монастырѣ, гробъ его находится тоже на открытіи. 51) *Дороѳей* Кроткевичъ съ 1712 г. митрополитъ, онъ продолжалъ постройку большого Успенскаго собора, похороненъ въ Троицкомъ монастырѣ; при немъ заведена была школа для священнослужительскихъ дѣтей «въ надежду священства» (Указъ Петра Великаго); она существовала при Архіерейск. домѣ до 1728 г., тогда переведена въ Авраміевскій монастырь. 52) *Сильвестръ 5-й* Волынскій, митрополитъ смоленскій и *дорогобужскій*. какъ подписался онъ на антиминсѣ для «храма смоленскаго градскаго Чуда архистратига Михаила въ 1713 году; въ 1720 году переведенъ былъ изъ Смоленска и умеръ въ Невскомъ монастырѣ. 53) ***Варлаамъ*** Коссовскій митрополитъ; правилъ епархіею только въ 1720 году; въ слѣдующемъ 1721 году онъ умеръ, похороненъ въ ризницѣ Успенскаго собора. Со смертію этого митрополита, уничтожена въ Смоленскѣ митрополія и попрежнему возстановлено епископство. 54) *Филоѳей 2-й* Грекъ съ 1722—1728 годъ *епископъ* смоленскій, при немъ сгорѣли постройки архіерейск. дома и консисторія съ архивомъ и казною. 55) *Гедеонъ* Вишневскій (съ 1728—1761 г.) докончилъ

постройку Успенскаго собора и освятилъ его въ 1740 г.; началъ строить каменный архіерейскій домъ; съ 1752 года сталъ называться епископомъ смоленскимъ и *дорогобужскимъ*, при немъ въ 1731 году открыта была въ Смоленскѣ Славяно-латинская школа (семинарія); похороненъ въ Успенскомъ соборѣ. 56) *Пареній 2-й* Сонковскій (съ 1761—795 г.) передѣлалъ главы собора, выстроилъ теперешнюю соборную колокольню, отлилъ для нея 3 большихъ колокола, кончилъ постройку архіерейскаго дома, передѣлалъ нѣкоторыя городскія церкви; погребенъ въ Соборѣ. 57) *Димитрій* Устимовичъ (съ 1795—805 г.) принималъ у себя Императора Павла I. Погребенъ въ Соборѣ. Подъ его вѣдѣніемъ составлена была I-я Исторія Смоленска въ 1804 году священникомъ Мурзакевичемъ Никиф. Адріановичемъ. 58) *Серафимъ* Глаголевскій (съ 1805—1812 г.), при немъ устроенъ каменный надворотный храмъ Богоматери; онъ поновлялъ Ея икону, передѣлалъ и древній окладъ этого образа. Переведенъ передъ нашествіемъ французовъ въ Минскъ, а потомъ въ С.-Петербургъ митрополитомъ.

Перечислимъ имена свѣтскихъ правителей.

Воеводами смоленскими были: бояринъ оружейничій *Пушкинъ* Григорій Гавриловичъ (съ 1654 г.); затѣмъ —князь *Репнинъ* Борисъ Александровичъ (упоминается въ 1656—60 г.г.); князь *Куракинъ* Ѳедоръ (упоминается въ 1665 г.); князь *Хованскій* Ив. Андр. (1671 г.); стольникъ *Голицынъ* Мих. (1676 г.); князь *Репнинъ* Ив. Бор. (1677 г.); *Троеруковъ* Иванъ Бор. (1680 г.); князь *Долгоруковъ* Петръ; кн. *Прозоровскій*; кн. *Салтыковъ* Петръ Самуиловичъ съ 1693 г.

При Салтыковѣ въ 1708 г. совершено было дѣленіе Россіи на *губерніи* онъ же былъ первымъ смоленскимъ генералъ-губернаторомъ. Далѣе былъ графъ *Головинъ* въ 1712 г. назывался губернаторомъ, а потомъ намѣстникомъ, ибо съ 1719—1724-й г. Смол. губернія временно была Рижской провинціей. Далѣе былъ Смол. губернаторомъ *Дю-Прей* (въ 1725 г.), *Панинъ* Алексѣй Ив. (съ 1727 г.), князь *Черкасскій* Александръ Андреевичъ (въ 1733 году вмѣшанъ былъ въ заговоръ противъ правительства съ поляками и сосланъ въ Сибирь), графъ *Бутурлинъ* Александръ Бор. (1734 г.), князь *Оболенскій* (1756 г.), князь *Козловскій* (по 1764 годъ), графъ *Ферморъ* (съ 1765 г.), генералъ маіоръ *Текутьевъ*, генералъ-аншефъ *Глѣбовъ* Александръ Ив. (съ 1775 г.).

При Глѣбовѣ сдѣлано было въ 1776 г. новое дѣленіе губерній, губернаторы названы *намѣстниками*; тайн. сов. *Волковъ* Дим. Вас. (1777 г.), *Щербининъ* Евдокимъ Ал., кн. *Репнинъ* Ник. Вас.

При императорѣ Павлѣ Петровичѣ въ 1796 году прежнія намѣстничества были переименованы въ губерніи; назначались въ Смоленскъ военные губернаторы и особо еще гражданскіе губернаторы.

Съ 1797 года *военными губернаторами* были: *Философовъ* Мих. Вас. (1797 г.), *Розембергъ* Андр. Гр. (съ 1798 г.), кн. *Гика* Ив. Карл. (съ 1800.), *Апраксинъ* Степ. Степ. (съ 1804—808 г.) и *Кахметовъ* Никол. Ник до 1812 г.

Въ должности *гражданскихъ губернаторовъ* служили: *Аксаковъ* Ник. Ив. (1797 г.), *Тредьяновскій* Лев Ив. (1798 г.), *Өедровъ* (1800 г.). *Гедеоновъ* Дим. Яков. (1801—803 г.), *Пенскійо* Петръ Алексѣев. (1804—805 г.), фонъ *Бричъ* Франц. Абрам. (1805—806 г.) и баронъ *Ашъ* Казим. Ив. съ 1807 г.

Губернскими Предводителями Дворянства съ учрежденія этой должности въ 1780 г. были: *Храповицкій* Плат. Юрьев., *Грибоѣдовъ* Өед. Александ. 1782—86 г., *Храповицкій* Степ. Юрьев. по 1787 г., *Гриневъ* Александ. Ив.—793 г., *Потемкинъ* Никол. Богдан.—795 г., *Шагаровъ* Өед. Өед. въ 1802 г., *Реадъ* Александ. Ив.—1803—806 г. и наконецъ *Лесли* Серг. Ив.

IX. Смоленскъ въ Отечественную войну 1812 года и до настоящаго времени.

9-го іюля 1812 года вмѣстѣ съ принесеннымъ въ Смоленскъ извѣстіемъ, что Наполеонъ съ огромнымъ количествомъ войска перешелъ русскую границу и двигается къ Смоленску, пріѣхалъ въ Смоленскъ изъ Полоцка государь Александръ I Павловичъ. Предполагалось дать здѣсь отпоръ врагамъ и не допустить ихъ въ Москву—сердце Россіи. Для этого двѣ наши арміи, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ, одна подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, другая подъ начальствомъ Багратіона, должны были сойтись въ Смоленскѣ. Между тѣмъ Наполеонъ приближался. Нужно было, насколько возможно, задерживать его движеніе, пока не сойдутся оба наши полководца. Государь дѣлалъ въ Смоленскѣ распоряженія, направляющіяся къ этой цѣли; напримѣръ: осматривалъ вновь сформированныя батареи, также роты солдатъ и отправилъ ихъ къ Минску. Смоленское дворянство въ это время изъявило жела-

ніе выставить отъ себя до 20 тысячъ вооруженныхъ людей для подкрѣпленія регулярной арміи. Государь благодарилъ за это предводителя дворянства Лесли и собственноручно начерталъ замѣчанія относительно составленія этого ополченія. Въ то же время государемъ получена была вѣсть, что мы—русскіе заключили выгодный миръ съ Турціей, необходимый для начатія новой войны. Прогуливаясь по Смоленску, государь нѣсколько разъ повторялъ: «Какой прекрасный городъ! какіе виды и окрестности! Онъ, быть можетъ, предвидѣлъ, что этому многострадальному городу придется еще разъ перенести великую тяжесть войны. Затѣмъ, заказавъ готовить провіантъ и сухари для нашихъ войскъ, государь уѣхалъ въ Москву. Изъ ближнихъ городовъ, куда двигался Наполеонъ со своею арміею, жители въ страхѣ бѣжали чрезъ Смоленскъ и навели панику и на смольнянъ. Главнокомандующій Барклай-де-Толли писалъ прокламаціи, убѣждая жителей не оставлять жилищъ: «Я увѣряю васъ,—писалъ онъ,—что городу Смоленску не предстоитъ еще никакой опасности и не вѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной стороны, а князь Багратіонъ съ другой стороны идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22 числа (іюля), и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ, пока, наконецъ, усилія ихъ удалятъ враговъ отечества». Арміи, дѣйствительно, соединились въ Смоленскѣ 22 числа; но и Наполеонъ подходилъ уже къ предѣламъ Смоленской губерніи. Наконецъ, 31 іюля войска его явились къ смоленскому городу Красному. Тщетно генералъ Невѣровскій со своей дивизіей по дорогѣ отъ Краснаго до Смоленска задерживалъ движеніе враговъ, вооруженныхъ лучшими огнестрѣльными оружіями, чѣмъ наши: Великая европейская армія надвигалась на Смоленскъ. А жителей, между тѣмъ, не выпускали отъѣзжать и заблаговременно вывозить имущество изъ города.

Наполеонъ, узнавъ о соединеніи обѣихъ половинъ нашего войска, радостно воскликнулъ: «Наконецъ русскіе въ моихъ рукахъ!» Онъ надѣялся, что они дадутъ ему генеральное сраженіе подъ Смоленскомъ. Надежды его однако не оправдались. Главнокомандующіе Барклай-де-Толли и Багратіонъ, въ виду возможности движенія французовъ въ обходъ нашихъ армій, чрезъ что онѣ могли быть отрѣзаны отъ Москвы, рѣшили отказаться принимать бой подъ Смоленскомъ, а искать болѣе выгодной позиціи въ направленіи къ Москвѣ. Уже вечеромъ 3-го августа Багратіонъ велѣлъ, наконецъ,

вывозить казну, дѣловыя бумаги и все казенное къ Вязьмѣ и въ городъ Юхновъ. А 4-го августа передъ свѣтомъ уѣхали изъ города губернаторъ (въ Дорогобужъ) и архіерей, который велѣлъ ключарю В. Соколову взять соборную чудотворную икону Одигитріи къ селу Цурикову по Московской дорогѣ. За архіереемъ и губернаторомъ потянулись изъ города большая часть духовенства, купцы и чиновки. А дѣловыя бумаги, приготовленныя было къ отправленію и изнесенныя изъ присутственныхъ мѣстъ на Блонье, такъ и остались неотправленными Вышелъ изъ города и гарнизонъ съ комендантомъ г. Росси.

Того же 4 числа августа, въ 8 часовъ утра, подошли къ городу французы, именно: корпуса короля Неаполитанскаго и маршала Нея, къ которымъ скоро прибылъ и самъ Наполеонъ, ночевавшій на архіерейской дачѣ Новый дворъ, въ 7 верстахъ отъ Смоленска. Французы стали изъ-за Солдатской слободы и Соляного каменнаго амбара (теперь Коннозаводство) приступать къ крѣпости. Польскіе уланы отъ оврага у Сырской церкви направлялись къ рву Чурилоскому, который около городской стѣны. Тутъ командовалъ генералъ Паскевичъ. А въ Солдатской слободѣ, у кладбища бывшей церкви Всесвятской, начальствовалъ полковникъ Ставицкій. Въ Никольскихъ же воротахъ, что противъ Офицерской слободы, стоялъ полкъ Цибульскаго. Паскевичъ пустилъ въ дѣло всѣ свои 70 орудій, изъ которыхъ летѣли ядра и картечи; но непріятели, «какъ муравьи», успѣли пробраться чрезъ ровъ на глазисъ. Тутъ стрѣлки открыли ружейный огонь и удержали движеніе враговъ. Нѣсколько разъ покушались французскіе солдаты выйти изъ оврага, нѣсколько разъ бросались они на нашу пѣхоту; но каждый разъ встрѣчали сильный огонь и принуждаемы были возвращаться въ оврагъ. Тѣла убитыхъ покрывали глазисъ. Наконецъ, Паскевичъ двумъ своимъ баталіонамъ приказалъ броситься на непріятелей въ штыки; эту атаку поддержали еще два другихъ полка. Непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ оврага, и трупами его устлано было все пространство отъ глазиса до противоположной стороны оврага. Полки наши преслѣдовали было французовъ, но скоро враги получили подкрѣпленіе изъ Жевинскаго рва (что за деревней Чернушки) и опять стали наступать на нашихъ стрѣлковъ. Вообще въ этомъ пунктѣ происходили наплывы отдѣльныхъ отрядовъ, «какъ волна», и обратные отливы, т. е. побѣгъ нападавшихъ. Полковникъ Ставицкій у Слободы солдатской встрѣчалъ враговъ картечью. Ге-

нералъ Цыбульскій отъ Никольскихъ воротъ неоднократно прогонялъ непріятелей за Офицерскую слободу. Наполеонъ самъ разъѣзжалъ на бѣломъ конѣ по рядамъ своей арміи и осматривалъ мѣстность и крѣпостную стѣну. Его видѣли монахи Авраміевскаго монастыря почти подъ самыми стѣнами. и онъ едва ускользнулъ отъ засѣвшихъ нашихъ стрѣлковъ въ кустарникахъ «Чертова рва», что за Авраміевскою башнею. Къ 10-ти часамъ утра стала собираться подъ Смоленскомъ почти вся французская армія, становилась въ позицію и производила общій штурмъ. Генералъ Коновницынъ разъѣзжалъ среди нашихъ войскъ и воодушевлялъ ихъ, а князь Багратіонъ съ полудня и до вечера пробылъ на Молоховскихъ воротахъ, прикрытыхъ еще съ прежняго времени землянымъ валомъ съ мостомъ, наблюдая за непріятелями въ «зрительную трубу».

Жители, не успѣвшіе убѣжать изъ города по бѣдности, укрылись отъ пуль и ядеръ въ Успенскомъ соборѣ съ имуществомъ. Весь день сыпались на крѣпость, на городъ, на стѣны и крышу собора ядра и пули, «какъ градъ»; но безвредно для Собора.

Этотъ день былъ днемъ рожденія Наполеона, и французскимъ генераламъ хотѣлось взятіемъ города сдѣлать сюрпризъ Наполеону. Въ три часа пополудни французы, колонною приближась къ Молоховскимъ воротамъ, стали штурмовать ворота и крѣпость. Наши стрѣлки и ратники съ городской стѣны бросали камни во французскихъ стрѣлковъ, вскакивавшихъ въ крѣпостные рвы; а иные изъ защитниковъ, скрывшись по стѣннымъ муркамъ, легко и безнаказанно хватали въ плѣнъ прорывавшихся въ городъ французовъ. Коновницынъ къ ночи отогналъ враговъ отъ города, и они отступили. Множество вдали видимыхъ зажженныхъ костровъ свидѣтельствовало о великомъ количествѣ непріятелей, хотя въ этотъ день ихъ пало, говорятъ, до 6 тысячъ.

Настало 5 число августа—*кровавый и печальный день* въ исторіи Смоленска. Еще до разсвѣта русскіе войска стали приводить въ исполненіе свой планъ отступленія. Армія Багратіона должна была начать движеніе къ Москвѣ; а для прикрытія ея Барклай-де-Толли рѣшилъ временно оставаться у Смоленска на правомъ берегу Днѣпра, на лѣвый же, для смѣны сражавшихся въ городѣ въ предшествующій день, послалъ, во-первыхъ, корпусъ Дохтурова, который долженъ былъ защищать Молоховскія ворота, во-вторыхъ— дивизію Лихачева, которой назначено было оберегать правое крыло, (т. е. Солдатскую слободу и Королевскую крѣпость);

въ-третьихъ — дизивизію Капцевича, (ей предстояло защищать Офицерскую слободу), въ-четвертыхъ —полкъ Невѣровскаго, который занялъ Рачевку; были посланы въ крѣпость порода еще нѣкоторые полки. Для сообщенія съ правымъ берегомъ русскіе навели, кромѣ постояннаго моста, еще два понтонныхъ. На правомъ берегу Днѣпра выше и ниже Смоленска были поставлены сильныя батареи для обстрѣливанія непріятельскихъ войскъ съ флангомъ, если бы они вздумали атаковать западную и восточную часть города. Эти послѣдніе, неожиданно для непріятеля явившіяся батареи, особенно въ Ямщинѣ, возбудили безпокойство во французской передовой цѣпи, и въ войскахъ праваго крыла французской арміи, на которомъ поставлены были Наполеономъ двѣ польскія дивизіи Понятовскаго, направлявшія свои дѣйствія на Рачевску. Далѣе вверхъ Днѣпра расположились 3-ри французскіе кавалерійскіе корпуса Мюрата. Уже въ 3 часа утра передовая цѣпь Понятовскаго начала обстрѣлиаать нашу явившуюся въ Ямщинѣ и устраивавшуюся подъ руководствомъ подполковника Нилуса батарею. Постепенно огонь дѣлался живѣе, появлялся и въ другихъ пунктахъ.

Въ 8 часовъ утра Дохтуровъ сдѣлалъ довольно сильную вылазку изъ Молоховскихъ воротъ города и вытѣснилъ непріятелей изъ Слободъ; съ успѣхомъ при крикахъ «ура!» дѣйствовала въ томъ же духѣ и дивизія Лихачева. Главныя же силы нашей арміи занимали возвышенности на правомъ берегу Днѣпра. Наполеонъ это видѣлъ и думалъ, что они черезъ мосты переберутся въ крѣпость города и примутъ сраженіе на пространствѣ между крѣпостью и его арміей. Онъ, вѣроятно, намѣренно держался въ почтительномъ отдаленіи отъ крѣпости, намѣренно ограничивался пока только перестрѣльною, а къ двумъ часамъ совсѣмъ отошелъ назадъ на пушечный выстрѣлъ, желая выманить къ себѣ на лѣвую сторону русскую армію. Надежды его скоро разрушились донесеніемъ, привезеннымъ съ праваго фланга, что тамъ замѣтно движеніе русскихъ, отступающихъ отъ Смоленска по Московской дорогѣ. То была армія Багратіона. Маршъ ея не могъ укрыться отъ непріятелей, потому что дорога въ Москву идетъ нѣсколько верстъ на виду, вдоль Днѣпровскаго берега. Наполеонъ желалъ лично удостовѣриться въ столь важномъ извѣстіи и поѣхалъ къ Шеину Острогу. Здѣсь онъ лично убѣдился, что русскіе отступаютъ. Первою его мыслію въ данномъ случаѣ

было обойти нашу армію съ лѣваго фланга, и послалъ искать бродовъ. Нѣсколько французовъ въѣхавшихъ въ рѣку чтобы узнать глубину, утопили лошадей и едва не утонули сами. Разъѣзды возвратились съ донесеніемъ, что бродовъ не нашли. Вслѣдствіе того Наполеону, чтобы переправиться на тотъ берегъ и имѣть свободу въ дальнѣйшемъ движеніи, необходимо было взять Смоленскъ.

И вотъ около 3 часовъ по полудни противъ нашего праваго фланга изъ бивуака, гдѣ стоялъ самъ Наполеонъ, взвились три французскія сигнальныя ракеты, — и густыя тучи непріятельскихъ войскъ обложили восточную и южную стороны крѣпости Смоленска; западная же сторона города, послѣ дѣла съ Паскевичемъ, не подвергалась болѣе атакѣ. Гранаты и ядра изъ 250 батарейныхъ орудій посыпались на городъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начались снова и залпы ружей, посылающихъ пули въ крѣпость.

Изобразимъ теперь состояніе смольнянъ въ это время. Сколько страху, опасностей, ранъ и бѣдствій испытали они, не говоря уже о безчисленномъ количествѣ случаевъ смерти въ рядахъ войска!.. Историкъ Смоленска, священникъ Мурзакевичъ, остававшійся все это время въ городѣ и записавшій имъ пережитое, разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ», что послѣ трехъ часовъ пополудни въ городѣ ходить было крайне опасно: «не было шага, чтобы мимо не пролетѣла пуля или не стукнуло въ стѣну ядро». Опасно было оставаться и въ домѣ. Придя домой, пишетъ онъ: «я нашелъ домашнихъ въ смертномъ страхѣ, ибо съ восточной и южной сторонъ неслись пули, ядра и бомбы чиненыя. Въ домѣ нашемъ ядромъ пробило крышу въ двухъ мѣстахъ; а одно ядро находилось въ крыльцѣ, этимъ ядромъ пробиты двѣ стѣны, а двѣ оцарапаны и чуть не убило тетку, которая только что сидѣла тамъ, гдѣ прошло ядро. Опасаясь быть въ домѣ, я съ дѣтьми, пошелъ въ Одигитріевскую, каменную церковь, гдѣ собрались нѣкоторые прихожане. Тутъ я совѣтовалъ прихожанъ стоять близъ стѣнъ, а самъ сталъ править «Молебное пѣніе въ нашествіе непріятелей». Едва кончилъ Мурзакевичъ эту службу, какъ влетѣла въ церковное окно бомба и лопнула; черепьями побила стекла и стѣны, а духомъ поломала клиросы; «меня же (пишетъ онъ) силою втолкнуло въ алтарь; а стоявшаго со мной рядомъ лѣкарскаго ученика ушибло доскою отъ клироса»...

Начались еще новыя бѣдствія — пожары. По сигналу пущеныхъ ракетъ, Понятовскій направилъ свои дѣйствія противъ Рачевскаго предмѣстья и расположилъ у самаго берега рѣки батарею

60 орудій для обстрѣливанія устроенныхъ русскими мостовъ и для противодѣйствія руской батареѣ Нилуса, дѣйствовавшей съ правой стороны Днѣпра. Отъ множества пущеныхъ неиріятелями гранатъ загорѣлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходы Рачевскій, Крестовоздвиженскій (или Ямщина), Заднѣпровско Николаевскій и Петропавловскій. Войска Понятовскаго, пользуясь смятеніемъ отъ пожара, ворвались въ пылающую Рачевку, завязали рукопашный бой и, достигнувъ подошвы городскихъ стѣнъ, покушались на штурмъ; но, не имѣя лѣстницъ, были отбиты съ огромнымъ урономъ Ней завладѣлъ Солдатской слободой и стоялъ передъ Королевской крѣпостью, но не атаковалъ это укрѣпленіе, считая его сильнѣйшимъ. Французы вытѣснили нашихъ изъ Офицерской слободы, такъ что Капцевичъ долженъ былъ отступить въ Крѣпость. А предъ Молоховскими воротами французская кавалерійская дивизія атаковала русскихъ драгунъ, которые, будучи опрокинуты, отступили въ безпорядкѣ тоже въ Крѣпость.

Въ 5 часовъ Наполеонъ приказываетъ Даву снова штурмовать Молоховскіе ворота. Французы отважно пошли на приступъ и едва не овладѣли означенными воротами; но въ это время подоспѣли на помощь находившіеся въ средѣ военноначальниковъ нашего войска принцъ Евгеній Виртембергскій и еще Коновницынъ. Принцъ и Коновницынъ лично повели свои части въ контръатаку. Открылся жесточайшій огонь: прислуга и лошади нашихъ четырехъ орудій, находившихся въ этомъ пунктѣ, были истребляемы нѣсколько разъ. Немногіе изъ бывшихъ при Коновницынѣ уцѣлѣли, и самъ онъ былъ ранененъ въ руку; а у принца Евгенія первые ряды его колонны пали подъ пулями густой цѣпи французовъ. Но это не остановило храбрыхъ, и они выбили непріятеля изъ его прикрытыхъ позицій штыками.

Въ 7 часовъ по полудни французы снова покушались на штурмъ и снова были отбиты. Тогда Наполеонъ приказалъ приблизить къ южной части стѣны гаубицы, бросавшія разрывные снаряды; они дѣйствовали нѣсколько часовъ и произвели пожары и въ самой Крѣпости города. Послѣ захода солнца, прежде всего, загорѣлись крыши на Никольской и Евстафьевской башняхъ, затѣмъ, запылала Молоховская улица, начиная отъ Молоховскихъ воротъ до зданія теперешней Женской гимназіи, исключая дома г. Тилена; наконецъ, загорѣлся Кадетскій корпусъ. На Блонѣ горѣло шесть корпусовъ присутственныхъ мѣстъ и домъ вице-губер-

наторскій. Тогда же пылала вся Ямщина и Нижне-Николаевская церковь, также Петропавловскій храмъ; на немъ свалились всѣ главы, загорѣлась и перекладина, на которой висѣлъ большой колоколъ, отъ того онъ обрушился и проломилъ сводъ колокольни. Въ этотъ же день покорѣла половина Рачевки и церкви Духовская — деревянная и Рождественская — каменная. Пламя пожара при тихой ночи поднималось высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились огромныя тучи дыма, и представляло издали, по выраженію Наполеона: подобіе *изверженію Везувія*; а кто находился въ это время въ городѣ, среди горящихъ и съ трескомъ разрушающихся зданій, среди общаго отчаянія, смятенія и опасностей, среди плача и безпомощности жителей, лишающихся своего благосостоянія, среди стона раненыхъ и умирающихъ,—тотъ уподоблялъ всю эту картину *аду* и день этотъ сближалъ со *свѣтопреставленіемъ*.

Въ полночь Дохтуровъ получилъ приказаніе очистить Смоленскъ. До разсвѣта войска тихо вышли, загородивъ всѣ входы въ городъ. 1-я артиллерійская батарейная рота капитана Глухова взяла съ собой древній чудотворный образъ Смоленской Богородицы Надворотней.

6-го числа августа, чуть начался свѣтъ, казакъ прискакалъ въ Соборъ и объявилъ: «кто хочетъ уходить, бѣжалъ бы: мостъ зажигаютъ!» И потянулись несчастные жители мимо войскъ нашихъ, оставивъ имущество въ Смоленскѣ, спасая лишь жизнь свою отъ непріятелей, не зная сами, гдѣ отъ нихъ скрыться. Этимъ бѣжавшимъ, во большей части, пришлось избрать мѣстомъ пребыванія глухіе лѣса. Впрочемъ въ тотъ же день, Преображенія Господня, французы захватили до 50 человѣкъ горожанъ, ушедшихъ изъ Смоленска, вернули назадъ и заперли въ Одигитріевской церкви; но вскорѣ выпустили [1]).

Наполеонъ въѣхалъ въ Смоленскъ утромъ чрезъ Никольскія ворота и остановился сначала въ домѣ Красно-Малашевича, находящемся у Спасской церкви, гдѣ теперь квартира ректора семинаріи. Отсюда онъ отправился по глухимъ переулкамъ къ Днѣпровскимъ воротамъ, обозрѣвая расположеніе города и движеніе

---

[1]) Участникъ и очевидецъ событія, остававшійся во время французовъ въ самомъ Смоленскѣ, мѣщанинъ Яковъ Свияко, которому въ Отечественную войну было 19 лѣтъ (а умеръ въ 1889 году) сообщилъ автору этой книги, что въ 1812 г., при французахъ оставалось смоленскихъ гражданъ въ городѣ неболѣе 1200 человѣкъ, остальные разбѣжались.

нашихъ войскъ; съ Днѣпровскихъ воротъ самъ руководилъ пальбою въ нашу оставшуюся батарею, препятствовавшую французамъ перейти Днѣпръ, пока она не удалилась. Къ тому времени граждане уже успѣли сожечь мостъ; Наполеонъ распорядился строить новый.

Въ полдень Наполеонъ прибылъ въ домъ гражданскаго губернатора, занялъ этотъ домъ себѣ подъ квартиру и оставался здѣсь до 12 числа августа. Его гвардія расположилась на Блоньѣ, тогдашнемъ Плацъ-парадномъ мѣстѣ; архивныя документы служили солдатамъ постелью, а не вывезенныя губернскія и уѣздныя карты занавѣсью отъ знойнаго солнца [1]; дѣловыя бумаги служили и для разжиганія костровъ, чтобы варить пищу [2]. Зять Наполеона, неаполитанскій король Мюратъ, остановился въ архіерейскомъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ. Слуги его, отбивъ двери Предтеченской церкви, стали грабить ризницу; но нѣкоторые изъ духовенства, въ томъ числѣ Одигитріевскій священникъ — историкъ Смоленска Никиф. Адріан. Мурзакевичъ, узнавши объ этомъ, прибѣжали и стали отнимать архіерейскія облаченія, уже ободранныя, схоронили муро, антиминсы, собрали разсыпанныя мѣдныя деньги и перенесли въ кладовую Успенскаго собора. Священникъ Мурзакевичъ, умѣвшій говорить по-латыни и отчасти по-польски, обратился чрезъ польскаго переводчика къ неаполитанскому королю съ просьбой не трогать Собора и успѣлъ въ этомъ: къ Собору поставили караулъ. Неаполитанскій король первый вошелъ въ соборъ со свитою и собаками, не снимая шляпъ и киверовъ. Солдаты его, взобравшись на соборную колокольню, дивились величинѣ соборныхъ колоколовъ, отъ 500 до 1000 пудовъ, и потѣшались, безобразно звоня въ нихъ, какъ бы въ набатъ. Это было 6 числа; послѣ же, когда стали искусно звонить наши соборные пономари, французы дивились стройности звона; а бывшіе во французскомъ войскѣ поляки пытались снять съ Соборной и Одигитріевской невысокой колокольни довольно большія колокола и увезти домой; но Мурзакевичъ протестовалъ противъ этого, и намѣреніе оставлено.

7-го августа самъ Наполеонъ отправился въ Соборъ. Войдя туда съ покрытою головою, онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ и торжественностію храма, и снялъ шляпу, что сдѣлали всѣ окру-

---

1) «Дневникъ» — Мурзакевича, брошюра 1877 г., стр. 42.

2) Разсказъ очевидца, вышеозначеннаго Як. Ив. Сиитко.

жавшіе его. Въ Соборѣ укрывались граждане съ семействами, расположившись по угламъ, и на хорахъ, и на чердакѣ и въ усыпальницѣ. Наполеонъ черезъ переводчика ободрилъ ихъ, обѣщая, что ихъ обижать не будутъ; приказалъ имъ расходиться изъ храма по домамъ и заняться торговлею; распорядился, чтобы съ нимъ прикомандированы были толмачи для объясненія съ французскимъ войскомъ, чтобы комендантъ выдавалъ имъ билеты для торговли.

Интендантомъ, или начальникомъ города и губерніи, былъ назначенъ Р. А. Вилль-де-Бланшъ; онъ избралъ себѣ квартирою каменный домъ около Молоховскихъ воротъ, уцѣлѣвшій отъ пожара, принадлежащій теперь г. Тилену. Должность военнаго смоленскаго губернатора исполняли тогда: сначала — Коленкуръ, потомъ — генералъ Шарпантье и наконецъ — Жомини. Комиссаромъ по продовольствію былъ назначенъ Сіовъ. Кромѣ того, учреждено было въ городѣ общественное управленіе, или Муниципалитетъ, состоявшій изъ 10 приневоленныхъ къ этому смоленскихъ гражданъ. Муниципалитетъ помѣщался тамъ, гдѣ былъ магистратъ, т. е. въ домѣ, принадлежащемъ теперь Женской гимназіи. Меромъ города, или головою, былъ назначенъ тит. сов. Ярославцевъ. На обязанности членовъ Муниципалитета лежало веденіе городского хозяйства и счетовъ, наблюденіе за доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ въ городъ, дѣла относящіяся до благочинія жителей, наблюденіе за полиціею, за чистотою улицъ, погребеніемъ мертвыхъ; вмѣнено было также въ обязанность доставленіе рабочихъ людей по требованію французскаго правительства. Но, конечно, русскіе люди не желали служить чужому правительству и за это получали замѣчанія и даже угрозы отъ интенданта. Вотъ одинъ изъ оффиціальныхъ актовъ, характеризующій отношеніе членовъ Муниципалитета къ своей должности; представляемъ его въ переводѣ: «Смоленскъ 27 (15) сентября 1812 г. Господамъ членамъ Муниципалитета. Государи мои! къ крайнему прискорбію, нужно мнѣ Васъ упредить, что не могу быть довольнымъ нерачительностію Вашею къ службѣ Вашего отечества. Сего утра въ половинѣ 9 часа не находилось въ Муниципалитетѣ никого изъ членовъ, даже самого мера. Никто не трудится съ усердіемъ... Я увѣдомляю Васъ, хотя это и съ прискорбіемъ моимъ будетъ соединено, что если это продолжится, то принужденъ буду употребить строгія мѣры! Затѣмъ, какъ члены Муниципалитета, имѣете Вы совер-

шенно въ законной власти всѣхъ жителей; поэтому господамъ: Рейнеке, Коховскому и Санхо-Лншевичу (гражданамъ, назначеннымъ быть переводчиками, но неисполнявшимъ своей обязанности) слѣдуетъ въ засѣданіи сдѣлать выговоръ и предостеречь ихъ, что съ ними можетъ послѣдовать нѣчто непріятное. Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ—аудиторъ Государственнаго совѣта, интендантъ Смоленской губерніи Р. Вилль-ле-Бланшъ».

Еслибы члены Муниципалитета и пожелали исправно выполнить возложенныя на нихъ обязанности,—все-таки они не могли достичь этого: городъ былъ разоренъ и находился на военномъ положеніи, притомъ все въ немъ было въ безпорядкѣ и ненормально. Уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ дома заняты были, по большей части, оставшимися въ резервѣ французскими солдатами, а не домовладѣльцами; сами хозяева, которыя не ушли изъ родного города были изъ домовъ вытѣсняемы и укрывались въ погребахъ, баняхъ, чердакахъ; иные спасались гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ: въ лѣсахъ, землянкахъ, въ кирпичныхъ сараяхъ, на мельницахъ. Нужно было съ трудомъ разыскивать мѣщанъ и силой привлекать, чтобы доставить ихъ въ распоряженіе французскаго правительства и дать имъ какое либо порученіе. Могли ли члены Муниципалитета установить благочиніе, когда французскіе солдаты безъ стѣсненія забирали у гражданъ имущество, деньги; а за протестъ противъ грабежа или били самихъ владѣльцевъ, или грозили имъ штыками?... Особенно сурово обращались съ жителями оставленные въ Смоленскѣ нѣмцы—баварцы; они не щадили даже святыни: прострѣливали, искажали и кололи иконы въ домахъ и церквахъ. Оттого отношеніе гражданъ къ властителямъ было самое враждебное. Если насильно и забирали людей на работы, то съ ними обращались, какъ съ арестантами: водили подъ конвоемъ, чтобы они не разбѣжались и не причинили чего-либо вреднаго для завоевателей. Случалось,—если конвой былъ слабъ, или стража заглядѣлась, то работающіе быстрымъ нападеніемъ спроваживали конвойныхъ въ колодецъ, рѣку или внезапно убивали и убѣгали изъ-подъ неволи.

Наполеонъ приказалъ образовать въ Смоленскѣ провіантскіе магазины для арміи; но привоза продуктовъ въ городъ изъ деревень не было. Провіантскимъ чиновникамъ приходилось разыскивать жизненные запасы по деревнямъ, усадьбамъ, селамъ, и добывать ихъ съ боя, такъ-какъ владѣльцы не продавали и добровольно не уступали ихъ французамъ. Отправляемые же изъ юго-

западныхъ завоеванныхъ губерній обозы провіанта для французской арміи отрядами партизановъ, образовавшимися изъ русскихъ вооруженныхъ патріотовъ—поселянъ, были въ пути разбиваемы и уничтожаемы. Свободно по Днѣпру доставляли въ Смоленскъ провизію только могилевскіе евреи. Отъ нихъ, главнымъ образомъ и пріобрѣтались провіантмойстерами жизненные запасы для помѣщенія въ магазины; но это было крайне ограниченное количество для такой великой арміи. Правда паслось еще на Посадскихъ лугахъ нѣсколько десятковъ коровъ и барановъ, пригнанныхъ откуда-то литовскими погонщиками; но ихъ употреблялъ себѣ въ пищу мѣстный резервъ. Вообще запасовъ было мало, всюду чувствовался недостатокъ. Въ госпиталяхъ, наполненныхъ многими ранеными, не доставало нужнѣйшихъ припасовъ, напримѣръ: холста для перевязки ранъ; его замѣняли писчею бумагою изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ. Заказано было Наполеономъ устроить въ Смоленскѣ 24 пекарни; но въ постоянномъ дѣйствіи была только одна, въ каменномъ зданіи Стараго острога, что при Воскресенской башнѣ, гдѣ теперь церковь св. Тихона Задонскаго; а другія пекарни, размѣщавшіяся въ частныхъ домахъ, сгорали отъ неумѣнья французовъ обращаться съ русскими печами. Пожары въ первое время французскаго правленія Смоленскомъ были часты, чуть не каждый день.

Богослуженіе совершалось рѣдко, притомъ служили только въ Вознесенскомъ монастырѣ, который французы почему-то не трогали, и въ Одигитріевской церкви, охраняемой съ опасностію лишенія жизни оставшимся при ней священникомъ Никифоромъ Мурзакевичемъ, который не разъ подвергался побоямъ отъ французовъ. Однажды еще, въ день Успенія Богородицы, съ дозволенія начальства, отслужили въ Соборѣ часы. А въ остальное время въ Соборъ не пускали гражданъ; туда входили только и жили даже въ Соборѣ караульные солдаты, приставленные къ нему для его охраненія; они, расположившись по срединѣ храма, на амвонѣ, спали, а пищу варили на чугунномъ полу у западныхъ дверей. Иные изъ храмовъ (между прочимъ Свирскій) служили стоянкою мѣстнаго оставленнаго въ резервѣ—французскаго гарнизона, иные были въ распоряженіи провіантмейстеровъ, или фуражировщиковъ, напр.: въ Богословскомъ храмѣ складывали муку. Спасскую церковь (собственно нижній этажъ ея) сдѣлали мѣстомъ заключенія плѣнныхъ русскихъ, оказавшихъ сопротивленіе французамъ. Первымъ

попалъ туда Павелъ Иванов. *Энгельгардтъ*, небогатый помѣщикъ Духовщинскаго уѣзда, селенія Дягелева, лежащаго близъ большой дороги, ведущей въ Духовщину изъ г. Бѣлаго. Онъ былъ очень образованный человѣкъ своего времени. Родившись въ имѣніи Мосолово, близъ села Богородицкаго, въ 8 верстахъ отъ Смоленска, онъ еще маленькимъ взятъ былъ на воспитаніе въ С.-Петербургъ своею родственницею, княгинею Александрою Вас. Браницкою; обучался въ 1-мъ Шляхтскомъ Кадетскомъ корпусѣ, отлично говорилъ по-французски и прекрасно былъ воспитанъ; затѣмъ, онъ состоялъ въ военной службѣ; а въ 1812 году значился уже подполковникомъ въ отставкѣ. Между тѣмъ какъ другіе, сосѣдніе ему помѣщики уѣзжали отъ непріятелей въ Кострому, звали и его съ собою,— Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ упрекнулъ ихъ въ трусливости и остался жить мирно въ своемъ Дягелевѣ, не думая, что онъ можетъ оказаться въ глазахъ французовъ важнымъ политическимъ преступникомъ и быть арестованнымъ. Въ числѣ заключенныхъ въ Спасской церкви сидѣло еще 15 человѣкъ партизановъ, рославльскихъ мѣщанъ, пойманныхъ съ ружьями въ рукахъ при нападеніи на французскіе обозы по дорогамъ. Кромѣ нихъ, въ этой тюрьмѣ находились: помѣщикъ Бѣльскаго уѣзда Сем. Ив. Шубинъ, также смоленскій дворянинъ Петр. Мих. Храповицкій, еще 4 другихъ помѣщика: Титъ Ив. Кусонскій, Яковъ и Александръ Петровичи и Никол. Ив. Адамовичъ. Эти господа со своими дворовыми людьми и крестьянами, владѣющими огнестрѣльнымъ оружіемъ, нападали на отдѣльныя партіи фуражировщиковъ, разыскивавшихъ для арміи провіанта по усадьбамъ, селамъ и деревнямъ, и расправлялись съ ними, какъ умѣли, нерѣдко убивая ихъ. Такимъ образомъ, они привлечены были подъ арестъ не напрасно. Сем. Ив. Шубинъ, по разслѣдованіи и рѣшеніи его дѣла, былъ разстрѣлянъ французами 24 октября за Свирскою церковію. Той же участи подверглись бы и остальные, еслибы ихъ не выручило поспѣшное бѣгство французовъ изъ Смоленска. Но Пав. Ив. Энгельгардъ попалъ въ тюрьму и пострадалъ совершенно невинно. Въ „*Жизнеописаніи священника* и историка Смоленска *Мурзакевича*, составленномъ сыномъ его Іоанномъ Никиф. Мурзакевичемъ“, лично знавшимъ Павл. Ив. Энгельгардтъ и бывшимъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, указаннымъ историкомъ Мурзакевичемъ, очевидцемъ смерти Павла Ивановича говорится о немъ слѣдующее:

«Въ октябрѣ 1812 г. случилось замѣчательное событіе въ городѣ Смоленскѣ. Помѣщикъ Духовщинскаго уѣзда, подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардъ, оставшись въ своемъ имѣніи, по обыкновенію хозяина, занимался сельскимъ хозяйствомъ. Французы употребляли всѣ мѣры, чтобы вредить, нашему правительству и разгласили, что Наполеонъ дастъ свободу всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ [1]). Это понравилось мужичкамъ: всѣ стали твердить о вольности и перестали слушать своихъ помѣщиковъ. Толкуя между собою и видя, что сосѣднихъ деревень крестьяне не работаютъ на помѣщиковъ, оставившихъ свои имѣнія, порядившись между собою, не стали ходить на барщину. Энгельгардтъ, видя своеволіе ихъ, просилъ казачьяго сотника, стоявшаго въ Порѣчскомъ уѣздѣ со своею сотнею, чтобы онъ образумилъ мужиковъ. Казаки исполнили свою обязанность и строго подтвердили крестьянамъ не нарушать порядковъ. Это ожесточило мужиковъ Двое изъ нихъ отправились въ Смоленскъ и объявили коменданту, (или интенданту), что помѣщикъ ихъ заставляетъ ловить французовъ и убивать. Комендантъ послалъ взять Энгельгардта въ Смоленскъ. Въ комиссіи французы сдѣлали допросъ Энгельгардту, но увѣрились, что крестьяне его *обольгали»*.—Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что французы, видя предъ собою представительнаго по внѣшности бывшаго подполковника, русской службы, умѣющаго держать себя съ достоинствомъ и прекрасно изъясняться чисто французскимъ діалектомъ, плѣнились этими его качествами и предложили ему вступить во французскую службу въ томъ же званіи и должности (т. е. под полковника) расчитывая, конечно, что онъ былъ бы для нихъ весьма полезенъ. Павелъ Ивановичъ отказался измѣнить престолу и отечеству. Французы легкомысленно прельщали его даже «залогомъ» (т. е. денежною суммою), если онъ перейдетъ въ ихъ войско или, по крайней мѣрѣ, оставшись на мѣстѣ, будетъ содѣйствовать видамъ французскаго правительства. Но Энгельгардтъ остался непоколебимъ и вѣренъ своему долгу и совѣсти.

— «Какая польза будетъ Вамъ, - говорилъ онъ французамъ,— если я измѣню своему государю и отечеству? такому человѣку нельзя довѣряться, кто хотя разъ оказался измѣнникомъ».

Французы были сконфужены своею неудачею и честностію отношеній русскаго дворянина къ своему долгу. На этотъ разъ

[1]) Указаніе на такой бывшій универсалъ Наполеона случалось автору этой книги читать и въ другихъ частныхъ документахъ.

они его отпустили домой, но затаили въ себѣ враждебное чувство къ этому патріоту. – Продолжаемъ начатый разсказъ Іоанна Мурзакевича:

«Энгельгардтъ ожесточился на крестьянъ. Чтобы отомстить клеветникамъ, онъ вторично пригласилъ казаковъ. Тѣ, сдѣлавши свое дѣло, удалились къ своему посту. Но мужикъ русскій тоже злопамятенъ: вся деревня заодно приговорила, чтобы опять двое шли въ Смоленскъ, и уже придумали лучшія мѣры погубить своего помѣщика: закопали въ господскомъ саду два какихъ-то трупа. Можно, навѣрное, сказать, что трупы были французовъ или ихъ собратій, мародеровъ, шлявшихся по деревнямъ для грабежа; убиты же эти лица были казаками, но *не мирнымъ помѣщикомъ*; затѣмъ тѣла ихъ, вѣроятно, подкинуты были, чтобы погубить Энгельгардта. Посланная команда, видя эти трупы, какъ явную улику преступленія, взяла Павла Ивановича въ томъ видѣ, какъ онъ былъ дома; привела съ завязанными руками въ городъ и посадила подъ арестъ въ Спасскую церковь. Тамъ Энгельгардтъ содержался до 2-хъ недѣль подъ строгимъ карауломъ, пока произведено было слѣдствіе и донесено было объ этомъ Наполеону. Рѣшеніе послѣдовало: «Разстрѣлять!» Энгельгардту объявили объ этомъ и вмѣстѣ дали время приготовиться къ смерти. Павелъ Ивановичъ, зная священника Никифора Мурзакевича, какъ просвѣщеннаго, пригласилъ его для совершенія послѣдняго долга».

Никифоръ въ теченіе 2-хъ дней былъ собесѣдникомъ Энгельгардта, исповѣдалъ его, пріобщилъ Св. Таинъ, проводилъ до мѣста незаслуженной казни, совершилъ надъ нимъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іоанномъ Мурзакевичемъ [1]) обрядъ погребенія и былъ выполнителемъ послѣднихъ завѣщаній умершаго. Между прочимъ священникъ Никифоръ долженъ былъ написать письмо супругѣ умершаго Еленѣ Александр. Энгельгардтъ. Это письмо напечатано и сдѣлалось общимъ достояніемъ. О послѣднемъ днѣ жизни Энгельгардта отецъ Никифоръ пишетъ въ немъ слѣдующіе: «15 октября 1812 года въ 11 часовъ утра пришелъ къ Павлу Ивановичу бывшій въ Смоленскомъ Генеральномъ Засѣданіи членомъ польскій полковникъ Костенецкій и сожалѣлъ, что во-время суда онъ изъ Смоленска былъ откомандированъ, иначе *участь* Павла Ивановича *была бы инакова* чрезъ обслѣдованіе. Энгельгардтъ, поблагодаря его за учтивость, отвѣчалъ, что смерть христіанину не

[1]) Разсказъ котораго былъ сейчасъ приведенъ.

страшна; «я сожалѣю, что многіе дворяне подвергнутся подобной участи, ибо *не будутъ у васъ просить должностей или залога*. Я съ радостію умираю, какъ *невинный*, и смерть моя сдѣлаетъ осторожными другихъ противъ злодѣевъ (т. е. клеветниковъ крестьянъ) [1]». Энгельгардтъ требовалъ, чтобы скорѣе вели его на мѣсто совершенія приговора, дабы не видѣть и не слышать тиранства. За Молоховскими воротами, въ шанцахъ, начали читать ему приговоръ; но онъ не далъ дочитать, закричалъ по-французски: «*довольно говорить ложь, пора перестать*! Заряжайте скорѣе и палите, чтобы не видѣть больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ!» Начали ему завязывать глаза, но онъ не позволилъ, говоря: «прочь! я хочу видѣть, какъ меня будутъ убивать». Потомъ попрощался съ отцомъ Никифоромъ и съ двумя его дѣтьми, которыя навѣщали его въ тюрьмѣ, также съ Рогулинымъ (русскимъ членомъ Муниципалитета по полицейскому отдѣлу). Затѣмъ, сказавши: «Господи! помяни мя, егда пріидеши во царствіи Твоемъ; я въ руки Твои предаю духъ мой», велѣлъ стрѣлять. Изъ 18 зарядовъ двѣ пули прошли грудь и одна животъ. Онъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничь, имѣя поднятыя руки и глаза къ небу. Но какъ въ немъ длилось еще дыханіе, то 1-й изъ 18-ти спекуляторовъ, т. е. солдатъ, заряди ружье, выстрѣлилъ въ високъ, и тогда Павелъ Ивановичъ скончался. Священникъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ началъ совершать отпѣваніе; а Рогулинъ досталъ людей выкопать яму. Не успѣлъ еще священникъ кончить христіанскій долгъ, какъ спекуляторы раздѣли его донага и лицомъ внизъ въ 3 четверти выкопанную яму вбросили Павла Ивановича безъ гроба и всякаго одѣянія, хотя отецъ Никифоръ упрашивалъ оставить на умершемъ сорочку. Преждевременно и невинно погибшаго закопали; а одежду и обувь его солдаты подѣлили между собою.

Во второй половинѣ октября дошелъ слухъ въ Смоленскъ, что армія идетъ назадъ. Съ 20 числа октября примѣчалось намѣреніе недоброе: по секрету французы хватали народъ и посылали дѣлать подкопы подъ нѣкоторыя городскія башни. Попался имъ смолрачевскій священникъ Герасимъ, одѣтый мужикомъ; его приняли

[1] «Дневникъ» или брошюра: «Никиф. Адріан. Мурзакевичъ», стр. 98.

за казака, заставили дѣлать черную работу и посылали въ подкопы. Отъ нужды и побоевъ старикъ умеръ.

Около 2-хъ недѣль, днемъ и ночью, шли назадъ непріятельскіе полки, нуждаясь въ продовольствіи. Они думали найти въ Смоленскѣ запасы; но ихъ не было. Бросились было къ жителямъ; но тѣ сами не имѣли хлѣба, а питались картофелемъ, овощами и яблоками, на которыя въ этотъ годъ былъ урожай. Поэтому пришлось французскому войску на обратномъ пути ѣсть конину. Иногда солдаты изъ-за куска хлѣба, особенно пшеничнаго (французы вообще избѣгали ржаного хлѣба), дрались между собою, иногда убивая одинъ другого.

Къ довершенію бѣдствія въ концѣ октября наступили холода, довольно чувствительные и для русскаго организма,привыкшаго уже къ этому, а для французовъ - совсѣмъ несносные. Не имѣя теплой одежды, изнуренные въ пути, голодные и холодные несчастные воины умирали въ большомъ количествѣ. Иные спасали себя отъ морозовъ, одѣвшись въ отнятые у жителей полушубки, тулупы, шапки, женскую одежду, даже въ добытыя священническія ризы, а еще оригинальнѣе—въ рогожи: такъ что побѣдоносная армія въ обратномъ шествіи представляла жалкую и грустную картину. Октября 28 въѣхалъ въ Смоленскъ самъ Наполеонъ безъ всякой торжественной обстановки; нельзя было и признать, что это повелитель Великой арміи. Проѣхавъ чрезъ Днѣпровскія ворота, онъ на Соборную гору пошелъ пѣшкомъ; за нимъ тащилась карета четвернею, спереди и сзади ея были привязаны ржаные снопы. Одѣтъ былъ Наполеонъ въ сѣрый фризовый сюртукъ, на головѣ—купеческая соболья шапка съ синимъ верхомъ и кистью. Остановился онъ опять на Блонѣ, въ Губернаторскомъ домѣ. Тутъ онъ получилъ нѣсколько донесеній, одно другого горестнѣе: отрядъ генерала Ожеро въ окрестностяхъ Смоленска, у Ляхова, былъ почти истребленъ партизанами; корпусъ вице-короля, настигнутый русскимъ летучимъ отрядомъ при переправѣ чрезъ р. Вопь, потерялъ почти всю свою артиллерію, обозы и много людей; Витебскъ взятъ русскими; нашъ адмиралъ Чичаговъ идетъ на Минскъ и друг. Наполеонъ не могъ скрыть своей скорби и обнаружилъ это при всѣхъ, чего прежде съ нимъ никогда не случалось. А тутъ еще сообщили, что провіанта въ Смоленскѣ очень мало, между тѣмъ солдаты требовали себѣ пищи. Въ виду недостатка припасовъ, при раздачѣ ихъ, всякій отрядъ стремился захватить себѣ по-больше продовольствія,

забывая объ экономіи для другихъ: такъ что выдача провіанта была, говорятъ, не что иное, какъ дерзкій грабежъ однихъ отрядовъ войска у другихъ. Наполеонъ очень разгнѣвался и приказалъ главнаго провіантскаго чиновника (кригсъ-комиссара Сіова) разстрѣлять.

1 ноября стали показываться на Покровской горѣ группы казаковъ; оттого французы пришли въ смятеніе и начали поэшелонно уходить по направленію Красный—Ляды. Чтобы задерживать движеніе русскихъ, долженъ былъ остаться въ Смоленскѣ корпусъ Даву, который и занялъ предмѣстья [1]). 2-го числа ноября, утромъ выѣхалъ изъ города со Старою гвардіею и самъ Наполеонъ. Удаляясь изъ Смоленска, онъ далъ приказаніе Даву поддерживать находившагося еще въ пути Нея, выступить изъ города 5 числа, уничтоживъ военные припасы и зарядныя фуры, взорвавъ башни и испортивъ ружья и пушки, которыя нельзя будетъ взять съ собою; предписано было также собрать остальныхъ воиновъ и вывезти больныхъ вслѣдъ за арміею. Но уже некогда было выполнять всѣхъ распоряженій Наполеона. Маршалъ Ней, дѣйствительно, явился въ Смоленскъ 3 числа, но съ жалкими остатками своего корпуса. А вслѣдъ за нимъ приблизились къ городу русскіе драгуны, егеря и казаки, подъ предводительствомъ Платова. Они заняли возвышенности праваго берега Днѣпра, начали атаку и 4-го числа оттѣснили французовъ на лѣвый берегъ, откуда они вели перестрѣлку до самаго вечера. Съ наступленіемъ ночи. на 5 число ноября, французы стали уходить поспѣшно и въ безпорядкѣ. Уходя, вымещали свою послѣднюю злобу за всѣ неудачи войны и за весь русскій народъ на Смоленскѣ, и безъ того разоренномъ: гдѣ либо въ углу, около стѣнъ, насыпавши пороху, уходящіе дармовые квартиранты домовъ оставляли при порохѣ зажженныя свѣчи, чтобы произвести пожаръ. И дѣйствительно, многіе дома загорѣлись почти въ одно время; особенно много возникло пожаровъ около Одигитріевской церкви, около Ильинской, гдѣ выгорѣли почти всѣ дворы. Тогда же сгорѣлъ Магистратъ съ городскимъ архивомъ, въ которомъ хранились привилегіи, дарованныя городу великими князьями, королями, царями и императорами; въ ту же ночь сгорѣли „Государевъ Дворъ", въ которомъ останавливалась

[1]) Канцелярія его находилась въ до сихъ поръ уцѣлѣвшемъ деревянномъ флигелѣ на Богословской улицѣ. во владѣніи г. Энгельгардтъ, у перевоза.

имп. Екатерина II, и генералъ-губернаторскій домъ, стоявшій на углу нынѣшняго владѣнія гимназіи. А послѣ полуночи начались взрывы башенъ. Подложены были мины подъ многія башни, но разрушено только 8. Здѣсь нужно воздать благодарность маіору 20-го егерскаго полка *Горихвостову*, который, видя издали, что городъ объятъ пламенемъ, поспѣшно со своимъ летучимъ отрядомъ прискакалъ къ городу, занялъ его, и еще у 8 другихъ башенъ, подъ которыя тоже проведены были подкопы и заложены мины, успѣлъ отнять фитили и вынулъ до 15 бочекъ пороху; такимъ образомъ, спасъ эти башни (не къ чести сказать для цивилизованной арміи) отъ варварскаго разрушенія, не оправдываемаго стратегическими цѣлями. Вслѣдствіе пожаровъ носился въ воздухѣ «смрадъ великій».

Отъ французовъ осталось въ Смоленскѣ 167 разныхъ пушекъ, и послѣ еще находили затопленными въ водѣ французскія пушки и чиненыя ядра. Осталось 40 раненыхъ офицеровъ и 2075 больныхъ солдатъ; они помѣщались въ каменномъ архіерейскомъ домѣ, въ Авраміевскомъ монастырѣ, и у Благовѣщенской церкви, (въ деревянномъ на каменномъ фундаментѣ домѣ, принадлежавшемъ потомъ г. Тырту); у Свирской церкви, (въ домахъ Хлѣбниковыхъ), и въ другихъ мѣстахъ. Отстали въ Смоленскѣ отъ удалявшагося войска еще 600 разныхъ иностранцевъ, въ числѣ ихъ—нѣкоторыя лица, занимавшіяся спеціальностями, напр.: докторъ медицины Валь, который потомъ, долго живя въ Смоленскѣ, радушно и ласково оказывалъ помощь всѣмъ страждущимъ, за что и названъ былъ «другомъ человѣчества», какъ значится на его могильномъ памятникѣ, находящемся на Нѣмецкомъ кладбищѣ.

Изгнали французское войско изъ Смоленска, изъ города Краснаго и вообще изъ Смоленской губерніи съ большимъ урономъ, напримѣръ: отъ корпуса Нея, выходившаго послѣднимъ изъ Россіи и бывшаго когда-то въ составѣ 8 тысячъ человѣкъ, подъ г. Оршей осталось только 800 солдатъ. Ноября 10 числа изъ г. Краснаго возвращена была Надворотняя икона Смоленской Божіей матери, находившаяся во все время войны при русскомъ войскѣ; а 25 числа принесена обратно въ Смоленскъ и Соборная икона Смоленской Богоматери Одигитріи. Убѣдившись въ безопасности жизни, стали возвращаться въ городъ его жители и власти.

Въ печальномъ положеніи застали граждане свой Смоленскъ. Тысячи домовладѣльцевъ лишились своего крова; расхищено имущество въ храмахъ, въ уцѣлѣвшихъ частныхъ домахъ и общественныхъ мѣстахъ; истребленъ скотъ. Разореніе было полное. Когда стали исчислять количество сгорѣвшихъ домовъ, то оказалось, что въ это бѣдственное время сгорѣло въ Смоленскѣ 45 каменныхъ, 1568 деревянныхъ домовъ, 69 лавокъ каменныхъ и 248 деревянныхъ. А убытки вообще простирались до 6.599.504 рублей. Не даромъ смоленское простонародье сдѣлало 1812-й годъ эрою своего счисленія и назвало Отечественную войну по-своему: «*Разоренье*»; недавно еще среди простыхъ старыхъ мѣщанъ можно было слышать характерныя выраженія, въ родѣ слѣдующаго: «это было въ Разоренье». По улицамъ города и предмѣстьямъ всюду валялись тѣла умершихъ и трупы лошадей; попадались тѣла и въ колодцахъ, отчего появился кровавый поносъ въ городѣ.

Возвратившимся гражданамъ надо было позаботиться, прежде всего, объ очищеніи города. Въ предохраненіе отъ заразы власти велѣли жечь на улицахъ костры всякаго мусора, а деготь служилъ тогда, какъ дезинфекціонное средство. Затѣмъ, занялись уборкою труповъ: тѣ трупы, которые оказались по-ближе къ рѣкѣ, спускали въ Днѣпръ; иные жгли цѣлыми кучами за стѣною, (противъ Шеиновой башни,) на Посадскихъ лугахъ и въ другихъ мѣстахъ; а на Воздвиженской горѣ, за отсутствіемъ дровъ, трупы не сжигали, но клали рядами въ большую яму, вырытую около югозападнаго угла кладбища храма Гурія, Самона и Авива, пересыпая ихъ известью чрезъ каждый 3-й рядъ. Потомъ, стали очищать и приводить въ порядокъ храмы, возстановляя, что въ нихъ было похищено, сожжено и вообще—уничтожено. Особенно много не доставало образовъ въ иконостасахъ, нужно было писать новыя иконы. На помощь въ этомъ случаѣ явились мѣстные художники: Левъ Петр. Леоновъ и Гниткинъ, учившіеся въ Академіи художествъ и жившіе въ Смоленскѣ: имъ принадлежитъ честь написанія многихъ иконъ по разнымъ храмамъ въ своеобразномъ стилѣ, представляющемъ смѣсь иконописи съ польскою живописью. При отсутствіи средствъ, возобновленіе храмовъ шло медленно: въ нѣкоторыхъ церквахъ богослуженіе могло начаться только чрезъ 2 или 3 года, напримѣръ: въ Ильинской и Нижне-Никольской; а въ Свирской церкви стали совершать службу только въ 1816 году; придѣлы же въ церквахъ возобновили еще позднѣе. Такъ сильно было разореніе храмовъ, и такъ скудны средства.

Жителямъ на первыхъ порахъ пришлось испытывать горькую нужду; тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ городомъ опустошена и разрушена была большая часть Смоленской губерніи. А съ обѣдненіемъ окрестнаго населенія не могли въ Смоленскѣ развиваться промыслы и торговля. У купцовъ не было средствъ не только на торговлю, но и на постройку и оправку домовъ; а обѣднѣвшіе жители заботились почти исключительно лишь о пропитаніи. Подъ вліяніемъ нужды нѣкоторые граждане оставили свой родной городъ и разошлись по другимъ мѣстамъ. Смоленскъ совершенно зачахъ и захилѣлъ. Въ данномъ случаѣ, чтобы сколько нибудь городу подняться и оправиться, нужна была помощь извнѣ.

Блаженной памяти Николай Павловичъ, еще будучи великимъ княземъ, въ 1816 году посѣтилъ Смоленскъ и, разъѣзжая по обгорѣлому городу, сострадательно отнесся къ его положенію: «въ бѣднѣйшія *хижины*» давалъ по 25 рублей, на госпиталь и острогъ послалъ 100 руб. и т. д. Но что важнѣе, — великій князь, по пріѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ, обратилъ вниманіе государя императора, Александра Павловича, на крайне печальное состояніе Смоленска. Императоръ Александръ Благословенный, «милосердствуя о бѣдныхъ жителяхъ» Смоленска и желая оказать имъ помощь и благодѣяніе, учредилъ *«Комиссію въ Смоленскѣ для жителей, коимъ должно быть назначено пособіе, въ видѣ подаянія»;* а затѣмъ, по представленію этой Комиссіи приказалъ въ 1817 г. отпустить для раздачи бѣднымъ 1949-ти семействамъ смоленскимъ 85210 рублей. находя, что «это пособіе нужно бѣдному люду, лишенному способовъ не только для *поддержанія* своего *хозяйства*, но и для первѣйшей жизненной потребности — *пропитанія*». На пропитаніе давали на семью отъ 10 до 75 руб., а на поддержаніе хозяйства - отъ 100 до 400 руб. Нужда преодолѣвала и чувства самолюбія и стыдливости: съ грустью читаешь въ печатномъ «Спискѣ лицъ, получившихъ пособіе, *въ видѣ подаянія*», фамиліи нѣкоторыхъ старинныхъ смоленскихъ купцовъ, до «Разоренія» бывшихъ богатыми.

Хотя, по тогдашнему времени, *означенное пособіе* было довольно значительнымъ; но Смоленскъ поправлялся слишкомъ медленно. Правда мѣщане стали возобновлять нѣкоторые свои промыслы, но положеніе этихъ промысловъ было далеко не прежнее; возникли скромные заводы, но они или едва окупали себя, или давали ничтожную прибыль. Торговля тоже не поднималась по

причинѣ очевидной повсюду скудости средствъ и скромнаго требованія на товары, особенно на предметы, не первой надобности. Вездѣ жизнь являлась сжатою. Городскіе доходы были слабы, ибо народонаселеніе не увеличивалось наплывомъ въ городъ людей изъ другихъ мѣстностей. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія въ Смоленскѣ за это время нѣтъ; но что оно было не въ прежнемъ числѣ и не владѣло достаточными средствами,—это видно изъ того, что даже въ 1830 году всюду встрѣчались въ Смоленскѣ слѣды пепелищъ, никѣмъ не застроенныхъ и не занятыхъ, всюду виднѣлись еще остатки разрушенія, которыхъ не могли до сихъ поръ привести въ порядокъ [1]). Нужно было для города новое оживленіе, чтобы поднять его на лучшую степень, соотвѣтственную значенію губернскаго города.

Въ 1829 году вступилъ въ должность смоленскаго губернатора поэтъ-литераторъ Николай Ив. Хмѣльницкій, человѣкъ съ очень широкими планами. Пріѣхавъ въ городъ, онъ былъ пораженъ царящею въ немъ бѣдностью и не заглаженными слѣдами погрома; представилъ это на усмотрѣніе государя императора Николая Павловича, который и самъ прежде видѣлъ разрушенный Смоленскъ и печалился о немъ. Результатомъ доклада государю былъ высочайшій указъ отъ 6 января 1830 г., въ которомъ начертаны были слѣдующія незабвенныя для смольнянъ слова: «Обращая вниманіе *на упадокъ благосостоянія* города Смоленска отъ разоренія, претерпѣннаго имъ въ 1812 г. при нашествіи непріятеля, отъ недостатка доходовъ и бѣдности жителей, и желая содѣйствовать возстановленію сего древняго города, зависящими отъ правительства средствами,—я призналъ за благо оказать жителямъ соразмѣрное настоящимъ обстоятельствамъ облегченіе въ государственныхъ повинностяхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ предоставить способы, могущіе *возбудить промышленность, умножить городскіе доходы и усилить народонаселеніе*». Въ частности эта милость выразилась въ слѣдующемъ: 1) принятіе на счетъ казны въ теченіе 10 лѣтъ содержанія городской полиціи; 2) единовременный отпускъ изъ казны до 100 тысячъ рублей на устройство пожарной части, и трехъ съѣзжихъ домовъ и будокъ, благодаря чему въ Смоленскѣ устроены были три каланчи [2]) съ пожарными командами; 3) сло-

[1]) Существуетъ предположеніе, выраженное историкомъ смол. Никитинымъ, что будто въ Смоленскѣ послѣ 1812 года было жителей около 7 тысячъ.

[2]) Въ настоящее время существуетъ только двѣ каланчи.

женіе на 10 лѣтъ съ обязанности города разныхъ воинскихъ повинностей и назначеніе отпуска изъ казны всѣмъ военнымъ и другимъ чиновникамъ, временно пребывающимъ въ Смоленскѣ по службѣ, квартирныхъ денегъ вмѣсто квартиръ натурою; 4) сложеніе съ Смоленскаго Градского общества числящихся на немъ разныхъ недоимокъ до 100 тысячъ рублей; 5) дарованіе купечеству и мѣщанамъ на 5 лѣтъ разныхъ облегченій; наконецъ 6) ссуда отъ 500 тысячъ до 1 милліона рублей ассигнаціями на 15 лѣтъ безъ процентовъ для постройки обывательныхъ домовъ и для постройки другихъ зданій и учрежденій, которыя могутъ приносить доходы. Съ помощію этой ссуды въ Смоленскѣ воздвигнуто вновь и исправлено разоренныхъ 32 каменныхъ и 246 деревянныхъ домовъ. Изъ этого же высочайшаго дара употреблено 102.700 руб. на поддержку и помощь 50-ти скуднымъ заводамъ возникшимъ къ тому времени въ Смоленскѣ. Это въ свою очередь дало возможность построить на мѣстѣ разрушенныхъ Молоховскихъ воротъ красивую башню, совмѣщающую въ себѣ и проѣзжія главныя ворота въ крѣпость и церковь. Каждый получившій 100 руб. въ ссуду, вносилъ на построеніе этого храма 5 рублей въ благодарность и память о благодѣяніяхъ монарха. Храмъ предполагали было посвятить въ честь тезоименитаго патрона императора: Николая Чудотворца; но государь пожелалъ назвать его церковію Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ честь сохранившейся въ этой башнѣ невредимою отъ погрома во время французовъ иконы Благовѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь, желая, чтобы наружный видъ этой церкви, какъ можно болѣе соотвѣтствовалъ древности Смоленской крѣпостной стѣны, назначилъ для нея фасадъ, представляющій четырегранную одноглавную башню съ зубцами; внизу—прямыя ворота. Вышина башни до креста 19½ саженей; въ основаніи 8-ми саженный квадратъ. Въ дополненіе къ собранной суммѣ императоръ пожертвовалъ 7 тысячъ рублей; кромѣ того, дозволилъ обратить на построеніе матеріалъ, оставшійся отъ разборки старой башни и бывшей при ней каменной *кордегардіи*, или караульни. Освящено было зданіе въ 1835 году, 3 сентября.

При Николаѣ Ив. Хмѣльницкомъ возобновлена другая башня, такъ называемая Черепаховая; въ 1832 году построено большое каменное зданіе для Военнаго госпиталя на Покровской горѣ; затѣмъ корпусъ для Школы кантонистовъ [1]) за Свирскою церковію; основано

[1]) Этотъ корпусъ потомъ нѣсколько разъ перестраивался, теперь преображенъ въ казармы Софійскаго полка.

Училище дѣтей канцелярскихъ служителей у Свирской церкви, въ домѣ Хлѣбниковыхъ [1]. При Хмѣльницкомъ образованъ и разведенъ городской садъ Блонье; самъ Хмѣльницкій и многія благородныя дамы, по разсказамъ стариковъ, принимали участіе въ посадкѣ деревьевъ. Ник. Ивановичъ позаботился о расширеніи улицъ, объ освѣщеніи ихъ и о мостовыхъ. Прежде улицы были очень узкія, неудобныя для движенія по нимъ, особенно при встрѣчахъ проѣзжающихъ: Хмѣльницкій, пользуясь тѣмъ, что, вслѣдствіе дарованныхъ субсидій, велось на большихъ и выѣздныхъ улицахъ много построекъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы домовладѣльцы расширили улицы до 10 саженей, и самъ лично принималъ участіе въ измѣреніи и направленіи ихъ, напримѣръ: улицы Свирской. На Большой Благовѣщенской, отдѣлявшейся отъ Соборной горы Сухимъ рвомъ, чрезъ который былъ перекинутъ мостъ, Хмѣльницкій распорядился срыть выдававшійся въ Рѣзницкую улицу гребень Соборной горы, засыпалъ ровъ и такимъ образомъ установилъ хорошее сообщеніе нагорной части города съ Соборомъ, Днѣпровскими воротами и мостомъ чрезъ Днѣпръ. Рѣзницкая улица, шедшая по оврагу къ Молоховскимъ воротамъ, перестала имѣть прежнее значеніе; а послѣ, въ 1851 году, когда начали проводить Витебское шоссе, которое пошло по откосу Соборной горы, эту улицу отчасти засыпали, отчасти разрыли, а вверху совсѣмъ заградили [2].

При Хмѣльницкомъ улицы освѣщались въ ночную пору самими домовладѣльцами. Чрезъ каждые два дома стоялъ столбъ съ фонаремъ, которые обыкновенно зажигались поочередно, а въ торжественные дни зажигаемы были всѣ фонари. При Хмѣльницкомъ же впервые начали мостить улицы камнемъ, а прежде были деревянныя мостовыя. Тогда же было устроено много новыхъ мостовъ чрезъ рвы, ручьи и рѣчки въ разныхъ мѣстахъ города; поправленъ изветшавшій было мостъ чрезъ Днѣпръ. Такъ какъ передъ мостомъ, въ Заднѣпровской части города, находился Кронверкъ, земляное укрѣпленіе, устроенное еще Петромъ Великимъ, со рвами, въ которыхъ стояла вода, и съ двумя каменными воротами, крайне стѣснявшими проѣзды и движеніе въ торговой части города; то Хмѣльницкій распорядился сломать каменныя ворота,

---

[1]) Училище, открытое въ 1830 г., существовало и въ 1863 г., потомъ закрылось.

[2]) Нѣкоторое время здѣсь не было домовъ, только съ 70-хъ г.г. она стала заселяться.

при чемъ, раскопавши валу «довольное количество», засыпали рвы. Образовалась широкая торговая площадь, на которой стали устраивать торговые ряды. Хмѣльницкій исходатайствовалъ даже учредить здѣсь ярмарку, такъ называемую Никольскую, которая съ того времени каждый годъ бываетъ отъ 6 декабря до 6 января. Это вліяло на развитіе торговли и промышленности.

При Хмѣльницкомъ же устроили новое зданіе Дворянскаго Собранія, въ которое еженедѣльно собирались дворяне, чтобы провести время въ обществѣ. Передъ пріѣздомъ въ Смоленскъ государя императора Николая Павловича, обновляли и украшали Соборъ,—вообще много было работъ въ городѣ. Всѣ эти улучшенія влекли въ Смоленскъ рабочія силы и новыхъ людей: промышленниковъ, подрядчиковъ, спеціалистовъ и т. д. Городъ оживился и увеличился въ количествѣ жителей; стали переселяться изъ деревень въ Смоленскъ и обзаводиться здѣсь домами нѣкоторые помѣщики.

Въ 1841 году 16 апрѣля, въ день бракосочетанія наслѣдника цесаревича, Александра Николаевича, послѣдовали новыя Высочайшія милости: императоръ Николай Павловичъ простилъ всю розданную на обстройку домовъ и оставшуюся въ долгу сумму всего 143097 рублей 59 коп. серебромъ. Память объ этомъ благодарные граждане увѣковѣчили въ Молоховской Благовѣщенской церкви мраморною доскою съ надписью золотыми буквами слѣдующихъ словъ: „*Николаю I отъ вѣрныхъ жителей древняго города Смоленска въ знакъ вѣчной признательности за оказанныя монаршія щедроты 16 апрѣля 1841 г.*"

Благодаря правительственной поддержкѣ и принятымъ мѣрамъ со стороны администраціи къ поднятію благосостоянія Смоленска, онъ измѣнился, пріукрасился и явился какъ бы обновленнымъ.

До сихъ поръ съ «Разоренія», мы не имѣли свѣдѣній ни о количествѣ домовъ въ Смоленскѣ, ни о числѣ его жителей и т. д. Въ 1845 году смоленскій историкъ П. Никитинъ, какъ современникъ, раскрываетъ намъ картину состоянія Смоленска. Въ своихъ «Запискахъ о Смоленскѣ», онъ, довольно основательно полагая, что до 1812 года было въ Смоленскѣ 15 тысячъ жителей теперь (въ 1845 году), т. е. чрезъ 33 года, отмѣчаетъ точное количество ихъ, во-первыхъ: «постоянныхъ жителей» обоего пола насчитываетъ только 9941-го человѣка; во-вторыхъ, регулярнаго войска и разныхъ лицъ, временно проживающихъ въ Смоленскѣ:

3429 человѣкъ. Итого 13370 душъ. Изъ нихъ мѣщанъ 5833 души обоего пола; купцовъ въ 1-й гильдіи не было никого, въ 2-й гильдіи 5, въ 3-й гильдіи—56 человѣкъ. Всѣхъ домовъ въ городѣ казенныхъ и обывательскихъ считалось каменныхъ 96, деревянныхъ 1785, итого—1881 домъ. Лавокъ и магазиновъ было 183; заводовъ и фабрикъ существовало: кожевенныхъ 27, замшевыхъ 1, свѣчныхъ сальныхъ 3, восковыхъ 1, круподерныхъ 7, кирпичныхъ 4, кафельныхъ 4, известковыхъ 2, маслобойныхъ 2, пивоваренныхъ 4, экипажныхъ 2. Итого 57. Число работниковъ на этихъ заводахъ не превышало 250 человѣкъ; ежегодный доходъ отъ всѣхъ заводовъ простирался отъ 25 до 30 тысячъ рублей ассигнаціями. Изъ представленныхъ цыфръ видно, что хотя благосостояніе Смоленска, какъ губернскаго города, было въ это время еще незначительно; тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и въ немъ начался поворотъ къ лучшему.

Къ 1856 году устроено было Смоленско-Витебское шоссе. Тогда оно, до проведенія желѣзной дороги, представляло собою прекрасное сообщеніе Смоленска съ Западными губерніями, лучше котораго и не могло быть въ тогдашнюю пору. Это обстоятельство отразилось на Смоленскѣ и послужило между прочимъ причиной переселенія сюда изъ Западныхъ губерній нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ лицъ. Стали переселяться въ Смоленсъ нѣмцы; явились и евреи изъ Витебской и Могилевской губерніи. И вотъ къ 1 января 1857 года, по даннымъ, собраннымъ офицерами генеральнаго штаба, [1]) мы имѣемъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія о Смоленскѣ: число жителей показано: 13018 душъ, сверхъ того войска было 1455 человѣкъ, итого 14473. Изъ нихъ купцовъ 1-й гильдіи нѣтъ, 2-й гильдіи 5, а 3-й гильдіи 76; капиталовъ ими объявлено—212400 рублей. Заводовъ и фабрикъ 49; хотя и уменьшилось ихъ число, но сумма ихъ производительности объявлена больше: 67,065 рублей. Домовъ въ городѣ, во-первыхъ, каменныхъ было 138, деревянныхъ 1999, итого—2137. Здѣсь необходимо замѣтить, что какъ дома, такъ и флигеля и другія жилыя постройки во дворѣ считались каждая за отдѣльный домъ, покрайней мѣрѣ, такъ было въ 1858 году, Слѣдовательно: сумма домовъ здѣсь преувеличена; во-вторыхъ, нежилыхъ строеній, также церквей, лавокъ и будокъ было 2375. Исчисленъ доходъ города въ суммѣ 11073 руб. Замѣтнымъ стало

---

[1]) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, Смоленская губернія» М. Цебриковъ, стр. 335-я.

количество лицъ римско-католическаго исповѣданія, именно: 1115 душъ, они устроили себѣ небольшой костелъ за Молоховскою площадью, на свободномъ мѣстѣ, Такимъ образомъ районъ города сталъ расширяться. Долгое время въ Смоленскѣ жило только одно еврейское семейство — Зелькины; съ проведеніемъ же шоссе и поднятіемъ благосостоянія города почти сразу является здѣсь уже нѣсколько еврейскихъ семействъ въ количествѣ 95 душъ. Число лицъ протестантскаго исповѣданія въ 1857 году было 150 душъ, они тоже построили себѣ кирху въ центрѣ города. Учебныхъ заведеній было 11-ть именно: семинарія, гимназія съ благороднымъ пансіономъ, военное училище, также—уѣздное; духовныхъ училищъ 2, существовало училище дѣтей канцелярскихъ служителей; Приходскихъ училищъ было 2 и частныхъ школъ 2. Въ нихъ учащихся мальчиковъ 526, дѣвочекъ 79. Въ городѣ учреждена была публичная библіотека.

Далѣе, интересно было бы изъ года въ годъ по свѣдѣніямъ Смолен. Статистическаго комитета (въ «Памятныхъ книжкахъ Смол. губерніи», которыя съ 1858 г. стали издаваться почти ежегодно) слѣдить за приростомъ населенія и постепеннымъ улучшеніемъ благосостоянія города; но это могло бы утомить читателей; да и размѣры книги и точность цифръ, по крайней мѣрѣ, по нѣсколькимъ отдѣламъ останавливаютъ эту работу. Приведемъ только цифровыя данныя, собранныя Статист. комитетомъ къ 1862 году. Тогда всѣхъ жителей съ войсками уже считалось 21360 душъ. Доходъ городской исчислялся въ количествѣ 20088 рублей. Купеческихъ и торговыхъ свидѣтельствъ было взято 99, при чемъ явились купцы 1-й гильдіи. Фабрикъ и заводовъ существовало 52. Учебныхъ заведеній 12. Другихъ статистическихъ данныхъ мы не приводимъ, потому что они находятся въ противорѣчіи съ показаніями предшествующихъ годовъ

Затѣмъ, началось осуществленіе великихъ реформъ царствованія императора Александра II, напр.: освобожденіе крестьянъ. Оно привлекло въ городъ многихъ дворянъ, оставившихъ свои усадьбы, и дворовыхъ людей, нерѣдко оказывавшихся предпріимчивыми. А введеніе разныхъ новыхъ учрежденій еще болѣе живительно отразилось на Смоленскѣ: каждое учрежденіе влекло въ Смоленскъ особый штатъ служащихъ чиновниковъ. Къ тому же провели къ Смоленску еще шоссе—Смоленско-Рославльское, имѣвшее нѣкоторое время большое значеніе; соединили Смоленскъ съ

другими городами сѣтью телеграфа; кромѣ того, по потребованію политическихъ обстоятельствъ, правительство стало содержать въ Смоленскѣ не гарнизонъ войска, но два пѣхотныхъ полка и артиллерійскую бригаду. Но особенное вліяніе на жизнь этого города оказали желѣзныя дороги. Паровозъ—могучій двигатель XIX столѣтія, измѣняющій бытъ городовъ и селеній, влекущій къ себѣ все, что выгодно перевезти на дальнее разстояніе, не миновалъ стариннаго города; Смоленскъ, лежавшій на пути «изъ Варягъ въ Греки», на перекресткѣ сообщеній съ сѣвера на югъ и съ востока на Западъ Россіи, съ проведеніемъ въ 1869 и въ 1871 годахъ Риго-Орловской и Московско-Брестской желѣзныхъ дорогъ, снова сдѣлался узловымъ пунктомъ двухъ большихъ путей: въ Смоленскъ въ изобиліи пошли товары другихъ мѣстностей и изъ него повезли то, что онъ производитъ: кафли, кирпичъ, клинтеръ, известь, ленъ, пеньку, лѣсъ, жито, кустарныя произведенія, кожи, живность, туши свиней и друг. Это тянуло въ городъ на жительство новыхъ людей.

Съ тѣхъ поръ Смоленскъ съ каждымъ годомъ сталъ особенно замѣтно увеличиваться и въ количествѣ населенія и въ количествѣ строеній. Соотвѣтственно этому возвышались городскіе рессурсы, открывались новыя статьи доходовъ; представлялось и больше возможности для Городского Управленія производить разныя улучшенія въ городѣ, касательно: освѣщенія, пожарной части, мостовыхъ и т. д.

Распространялся городъ особенно въ Слободахъ и на Покровской горѣ: тамъ на пустыхъ прежде мѣстахъ распланировывались и застраивались цѣлые кварталы домовъ. Улучшеніе происходило и внутри города: за это время былъ построенъ большой каменный Городской домъ (Дума), съ высокою каланчею, въ которомъ сгруппировали всѣ учрежденія городского управленія, прежде разъединенныя по разнымъ мѣстамъ; устроенъ водопроводъ въ городѣ. Явилось много новыхъ двухъэтажныхъ (даже каменныхъ) зданій частныхъ владѣльцевъ въ центрѣ города; а старые дома, соотвѣтственно потребности, расширялись, надстраивались и обновлялись. Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія даже по Большой Благовѣщенской улицѣ бросались въ глаза пустыя мѣста, виднѣлись нерѣдко заборы; теперь же появились тамъ всюду магазины, лавки и т. д.

Развивалась и общественная жизнь въ городѣ: явились театръ, клубъ («Благородное собраніе»), много разныхъ благотворительныхъ учрежденій и т. д. (Это означено въ слѣдующей

главѣ). Росла также и потребность просвѣщенія: завелись въ Смоленскѣ книжные магазины, кабинетъ для чтенія; основывались новыя учебныя заведенія. Городъ получалъ все болѣе и болѣе удобствъ жизни, оживленія и разнообразія. Это поднятіе благосостоянія города въ свою очередь служило тоже не малымъ мотивомъ для осѣдлости въ немъ лицъ культурныхъ, и интелигентныхъ.

«Однодневная перепись жителей Смоленска», произведенная въ 1881 году, 11-го октября, по иниціативѣ дѣятельнаго тогдашняго головы А. Я. Энгельгардтъ, дала слѣдующіе результаты: всѣхъ жителей насчитали въ это время 29762 души. Въ это число не вошли войска, при томъ перепись была осенью, когда уходятъ рабочіе изъ города. Затѣмъ, нѣкоторыя еврейскія семейства, избѣгая переписи, какъ говорятъ, удалялись на это время по деревнямъ; тѣмъ не менѣе евреевъ тогда насчитали 2933 души. Лютеранъ—383, католиковъ —1572 человѣка. По сословіямъ, оказалось много чиновниковъ 6979 и служащихъ у частныхъ лицъ и обществъ 24012 (не чернорабочихъ). Ремесленниковъ состояло 3981 человѣкъ. Домовъ въ городѣ, было 2163, въ составъ цыфровыхъ свѣдѣній о количествѣ домовъ за этотъ годъ флигеля при домахъ, (стоящіе во дворѣ, даже на улицѣ) не вошли, потому что они значились вмѣстѣ съ домомъ подъ однимъ номеромъ Купеческаго сословія оказалось 608 душъ обоего пола. Заводовъ, магазиновъ, лавокъ, булочныхъ, конторъ, складовъ, аптекъ, трактирныхъ и питейныхъ заведеній было 603; годовой оборотъ ихъ опредѣлился въ 2,999,730 руб. Въ эту сумму не вошла базарная торговля съ возовъ, ларей и разносная торговля. Городской доходъ считался въ это время, по свѣдѣніямъ изъ Городской Управы, въ суммѣ 82 тысячи. Учащихся было 1607 мужского пола и 901 женскаго, итого 2508 человѣкъ.

Въ 1890 году, какъ видно изъ статистическихъ свѣдѣній (т. е. чрезъ 9-ть лѣтъ послѣ «Однодневной переписи»), въ это время жителей считалось, кромѣ войска: 37741 человѣкъ обоего пола, изъ нихъ католиковъ 2995, лютеранъ 1369, евреевъ 5709 душъ. Войско тогда состояло изъ двухъ полковъ (Копорскаго и Нарвскаго), одного пятиротнаго батальона (Краснинскаго [1]),

[1]) Краснинскій батальонъ въ 1892 г. 13 сентября смѣненъ былъ 2-мъ Софійскимъ пѣхотнымъ полкомъ, который и теперь квартируетъ въ Смоленскѣ.

очной артиллерійской бригады, конвойной команды и команды Воинскаго начальника, — такъ что количество войска было въ это время до 4 тысячъ. Учебныхъ заведеній существовало 37, учащихся въ нихъ 2036 мужскаго пола и 1179 женскаго, итого 3215 человѣкъ. Доходы городскіе, какъ видно изъ «Смѣты доходовъ и расходовъ Смоленска за 1890 г.» опредѣлялись въ 113300 рублей, а расходы въ 108700 рублей.

Въ слѣдующіе года до текущаго времени городъ съ удивительной быстротой росъ въ слободахъ: Офицерской, Солдатской, Свирской, и около вокзаловъ жел. дорогъ; но особенно по Краснинской большой дорогѣ, гдѣ разбита на участки пустовавшая городская земля и продава ъ частныя владѣнія; также разбита на участки городская земля по Витебскому шоссе и застроена дачами. Въ доказательство того, какъ быстро теперь ростетъ городъ, приведемъ цыфры. Въ 1895 году Городской Управой выдано было разнымъ лицамъ 126 разрѣшеній на возведеніе въ городѣ новыхъ домовъ; не зависимо отъ этого въ томъ же году было заново перестроено и капитально ремонтировано около 37 домовъ. Въ слѣдующемъ 1896 году число выданныхъ Управой разрѣшеній увеличилось почти вдвое и достигло до 223 [1]).

Вообще — кто былъ въ Смоленскѣ лѣтъ 17 тому назадъ, тотъ теперь пріѣхавши сюда, будетъ пораженъ его перемѣной.

Епископами Смоленскими были слѣдующіе: 59) ***Ириней*** (Фальковскій), который прибывъ въ Смоленскъ за 4 мѣсяца до вступленія въ него французовъ, долженъ былъ переносить тяжесть отечественной войны; 60) ***Іоасафъ*** Срѣтенскій (съ 1813—1821 г.) приводилъ въ порядокъ церкви послѣ французскаго погрома; 61) ***Іосифъ*** IV Величковскій (съ 1821—1833 г.), открылъ усыпальницу смол. митрополитовъ, въ 1832 году встрѣчалъ въ Успенскомъ соборѣ, императора Николая Павловича который имъ остался не вполнѣ доволенъ; Іосифъ по собственному желанію удалился на покой въ Кіевскую лавру; 62) ***Тимоѳей*** (Кетлеровъ), родомъ изъ Рославльскаго уѣзда, села Костыри, съ 1834—1860 г. носилъ званіе архіепископа по личнымъ заслугамъ; устроилъ Женское Духовное училище и по старости лѣтъ отправился на покой въ Смол. Ордынскую пустынь; 63) ***Антоній*** (Амфитеатровъ), составитель Догматическаго богословія (съ 1860—1866 г.), переведенъ архіепископомъ въ Казань; 64) ***Іоаннъ*** IV (Соколовъ) — членъ Синода, краснорѣчивый проповѣдникъ, въ 1868 г. скоропостижно умеръ, похороненъ въ Успенскомъ соборѣ; 65) ***Серафимъ*** II (Протопоповъ)

---

[1]) Смолен. Вѣстн. 1897 г. № 182.

съ 1868—74 г., переведенъ въ Ригу, потомъ въ Самару, гдѣ и умеръ въ 1891 г., 66) *Іосифъ* V (Дроздовъ), привѣтливый и общительный архипастырь съ 1874—81 годъ; захворавши, отправился на излѣченіе въ Ялту, гдѣ и померъ; похороненъ въ Смоленскомъ Успен. соборѣ; 67) ***Несторъ*** (Метаньевъ) съ 1881—89 годъ, добрый и дѣятельный архипастырь; раньше былъ ректоромъ Смоленс. Семинаріи, очень любимымъ воспитанниками за попеченіе о нихъ[1]); во время его управленія епархіею начали строить новое зданіе семинаріи на Спасской улицѣ; при немъ въ 1885 г, открылось Братство препод. Авраамія; переведенъ въ Москву; 68) ***Гурій*** II (Охотинъ) былъ раньше ректоромъ Симбирской семинаріи, гуманный архипастырь съ 1890—1895 г., основалъ Палестинское Общество; переведенъ въ Санктъ-Петербургъ, въ Святѣйшій Сѵнодъ для управленія Духовными (Церковно-приходскими) школами Имперіи; 69) съ 1896 г. 10 февраля управляетъ епархіею преосвященный ***Никаноръ***, (Каменскій) епископъ Смоленскій и Дорогобужскій, переведенный сюда изъ Архангельска и сдѣлавшій уже многополезнаго и важнаго для епархіи. Болѣе подробно объ епископахъ изложено въ брошюрѣ: «Списокъ Смоленскихъ Іерарховъ» 1896 г., извлеченіе изъ Смол. еп. вѣд. № 21.

Списокъ генералъ-губернаторовъ. Какъ извѣстно, до 1812 года были въ Смоленскѣ намѣстники, или военные губернаторы. И послѣ отечественной войны должность эта не была упразднена; но генералъ-губернаторы не жили въ разоренномъ городѣ, ибо и домъ генералъ-губернаторскій, очень изящно устроенный, въ 1812 году сгорѣлъ, а въ 1833 году окончательно былъ разобранъ. Генералъ-губернаторы, называясь Смоленскими, живутъ въ другихъ городахъ: *Каверинъ* Пав. Никит., тайн. сов. управлялъ Смоленскою и Калужскою губерн. съ 1813 г.—1816 г. *Омельяненко* Никита Кузьм. (1816—24 г.), жилъ въ Калугѣ. *Хованскій* кн. Никол. Никол. былъ генералъ-губернаторомъ Смол., Витебской и Могилевской губерній (1824—35 г). *Дьяковъ* Петръ Никол, генералъ отъ кавалер. (1836—45 г.). *Голицынъ* кн. Андр. Мих. (1845—53 г.). *Игнатьевъ* Пав. Ник. (1853—55 г.) жилъ въ Витебскѣ. Послѣ него должность Смол. военнаго губернатора была закрыта. Управленіе губерніею ввѣрено только гражданскому губернатору.

Имена губернаторовъ. Въ 1813 году продолжалъ еще быть губернаторомъ баронъ *Ашъ*, лютеранинъ; умеръ 30 декабря 1820 г. Тѣло его преосвященный Іосафъ съ духовенствомъ, при пѣніи: «Святый Боже!» провожалъ до Богословскаго кладбища, гдѣ пасторъ ожидалъ на могилѣ. Съ тѣхъ поръ на Богословскомъ кладбищѣ стали хорониться лютеране; образовалось Нѣмецкое кладбище, выдѣленное изъ Православнаго—Богословскаго; въ 1885 г. его расширили прибавленіемъ къ нему городской земли. Съ 1821 г.

[1]) Иногда онъ бѣдныхъ изъ нихъ содержалъ на свой счетъ до 15 человѣкъ.

губернаторомъ былъ *Храповицкій* Ассонъ Сем.; съ 1829 г. *Хмѣльницкій* Никол. Ив.; съ 1837 г. *Рославецъ* Викт. Як.; съ 1838 г. *Трубецкой* кн. Петръ Ив.; съ 1842 г., *Капнистъ* Иванъ Вас.; съ 1844 г. *Шкляревичъ* Федотъ Никол.; съ 1851 г. *Херхеулидзевъ* кн. Зах. Сем.; съ 1854 г. *Ахвердовъ* Никол. Александр.; съ 1859 г. *Самсоновъ* Александръ Петр.; съ 1861 г. *Арсеньевъ* Юлій Конст.; съ 1862 г. *Борозднa* Ник. Петр.; съ 1871 г. *Лопатинъ* Александръ Григор. д. ст. сов.; съ 1880 г. *Томара* Левъ Пав. д. ст. сов.; съ 1881 г. *Кавелинъ* Александръ Александ. генералъ-лейтенантъ. Въ настоящее время съ 6-го марта 1886 года начальникомъ губерніи состоитъ тайный совѣтникъ Василій Осиповичъ *Сосновскій*.

Губернскіе Предводители Дворянства были: *Лесли* Серг. Ив. до 1814 и съ 1817—1826 г., *Лыкошинъ* Фед. Ив. 1814—1817 г., *Дехтеревъ* Никол. Вас. до 1826 г., *Аничковъ* Александръ Ник. 1827—37 г., *Храповицкій* Асон. Сем. съ 1838 г., *Карабановъ* Влад. Петр. 1841—42 г., *Краевскій* Александръ Петр. 1844—46 г., *Друцкой-Соколинскій* кн. Мих. Вас. 1847—57 г., *Криштафовичъ* Никол. Егор. съ 1859 г., *Криштафовичъ* Мих. Егор. съ 1862 г., *Ивановъ* Сер. Серг. 1865—71 г., *Урусовъ* кн. Вл. Дм. 1874—80 г., *Оболенскій* кн. Георг. Васильев. 1880—86 г., *Хомяковъ* Николай Алексѣевичъ 1877—96 г. и *Маховъ* Михаилъ Алексѣевичъ съ 1896 г.

Директорами училищъ Смоленской губерніи и гимназіи состояли: *Людоговскій* Лев. Өедор. дѣйств. ст. сов. (1804—1834 г.), *Авсовъ* Петр. Никол. капитанъ лейтенантъ флота по 1842 г., *Кологривовъ* Ив. Никол., полковн. по 1847 г., *Лыкошинъ* Александр. Ив. по 1852 г., *Философовъ* Мих. Александр. по 1855 г., *Шестаковъ* Петр. Дм. по 1860 г., *Маціовскій* Станисл. Никодим. до 1864 г., *Ржевскій* Дм. Сем., ст. сов. по 1865 г., *Сосфеновъ* Ник. Ив. ст. сов. до 1870 г., *Лебедевъ* Ив. Дм., ст. с. до 1871 г., *Басовъ* Вас. Петр., ст. сов. 1876 г. При немъ въ 1875 году отдѣлилась дирекція народныхъ училищъ отъ гимназіи и открылось Смол. Реальное Училище.

Директора классической гимназіи: Гобза Іосифъ Освальдовичъ ст. сов. (1876—1887 г.), *Лебедевъ* Сер. Пав. ст. сов. (1887—89 г.), *Пречанъ* Антонъ Антоновичъ, дѣйств. ст. сов. съ 1889 г.

Директора народныхъ училищъ: Новицкій Викторъ Станиславовичъ, ст. сов. (1875—87), *Цапенко* Николай Яковлевичъ, дѣйств. ст. сов. съ 1887 г.

Директора реальнаго училища: Чемолосовъ Өед. Өед. ст. сов.

(1876—84 г.), *Леоновичъ* Александръ Ѳаддеевичъ (съ 1885—87 г.), *Даниловъ* Алексѣй Ив. (1887—90 г.), *Давиденковъ* Ник. Ив., ст. сов., съ 1890 г.

Списокъ Градскихъ Головъ съ 1812 года: Верзинъ Кузьма Макаровичъ по 1813 г.,[1]) *Филимоновъ* Иванъ Васильевичъ, по 1818 г., *Курбатовъ Голоневскій* въ 1818—20 г., *Текоцкій* Степ Андр. въ 1820—22 г., *Павловъ* Гр. Ст. 1822—30 г, *Шведовъ* Мих. Парѳен.—1833 г., *Щокотовъ* Як. Як. 1849 г., *Кульбацкій* Вас. Ст.—1855 г., *Текоцкій* Вас. Ст., 2 гильд. куп. 1855—68 г, *Рубцовъ* Кар. Сем., 2 гильдіи куп. 1868—71 г., *Потемкинъ* Дм. Никол., кол. секр.—1877 г., *Энгельгардтъ* Александръ Платоновичъ, камергеръ Двора Его Величества—1890 г., *Лидовъ* Петр. Ив., кол. сов.—1892 г., *Ланинъ* Петръ Ѳедоровичъ, потом. поч. гражд. съ 1892—93 г. и *Вэзненко* Ник. Петровичъ, тит. сов съ 1893 г. по настоящее время

X. Смоленскъ въ настоящее время.

Теперь Смоленскъ по даннымъ, собраннымъ 1-ю всеобщею народною переписью 28 января 1897, имѣетъ 26529 лицъ мужскаго пола и 20360 женскаго, а всего 46889 жителей. Лицъ іудейскаго исповѣданія того и другаго пола можно насчитать въ Смоленскѣ болѣе 8000 душъ, при чемъ есть въ городѣ и караимы въ количествѣ болѣе 30 человѣкъ. Евангелическо-лютеранскаго исповѣданія насчитывается около 1300, римско-католическаго приблизительно до 4000 душъ обоего пола. Въ 1896 году въ городѣ оказалось родившихся 1511 душъ, умершихъ 1369 человѣкъ (+142).

Въ полицейскомъ отношеніи, городъ раздѣляется на три части, изъ нихъ 1-я и 2-я части расположены на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ стоитъ городская стѣна; а 3-я находится на правомъ берегу, гдѣ идутъ линіи желѣзныхъ дорогъ. 1-я и 2-я раздѣляются Благовѣщенскою улицею.

Всѣхъ домовъ, въ городѣ съ флигелями при нихъ насчитывается до 4 тысячъ.

---

[1]) Далѣе хронологія Градскихъ Головъ до 1885 года отмѣчена только приблизительно, ибо намъ не удалось добыть точныхъ хронологическихъ данныхъ.

Церкви.

Храмы въ городѣ всѣ каменные: два Собора, стоящія рядомъ; изъ нихъ одинъ холодный *Успенскій*, окончательно устроенный въ 1772 году, а другой теплый *Богоявленскій*, выложенный въ 1788 году. Есть три монастыря—два мужскихъ: *Троицкій*, находящійся на Большой улицѣ рядомъ съ Соборной горой, *Авраміевскій*, стоящій у городской стѣны во 2-й части города на горѣ, и женскій *Вознесенскій*, основанный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по взятіи имъ города. Въ каждомъ монастырѣ по два храма, при томъ—главные храмы во всѣхъ трехъ монастыряхъ двухъ-этажные. Приходскіе храмы, находящіеся въ 1-й части города, во-первыхъ, въ крѣпости на горѣ: *Ильинскій*,—у Блонья (устроенъ въ 1783 г. вмѣсто деревяннаго), *Воскресенскій*, устроенъ въ 1765 году въ срединѣ развалинъ большой каменной церкви древнѣйшаго періода, гдѣ въ 1711 году былъ деревянный храмъ съ покрытыми ходами вокругъ; *Казанскій* (въ 1763 г.). Во-вторыхъ—внѣ крѣпости, по берегу Днѣпра: *Іоанно-Богословскій*, храмъ (построенъ раньше 1180 года) и Свирскій *Михаило-Архангельскій*, храмъ (около 1191—94 г.г.)

Во 2-й части города существуютъ храмы: *Благовѣщенскій*—въ половинѣ Соборной горы (устроенъ въ 1773 г.), *Одигитріевскій*—на Благовѣщенской улицѣ (устроенъ госп. Гедеоновыми въ 1764 году вмѣсто деревяннаго), *Спасо-Преображенскій*—на мѣстѣ бывшаго польскаго костела въ 1766 г. храмъ обнесенъ былъ каменною оградою которая существовала и въ 1812 году. *Георгіевскій* (въ 1782 г.), *Покровскій* съ придѣломъ Живоноснаго источника, красиво пріютившійся при городской стѣнѣ, на особой горѣ у Лучинской башни. За стѣной въ Офицерской Слободѣ — *Верхне-Никольскій* храмъ (устроенъ послѣ 1812 г.). На берегу Днѣпра: *Духовская* Рачевская церковь (въ 1765 году). А въ верхъ рѣки самая отдаленная церковь есть Нерукотвореннаго Спаса, или *Окопская* (въ 1776 г.).

Въ 3-й, или Заднѣпровской части города: *Нижне-Николаевскій* храмъ, стоящій передъ Днѣпровскимъ мостомъ (устроенъ въ 1748 г.); *Воздвиженскій*—въ восточной части города, на берегу Днѣпра, у линіи желѣзныхъ дорогъ (устр. въ 1764 году). Далѣе, къ западу, по линіи желѣзныхъ дорогъ слѣдуютъ храмы: св. *Александра Невскаго*, устроенный въ 1894 году въ память ЧУДЕСНАГО СПАСЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ при крушеніи

поѣзда на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ 17 октября 1888 г. Затѣмъ, самый древній въ Смоленскѣ *Петропавловскій* храмъ, у желѣзно-дорожныхъ вокзаловъ (устроенъ въ 1146), и наконецъ *Тихвинскій* кладбищенскій храмъ, самый крайній по линіи желѣзныхъ дорогъ (устроенъ около 1802 г.). А надъ нимъ возвышается на горѣ новый *Георгіевскій* храмъ (1810 г.). Такимъ образомъ, по мимо соборовъ и монастырей, приходскихъ храмовъ всего насчитывается въ Смоленскѣ 19.

Кромѣ того, есть 4 безприходныхъ храма: во-первыхъ, св. *Гурія, Самона и Авива*, находящійся на развалинахъ древнѣйшаго Смоленскаго монастыря Св. Креста, на горѣ, надъ Воздвиженскою церковію; во-вторыхъ *Благовѣщенія* на Молохвинскихъ воротахъ; затѣмъ надъ воротами Днѣпровскими храмъ *Смоленской Богоматери*, приписанный къ Архіерейскому дому, и храмъ *Іоанна Предтечи*, устроенный въ 1703 г. на Соборной горѣ, принадлежащій тоже къ Архіерейскому дому, временно замѣнявшій теплый соборъ. Еще есть 8 домовыхъ церквей и 1 лѣтняя Лагерьная церковь. Затѣмъ — 1 лютеранская кирха (въ центрѣ города на Кирочной улицѣ) и 1 большой римско-католическій костелъ, выложенный въ 1896 году взамѣнъ прежняго малаго.

Всего церквей въ Смоленскѣ 39 и 1 еврейская молельня.

Особыя учрежденія.

Помимо обще-губернскихъ учрежденій, присущихъ каждому губернскому городу, въ Смоленскѣ находятся еще: *Управленіе Государственными Имуществами*, расположенными не только въ Смоленской губерніи, но и въ Могилевской и Витебской; *Управленіе Смоленско-Витебскаго почтово-телеграфнаго Округа*; отдѣленіе *Управленія Государственнаго коннозаводства*, *Штабъ 13-го армейскаго корпуса*, *Управленіе начальника 17-й* мѣстной *бригады*, *Штабъ 1-й пѣхотной дивизіи*. Въ предѣлахъ города, въ нѣсколькихъ казармахъ расположены три полка: 2-й пѣхотный *Софійскій* (казармы его по Свирской улицѣ на Кловкѣ), 3-й пѣхотный *Нарвскій* (казармы на Свирской улицѣ и на Рачевкѣ) и 4-й пѣхотный *Копорскій* полкъ (казармы его на Покровской горѣ, въ нихъ домовая церковь); *3-я резервная артиллерійская* бригада (цейхгаузы и склады ея устроены на Скляной горѣ, куда проведена особая дорога за Тихвинской церковію). На лѣтнюю пору въ лагери, располагающіеся на Покровской горѣ, приходитъ еще 1-й пѣхотный

Невскій полкъ изъ Рославля. Для войскъ существуетъ *Военный лазаретъ* - большая группа каменныхъ зданій на Покровской горѣ, передъ казармами Копорскаго полка, по лѣвую сторону Большой дороги.

Просвѣщеніе въ Смоленскѣ.

Учебныхъ заведеній въ 1895 году было 43; а учащихся въ нихъ приблизительно до 4500 человѣкъ обоего пола.

По времени учрежденія, старѣйшее изъ учебныхъ заведеній есть *Духовная семинарія*; она открыта въ 1728 году, прежде находилась въ Авраміевскомъ монастырѣ, потомъ имѣла для своего помѣщенія около указаннаго монастыря 4 отдѣльныя зданія; но съ 1891 года имѣетъ близъ Спасо-Преображенской церкви одно большое каменное зданіе съ домовой церковію, устроенное на средства Святѣйшаго Сунода. А прежніе дома Семинаріи уступлены подъ мужское *Духовное уѣздное училище*, ведущее свое самостоятельное существованіе съ 1817 года. При Семинаріи съ 1886 года открыта *Образцовая церковно-приходская школа* для мальчиковъ, въ обученіи которыхъ, кромѣ учителей Школы, практикуются и ученики старшихъ классовъ семинаріи. Въ 1896 году учащихся въ Духовной семинаріи было 300, въ Духовномъ училищѣ 164, а въ Образцовой школѣ 130 учащихся.

Далѣе, въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ мужская *Классическая Гимназія*, открыта въ 1804 году, 26 марта; помѣщалась прежде въ зданіи, которое принадлежитъ теперь Женской гимназіи. Настоящее помѣщеніе гимназіи съ домовою церковію, выстроенное у Блонья, обошлось во 100 тысячъ рублей. Закладку этого зданія въ 1858 году осчастливилъ своимъ присутствіемъ въ вѣчно достойный памяти императоръ АЛЕКСАНДРЪ II, посѣтившій Смоленскъ проѣздомъ въ Варшаву. Въ гимназической церкви, въ особомъ ковчежцѣ сохраняются серебряные молотокъ и лопатка, которыми государь сдѣлалъ 1-ю кладку кирпича. Учащихся въ 1897 году доходило до 550 учениковъ. Въ 1849 году поступилъ въ Смол. Гимназію и кончилъ въ ней 6 классовъ извѣстный изслѣдователь Средней Азіи Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Дѣтскій пріютъ—на Дворянской улицѣ, не далеко отъ зданія Думы. Основанъ въ 1846 году, содержится на разныя средства. Это учрежденіе имѣетъ воспитательно-благотворительный

характеръ. Живутъ въ пріютѣ дѣвочки въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ, дѣти беднѣйшихъ родителей, а нѣкоторыя—круглыя сироты, всѣхъ 48; кромѣ того, приходятъ на день учиться въ пріютъ еще 25 дѣвочекъ: онѣ, учась здѣсь начаткамъ образованія, получаютъ завтракъ и обѣдъ. Пріютъ состоитъ въ Вѣдомствѣ учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

Женское Епархіальное училище (или Женская Семинарія) существуетъ съ 1852 года 22 іюля около Вознесенскаго монастыря. Состоитъ подъ покровительствомъ Ея Высочества Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской. Всѣхъ воспитанницъ въ 1896 г. около 261. При этомъ училищѣ существуетъ Женская образцовая *Вознесенская школа*, въ которой старшій классъ ученицъ практикуется въ преподаваніи предметовъ, подъ руководствомъ учащихъ въ этой школѣ. Въ означенномъ году всѣхъ дѣвочекъ въ школѣ было 74.

Маріинская Женская Гимназія, преобразованная изъ Губернскаго женскаго училища, была открыта въ 1861 году, 6 декабря. Всѣхъ ученицъ къ 1 января 1897 года состояло 417.

Реальное училище, помѣщающееся при Блоньи въ устроенномъ для него зданіи, постройка котораго обошлась въ 111-ть тысячъ 95 рублей, существуетъ съ 1 іюля 1877 года. Названо *Александровскимъ* въ 1880 году съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, по ходатайству Смоленскаго Губернскаго Земства. Учащихся къ 1 января 1897 года было 315 учениковъ.

Женская прогимназія открыта въ 1886 году 1 сентября; находится на Большой Благовѣщенской улицѣ, около Одигитріевской церкви, въ домѣ П. Ѳ. Ланина; учащихся 240 ученицъ.

1-е Смоленское шестиклассное Городское училище, преобразованное изъ уѣзднаго въ 1876 г. 1 іюня, помѣщается въ особомъ домѣ, принадлежащемъ городу, у Блонья. *2-е Городское училище* открыто въ 1883 году, 27 августа; помѣщается въ Заднѣпровской части города, въ домѣ П. Ѳ. Ланина при Площади. Всѣхъ учащихся въ обоихъ училищахъ въ 1896 году состояло 462 мальчика.

Ремесленное училище, открытое въ 1878 году 5 мая, быстро развивается. Теперь учатся въ немъ 70 человѣкъ столярному, слесарному, кузнечному и литейному мастерствамъ: получаютъ заказы, даже на земледѣльческія орудія и удовлетворительно выполняютъ ихъ. Съ 1895 года въ мастерскихъ постановленъ паровой двигатель, есть вагранка, также литейныя и многія механическія

приспособленія; освѣщается электричествомъ. Училище помѣщается въ соб. домѣ, въ 1-й части при городской стѣнѣ у Днѣпра. Принимають въ него получившихъ уже начальное обученіе. Въ 1896 году было 95 учащихся.

Двуклассное Женское Городское училище помѣщается рядомъ съ Ремесленнымъ училищемъ; существуетъ съ 1879 года 1 декабря, содержится на средства города, учащихся 185 дѣвочекъ.

Кромѣ того, существуютъ на счетъ города *четыре Начальныя Городскія училища* для дѣтей обоего пола; два изъ нихъ открыты въ 1886 года 1-го сентября, 3-е въ 1888 году и названо Лермонтовскимъ и 4-е Богословское въ 1897 г. 1 октября.

Есть *двѣ Церковно-приходскія школы*: Духовская существуетъ съ 1884 года и Свирская съ 1892 года: Въ 1896—97 г.г. по иниціативѣ мѣстнаго епископа, преосвященнаго Никанора, открыто въ разныхъ приходахъ 6-ть школъ грамоты.

Заслуживаетъ вниманія *Училище слѣпыхъ*, существующее съ 1890 года на разныя благотворительныя средства. Къ 1 октября 1897 года состояло 22 воспитанника. Обученіе идетъ сначала общеобразовательнымъ предметамъ, также пѣнію и музыкѣ, потомъ—ремесламъ (дѣлаютъ преимущественно щетки и корзины). Изъ обучившихся составился хоръ пѣвчихъ въ Одигитріевской церкви. По отчету Смоленскаго Отдѣленія Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ, за 1896 г. видно, что капиталъ «Отдѣленія» на 1897 выразился въ суммѣ 6645 р. 70 к. Въ этомъ году для училища купленъ домъ въ Офицерской Слободѣ Юшкевича, куда училище и переведено.

Смоленская Женская Воскресная школа существуетъ 7 лѣтъ, помѣщается въ 1-мъ Городскомъ училищѣ. Средства школы случайныя и не превышаютъ 600 р. Учащихъ въ школѣ въ 94—95 г.г. состояло: 2 законоучителя, 3 учителя и 16 учительницъ. Къ концу 1894—95 года оставалось 211 ученицъ: 126 русскихъ, 84 еврейки, 1 полька. Изъ этого числа явились въ 1895—96 г. 142 ученицы: 76 русскихъ и 66 евреекъ. Въ 1895—96 г. поступило 144 ученицы: 111 русскихъ и 33 еврейки. Собственно говоря школа не достигаетъ своихъ задачъ: $^{1}/_{3}$ учащихся *дѣти школьнаго возраста*. Изъ отчета школы за 95—96 г. видно, что педагогическій совѣтъ придаетъ громадное общественное значеніе «воскресной школѣ» (помимо обученія дѣтей).

Въ разныхъ мѣстахъ города существуютъ *еще нѣсколько*

частныхъ школъ грамоты и 5 еврейскихъ хедеръ, т. е. училищъ.

Княгиня М. К. Тенишева по образцу заграничныхъ частныхъ студій открыла въ Смоленскѣ 1-го декабря 1896 года *Рисовальную школу* для занятія исключительно живописью (рисованіемъ карандашемъ и масляными красками) Цѣль школы чисто художественная; но желающіе могутъ здѣсь подготовиться къ поступленію въ Московскую школу живописи и въ Академію Художествъ. Рисовальная школа открыта ежедневно отъ 12 до 3 часовъ, бываютъ и вечерніе классы. Занимаются ежедневно до 22 человѣкъ, но полный комплектъ учащихся организованъ на 30 лицъ. Занятіями руководитъ весьма опытный художникъ, окончившій курсъ Академіи Художествъ Александръ Аввакумовичъ Куринный. Плата взимается только 2 рубля въ мѣсяцъ, а по воскресеньямъ и 1 разъ вечеромъ занятія бываютъ безплатныя Благодаря княгинѣ М. К. Тенишевой, содержащей это благодѣтельное учрежденіе и не скупящейся на средства, школа (находящаяся на Молоховской площади) обставлена и теперь много лучше такихъ же школъ существующихъ давно въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Устава школы еще нѣтъ, но онъ вырабатывается практикой, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Благотворительныя учрежденія и общества.

Въ видахъ содѣйствія дѣлу просвѣщенія, въ Смоленскѣ существуетъ «*Общество помощи учащемуся юношеству*», которое въ 1896 году состояло изъ 12 почетныхъ и 110 дѣйствительныхъ членовъ. Оно за беднѣйшихъ учениковъ вноситъ плату за обученіе, вспомоществуетъ экипировкѣ ихъ и устраиваетъ въ зимнюю пору для дѣтей чтенія съ туманными картинами. За этотъ годъ обществомъ произведено расходовъ на 2043 рубля 85 коп.

Есть и у духовенства «*Общество помощи учащимся въ женскомъ Епархіальномъ училищѣ*», основанное въ 1896 г., благодаря гуманнымъ заботамъ смоленскаго Архипастыря Никанора. Существуетъ еще «*Братство преподобнаго Авраамія Смоленскаго*», имѣющее цѣлію распространеніе духовно-нравственнаго просвѣщенія; оно заботится и о «школахъ грамоты», и о церковно-приходскихъ школахъ.

«Общество исправительныхъ пріютовъ и колоній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ» состоитъ изъ 244 членовъ, имѣетъ въ 8 верстахъ отъ Смоленска въ направленіи дороги къ Касплѣ недвижимое имѣніе съ церковью и колоніею, еще лѣсную дачу.

«Благотворительное Общество» существуетъ съ 1872 г., содержитъ безплатную *Лѣчебницу для приходящихъ* бѣдныхъ больныхъ и *Домъ Трудолюбія* для нищенствующихъ. Въ лѣчебницѣ подается совѣтъ дежурными врачами и отпускаются лѣкарства, заготовляемыя на средства Общества. Въ 1896 г. обратилось за врачебною помощью въ лѣчебницу 7159 человѣкъ, содержаніе ея стоило 1476 рублей 61 коп. *«Домъ Трудолюбія»* въ Солдатской слободѣ на Энгельгардовской улицѣ устроенъ въ 1888 г. съ цѣлію сокращенія нищенства и доставленія средствъ къ существованію истинно бѣднымъ посредствомъ личнаго труда. Въ 1897 г. постоянно живущихъ было 33 человѣка; въ 1896 г. произведено работъ на 1265 руб. 12 коп.; выручено отъ продажи и заказовъ 1429 р. 2 к. Кромѣ содержанія этихъ учрежденій, Общество выдавало единовременныя и ежемѣсячныя денежныя пособія многимъ бѣднымъ, а также вспомоществованія на погребеніе умершихъ бѣднѣйшихъ жителей г. Смоленска. Общество состоитъ изъ 8 почетныхъ членовъ, 17 членовъ совѣта, 68 дѣйствительныхъ членовъ и 17 членовъ—соревнователей. Капиталъ Общества на 1 января 1896 года выразился въ суммѣ 11,147 руб. 20 коп. Изъ нихъ въ теченіе означеннаго года израсходовано 5515 руб. 54 коп.

«Смоленское Окружное правленіе Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ» имѣетъ Спасательную станцію въ г. Смоленскѣ, на Днѣпрѣ, также — лодки и спасательные круги для утопающихъ; основано въ 1877 году, состоитъ изъ 18 членовъ дѣйствительныхъ и 3 соревнователей. Капиталъ Общества въ 1896 году выразился въ суммѣ 302 руб. 50 к.

«Миссіонерское и Палестинское» общества, имѣющія религіозныя цѣли, послѣднее основано въ 1884 г.

Въ 1895 г. 5 ноября заботами преосвященнаго Никанора учрежденъ *Церковно-Археологическій комитетъ*, поставившей себѣ задачею собираніе и изученіе церковной старины. При немъ организовано *Хранилище* церковно-археологическихъ предметовъ, которыхъ къ 1898 году собрано около 1620 вещей. Часть изъ нихъ принесены въ даръ Комитету частными лицами, часть же поступила изъ Епархіальной Братской библіотеки, куда предметы были

пожертвованы отъ церквей и монастырей еще при бывшемъ епископѣ смоленскомъ Несторѣ.

Смоленское Управленіе Общества Краснаго Креста, существуетъ съ 1867 года, имѣло въ 1897 году капиталъ 43337 руб. состояло изъ 1 почетнаго члена, 37 дѣйствительныхъ и 4 соревнователей. Въ вѣдѣніи Управленія этого Общества находится *«Община сестеръ милосердія»*, открытая въ 1894 году; она состоитъ изъ 12 сестеръ, бывающихъ постояно въ командировкахъ: въ Военномъ Госпиталѣ, въ Больницахъ и у частныхъ лицъ для ухода за больными. Въ 1897 г. уступлено городомъ мѣсто подъ устройство дома для этой Общины; въ домѣ предположено учредить амбулаторію и больницу съ нѣсколькими кроватями, преимущественно для бѣдныхъ жителей Смоленска.

Вольное Пожарное Общество существуетъ съ 1874 года и считается однимъ изъ старѣйшихъ пожарныхъ обществъ въ Россіи. Основано заботами бывшаго Смоленскаго полиціймейстера М. М. Ржевскаго. Общество имѣетъ цѣлію изыскивать средства къ пріобрѣтенію улучшенныхъ пожарныхъ инструментовъ и гасительныхъ снарядовъ; но главнымъ образомъ оно содѣйствуетъ Городской Пожарной командѣ при тушеніи пожаровъ, при выноскѣ и охраненіи имущества лицъ, подвергшихся разрушительному дѣйствію огня. Общество хорошо организовано, состоитъ подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Къ 1-му января 1897 г. денежныя средства Общества состояли изъ 34406 р. 32 к., въ томъ числѣ неприкосновенныхъ капиталовъ 26221 р. Въ 1896 г. пенсій и пособій членамъ Общества, а равно ихъ семействамъ и сиротамъ было выдано 779 р. 45 к. Неоднократно въ Обществѣ раздавались голоса, указывающіе на недостатокъ ассигнуемыхъ средствъ для выдачи пенсій и пособій; совѣтъ Общества заявилъ, что не располагаетъ большими средствами, такъ какъ пенсіи и пособія выдаются изъ %% неприкосновеннаго и запаснаго капиталовъ; но %% этихъ не хватаетъ. Позволимъ себѣ остановиться на крайне дорого стоящемъ оркестрѣ Общества (2000 р. ежегодно), для котораго дѣлаются займы даже изъ запасного капитала, (520 р. въ 1896 г.). Почему же нельзя увеличить капиталъ «пенсій и пособій», напримѣръ, процентами съ неприкосновеннаго Жердевскаго капитала (375 р.), которые прибавляются къ самому капиталу? Въ 1896 году Общество состояло изъ 8 почетныхъ членовъ, 38

вѣчныхъ, 255 дѣйствительныхъ и 160 членовъ жертвователей, 3 врачей и 27 музыкантовъ. Дѣйствительные члены раздѣляются на три отряда: лазильщики, отрядъ колонны и охранители. Для скорѣйшаго прибытія на мѣсто пожара, члены Общества располагаютъ извозчиками за счетъ города. Благодаря самоотверженной и умѣлой работѣ дружины, совмѣстно съ Городской Пожарной командой, пожары ограничиваются ничтожнымъ райономъ, и поджоги стали рѣдкимъ явленіемъ. Успѣшному тушенію пожаровъ въ сильной степени способствуетъ городской водопроводъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1897 года подарена городу княз. Вас. Ник. Тенишевымъ *паровая пожарная труба* въ 15 силъ, пріемный рукавъ которой можетъ быть продолженъ на 500 саженей. Этимъ еще болѣе обезпечится успѣхъ тушенія пожаровъ, по крайней мѣрѣ въ Приднѣпровскихъ частяхъ города. Большая половина членовъ Общества принадлежитъ къ бѣдному мастеровому классу города, другая часть—чиновники и торговцы. Правленіе мало способствуетъ облагораживанію нравовъ своихъ членовъ изъ простой среды.

Смоленское Пожарное Общество способствуетъ процвѣтанію въ Смоленскѣ «*Городского Общества Взаимнаго отъ огня страхованія имуществъ*», которое при своемъ возникновеніи въ 1882 году будучи обезпечено капиталомъ, гарантированнымъ Смоленскою Думою, въ 100 тысячъ рублей, теперь само имѣетъ капитала около 300 тысячъ, послѣдовательно облегчаетъ гражданамъ условія страхованія и оказываетъ капитальную поддержку Пожарному Обществу, отпуская ему ежегодно 3 тысячи. «На страхъ» взято имущества къ 1-му декабря 1897 года на 4,400,000 рублей.

«*Общество Сельскаго Хозяйства*» въ 1896 году состояло изъ 2 почетныхъ, 7 непремѣнныхъ и 122 дѣйствительныхъ членовъ. Дѣятельность Общества выражается въ устройствѣ выставокъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и въ разработкѣ всевозможныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ, имѣющихъ иногда, помимо мѣстнаго, и болѣе широкое общественное значеніе.

При Обществѣ существуетъ *Складъ земледѣльческихъ орудій* и машинъ. Заимствуемъ изъ отчета склада за 1896 г. нѣкоторыя цифры: торговый оборотъ (продажа) склада достигъ 48768 р. 02 к. Получено валовой прибыли 4846 р. 39 к., а за вычетомъ расходовъ по «Складу» чистой прибыли получено 2392 р. 56 к.; отчислено въ пользу завѣдующаго складомъ 50% т. е. 1196 р. 28 к.

Итого чистой прибыли по складу: 1196 р. 28 к.—Если принять во вниманіе, что складъ безвозмездно занимаетъ половину дома Губернскаго Земства, (чѣмъ стѣсняетъ таковое), то прибыль склада покажется совсѣмъ фиктивной. По инціативѣ завѣдующаго «Складомъ», въ Обществѣ возбужденъ вопросъ о *«союзѣ сельскихъ хозяевъ для совмѣстной покупки и продажи орудій и машинъ»*. Предполагалось устроить паи. Но, кажется, Общество недружелюбно отнеслось къ этому акціонерному предпріятію: дѣятельность склада и вопросъ о «союзѣ хозяевъ» не имѣетъ ничего общаго съ просвѣщенными взглядами Общества, гдѣ встрѣчаются такіе извѣстные авторитеты сельскаго хозяйства, какъ Н. А. Хомяковъ, В. П. Энгельгардтъ, княгиня М. К. Тенишева, кн. М. А. Урусова, А. П. Мертваго А. Н. Поповъ и друг.

Общество Охотниковъ конскаго бѣга поощряетъ заводы хорошихъ коней призами. У Общества есть и скаковой кругъ или «Бѣгъ» для состязаній, за Кіевской заставой, предъ Арестантскими Ротами.

Смоленское Отдѣленіе Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. Въ 1896 году состояло изъ 93 членовъ. Отдѣленіе устраивало выставки; въ послѣднее время занято разведеніемъ питомника плодовыхъ деревьевъ на уступленной городомъ землѣ въ количествѣ 2 десятинъ. Средства Отдѣленія составляются изъ членскихъ взносовъ и пособія отъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Къ 1 января 1896 года капиталъ Отдѣленія состоялъ изъ 1082 руб. 10 коп.

Учредившійся недавно *Комитетъ о народной трезвости* очень дѣятельно заботится объ устройствѣ *народныхъ чайныхъ*. Въ теченіе осени 1897 года въ Смоленскѣ устроены уже на площадяхъ три чайныя (1 копейка стаканъ хорошаго чаю и кусокъ сахару, а на 3 коп. дается порція чаю).

Общество Потребителей существуетъ 7 лѣтъ. Исторія его поучительна. Получивъ, сначала, громадный кредитъ, правленіе Общества поставило дѣло сразу очень широко. Но большой штатъ служащихъ, неправильная бухгалтерія, всевозможные коммисіонеры, несообразная выписка товара, и нерасчетливый отпускъ въ долгъ, — все это привело Общество къ гибели и краху, пока дѣло не перешло въ руки лицъ болѣе компетентныхъ во главѣ съ извѣстнымъ Смоленску общественнымъ дѣятелемъ Л. А. Черевинымъ. Съ этого времени Общество нача-

ло вести дѣло тише, но выгоднѣе и правильнѣе; «Отдѣленія» торговли закрыты, оставленъ одинъ только магазинъ на Благовѣщ. улицѣ. Громадную поддержку Обществу Потребителей, оказало открытіемъ кредита въ 20000 руб. изъ 6% родственное ему *Общество Взаимнаго Кредита*. Такая поддержка при умѣломъ веденіи дѣла, даетъ возможность платить старые долги и исправлять былыя ошибки. Благодаря этому, Общество Потребителей хотя и получаетъ фактически прибыль, но отчетъ заканчиваетъ съ дефицитомъ. На 1-ое января 1897 г. активъ Общества – 21689 р. 59 к., пассивъ 26072 р. 26 к., убытокъ 4383 р. 67 к.

Слѣдуетъ отмѣтить 4-й годъ существованія «*Смоленскаго Вспомогательнаго Общества купеческихъ приказчиковъ*» къ 1 января 1897 г. въ Обществѣ состояло 10 почетныхъ членовъ, 20 членовъ соревнователей и 96 дѣйствительныхъ. Въ три года Общество достаточно окрѣпло и заручилось уваженіемъ. Помимо устройства пенсіонной кассы, Общество располагаетъ безплатными врачами для своихъ членовъ, имѣетъ довольно порядочную библіотеку въ 4000 томовъ, ежегодно выписываетъ книги и журналы на сумму 250 — 300 руб. Въ 1896 г. требованій на книги было заявлено 3624. На 1-ое января 1897 г. Общество обладало капиталомъ въ 10215 р. 47 к. Помимо безплатнаго пользованія книгами и журналами, Общество устраиваетъ семейно-танцовальные вечера и вообще всѣми силами стремится къ объединенію членовъ. Резюмируемъ вкратцѣ доклады Общества, представленные на «Съѣздѣ представителей вспоможенія частному служебному труду», который былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году: для упорядоченія дѣлъ, близко касающихся всѣхъ однородныхъ Обществъ, предлагаются періодическіе съѣзды представителей и изданіе своего органа печати: «Взаимопомощь», главной задачей котораго — слѣдить за жизнію и развитіемъ «*Вспомогательныхъ Обществъ*». Такой органъ, знакомя съ текущими дѣлами и порядками Вспомогательныхъ обществъ, можетъ касаться всѣхъ, болѣе или менѣе, серьезныхъ вопросовъ коммерческой жизни. Смоленское Вспомогательное Общество приказчиковъ подняло вопросъ объ образованіи коммерческаго класса и предполагаетъ устройство «вечернихъ классовъ» для купеческихъ приказчиковъ и учениковъ, что, вѣроятно, не встрѣтитъ препятствій къ осуществленію.

Общество Смоленскихъ Врачей, состоитъ изъ 4 почетныхъ и 33 дѣйствительныхъ членовъ. Существуетъ 5 лѣтъ. *Безплатная*

амбулаторія (или Лечебница) до сихъ поръ составляетъ «единственное дѣтище практической дѣятельности Общества» [1]. Впрочемъ въ 1897 году введено еще безплатное оспопрививаніе, и Лечебница пріобрѣла оффиціальное положеніе: для нея утвержденъ спеціальный уставъ. Однако, не смотря на это оффиціальное положеніе Лечебницы, она до сихъ поръ не имѣетъ прочной почвы. Изъ отчета амбулаторіи за 96 - 97 году видно, что неустойчивость ея объясняется отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ и недостаточнымъ числомъ посѣщающихъ ее врачей. Собственно говоря амбулаторія держится двумя врачами Д. В. Станиславскимъ и Д. Н. Жбанковымъ. Общія числа посѣщеній были таковы: въ 1893-мъ году —14914, въ 94-мъ —14086, въ 95-мъ г.— 15102, въ 96-мъ—15135 и, наконецъ, въ 1897 году—16960 посѣщеній. Эти цыфры указываютъ, что довѣріе къ Лѣчебницѣ установилось прочно, и дѣятельность ея все болѣе и болѣе возрастаетъ, только были бы средства и врачи. По мѣстожительству, громадное большинство посѣщеній (63%) приходится на горожанъ Смоленска, преимущественно изъ бѣднаго класса; много бываетъ и крестьянъ, особенно Смолен. уѣзда; за тѣмъ—изъ Порѣчскаго, Краснинскаго, Духовщинскаго, и изъ Могилевской губерніи.—1895—96-й отчетный годъ, какъ и предыдущій, законченъ съ дефицитомъ 84 р. 92 к. Это доказываетъ, какъ трудно разсчитывать на пожертвованія.

Клубы.

Помимо указанныхъ обществъ, такъ или иначе содѣйствующихъ оживленію жизни города, отмѣнимъ дѣятельность клубовъ:

1) *Клубъ «Благороднаго Собранія»* помѣщается на Кирочной улицѣ въ громадномъ собственномъ домѣ, возведенномъ заботами Г-на Смоленскаго Губернатора В. О. Сосновскаго. Особенное оживленіе въ Клубѣ замѣтно съ 1896 г. Въ просторномъ зало еженедѣльно, по четвергамъ, устраиваются танцевальные вечера, спектакли и концерты. Библіотека клуба выписываетъ почти всѣ выдающіяся періодическія изданія. Члены Клуба и гости, въ большинствѣ—мѣстная аристократія. При Клубѣ существуютъ и меблированныя комнаты, лучшія въ городѣ по удобству для пріѣзжающихъ.

---

[1]) Выраженіе отчета за 1895—96 г.

2) *Военное Собраніе*, помѣщается въ д. П. А. Будникова на углу Дворянской и Кадетской ул. Устраиваются танцевальные вечера. Посѣтители преимущественно—военные.

Клубъ Общественнаго Собранія, помѣщается въ д. Купеческаго Общества, на Одигитріевской улицѣ. Въ немъ составляются также спектакли, концерты и весьма оживленныя танцевальные вечера. Имѣется довольно порядочная библіотека, выписываются журналы и газеты. Большинство посѣтителей и членовъ Клуба—купечество и чиновничество. Прежде «Общественное Собраніе» держалось особнякомъ отъ Купеческаго собранія. Сліяніе произошло года три тому назадъ.

Библіотеки и Музей.

Не смотря на существованіе библіотекъ при учебныхъ заведеніяхъ [1]) въ Смоленскѣ прекрасно работаютъ еще 3 публичныхъ библіотеки.

Смоленская Городская Публичная Библіотека съ безплатнымъ кабинетомъ для чтенія, помѣщается въ зданіи Городской Думы, у Блонья; съ каждымъ годомъ пополняется новыми книгами и періодическими изданіями. Главное число посѣщеній падаетъ на молодежь. Библіотека быстро развивается.

Заднѣпровская Общественная Библіотека помѣщается на Базарной площади въ д. П. Ѳ. Ланина, имѣетъ дешевую читальню и абониментъ; открыта въ 1896 году стараніями небольшого кружка лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, главнымъ образомъ,—для удовлетворенія запросовъ бѣднаго класса населенія. Число подписчиковъ за годъ было 722, количество посѣщающихъ читальню среднимъ числомъ бываетъ 42 человѣка въ день.

Библіотека С. А. Клестова имѣетъ около 10000 томовъ отдѣльныхъ изданій и приблизительно такое же количество томовъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ есть много весьма рѣдкихъ; въ 1896 г. вышелъ полный каталогъ библіотеки, особенное вниманіе обращено на пополненіе научныхъ отдѣловъ Получаются многіе выдаю-

---

[1]) Особенно достойны вниманія фундаментальныя библіотеки Классической Гимназіи и библіотека Смоленской Духовной Семинаріи; послѣдняя обладаетъ и рукописями, и старинными учебниками и литературой схоластическаго періода, напримѣръ: старинная интермедія, или драматическое дѣйство, игранное воспитанниками Семинаріи въ 1753 году

щіеся журналы, мало того; имѣется отдѣлъ французскихъ книгъ, преимущественно беллетристическихъ.

Книжныхъ магазиновъ въ Смоленскѣ 4; старѣйшій изъ нихъ С. А. Клестова (преемникъ В. Ѳ. Лаврова); есть еще магазины: А. А. Лапина, Рабиновича и Калинина. Какъ по количеству книгъ, такъ ровно по подбору и постановкѣ книжнаго дѣла магазинъ С. А. Клестова можно назвать образцовымъ.

Вообще книжно библіотечное дѣло въ Смоленскѣ стоитъ гораздо лучше многихъ большихъ провинціальныхъ городовъ Все это объясняется, прежде всего, степенью образованности города.

Городъ тратитъ въ настоящее время на народное образованіе ежегодно около 22 тысячъ рублей въ годъ (внося свою лепту, кромѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, даже на каждую изъ церковныхъ и приходскихъ школъ, подвѣдомственныхъ духовенству), чѣмъ въ процентномъ отношеніи къ своимъ доходамъ превосходитъ многіе губернскіе города.

Въ зданіи Городской Думы помѣщается *«Смоленскій Историко-Археологическій музей»*, основанный въ 1888 году. Въ настоящее время Музей представляетъ собраніе довольно значительнаго количества древностей, преимущественно—мѣстныхъ. Собираются и общеархеологическіе предметы, также историческіе источники и литература о Смоленскѣ и его области. Музей открытъ отъ 12 до 3 часовъ по средамъ и воскресеньямъ. Основатель Музея препод. Смоленской гимназіи, Сем. Петр. Писаревъ, который и завѣдуетъ Музеемъ.

Печатное дѣло.

Въ Смоленскѣ есть свои органы печати:

1) Смоленскій Вѣстникъ. Инипіатива изданія принадлежитъ Обществу Взаимнаго Кредита и бывшему предсѣдателю его Адольфу Ив. Герну. Сначала, въ 1877 году, завѣдовалъ и зданіемъ приглашенный редакторъ Ходкевичъ; тогда газета выходила 2 раза въ недѣлю. Затѣмъ, болѣе 10 лѣтъ редакторомъ и издателемъ былъ А. И. Елишевъ, тогда газета стала издаваться три раза въ недѣлю, въ ней помѣщалось много историческихъ статей и замѣтокъ. Въ 1890 году издателемъ состоялъ В. В. Гулевичъ. Въ 1894 году издателемъ былъ Левъ Александровичъ Черевинъ и редакторомъ Гулевичъ, остающійся и по нынѣ. Въ 1896 году издательство при-

нялъ В. В. Азанчевскій, а съ 1897 года Ю. П Азанчевская. Въ ежедневную газету «Смоленскій Вѣстникъ» перешелъ въ 1896 г. Въ большомъ форматѣ сталъ издаватся съ 1 февр. 1897 г.

Временемъ разцвѣта «Смоленскаго Вѣстника» было, когда онъ находился въ рукахъ А А. Черевина. Тогда онъ считался однимъ изъ самыхъ лучшихъ изъ провинціальныхъ изданій. Особенно богатъ былъ «областный отдѣлъ» газеты, служившій неоднократно пищею для публицистовъ столичной прессы. Въ то время въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» появлялось не мало фактовъ изъ жизни «культурныхъ одиночекъ» въ немъ же появилось разоблаченіе извѣстной Шавѣевской колоніи. Съ переходомъ газеты въ собственность В. В Азанчевскаго, въ редакціи произошелъ расколъ, составъ редакціи сталъ часто мѣняться. Въ настоящее время газета опять получила оживленіе и становится интересною.

2 *Епархіальныя Вѣдомости* органъ духовенства, выходящій 2 раза въ мѣсяцъ подъ редакціей И. П. Сперанскаго. Въ газетѣ появляются иногда крайне любопытныя историческія статьи. Наконецъ 3) «Губернскія Вѣдомости», обычныя въ каждомъ губернскомъ городѣ.

Для услугъ печатному дѣлу въ Смоленскѣ 5 типографій и одна хромо-литографія.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ *Губернская типографія*, технически прекрасно обставлена, съ многими усовершенствованіями, съ литографскимъ и гравюрнымъ отдѣломъ. Въ 1896 г. постановленъ для ускоренія работъ паровой двигатель. Изъ частныхъ типографій слѣдуетъ отмѣтить *типо-литографію Я. Н. Подземскаго*, тоже работающую паромъ; она можетъ быть названа однимъ изъ крупнѣйшихъ провинціальныхъ заведеній этого рода, такъ какъ въ ней служатъ 75 рабочихъ при восьми скоропечатныхъ разныхъ машинахъ. Основана типо-литографія въ 1879 г. А. И. Елишевымъ Въ собственность теперешняго ея владѣльца, Я. Н. Подземскаго, перешла въ 1895 году, и съ того времени, благодаря различнымъ усовершенствованіямъ, дѣло ея сильно развивается. Въ 1896 г. за свои работы типо-литографія награждена бронзовой медалью. При типо-литографіи имѣется *переплетное заведеніе*, снабженное новѣйшими машинами при десяти рабочихъ, которое, благодаря изяществу производимыхъ работъ, считается лучшимъ переплетнымъ заведеніемъ въ Смоленской губерніи.

Народное здравіе и общественное призрѣніе.

Въ городѣ существуютъ 5 аптекъ, и 6 аптекарскихъ магазиновъ. Въ 1896 г. было 34 врача оффиціальныхъ и 13 вольно-практикующихъ, 22 фельдшера, 5 фельдшерицъ, 7 дантистовъ. Кромѣ «Лечебницы Благотворительнаго Общества и Амбулаторіи Общества врачей» имѣются еще *двѣ частныхъ лѣчебницы* по женскимъ болѣзнямъ докторовъ В. А. Чудовскаго и И. С Тышко. Главнымъ же мѣстомъ для помѣщенія больныхъ является Губернская Земская Больница. Это—большая группа зданій на Покровской горѣ по правую сторону городской заставы, противъ Военнаго Лазарета, содержится на счетъ земства и города. Въ ней есть помѣщеніе и для душевно больныхъ, несоотвѣтствующее по своему устройству даже элементарнымъ требованіямъ науки, на что уже не разъ указывалось и врачами психіатрами и печатью. При больницѣ имѣются родовспомогательное отдѣленіе и отдѣленіе для подкидышей.

Для пріюта неизлечимыхъ больныхъ и престарѣлыхъ устроены въ Смоленскѣ 2 *богадѣльни*: *Мужская*, при Губернской Земской Больницѣ, гдѣ призрѣваются до 7 человѣкъ старцевъ, и *Женская богадѣльня*; послѣдняя помѣщается въ обширномъ и удобномъ зданіи, выстроенномъ на средства Пестрикова и Ланина, рядомъ съ Ремесленнымъ училищемъ у городской стѣны. Сосѣдняя башня въ 1881 году приспособлена въ домовой храмъ этой богадѣльни во имя святителя Тихона Задонскаго. Призрѣваемыхъ старухъ въ богадѣльнѣ около 40. Относительно благоустройства и порядка въ этомъ учрежденіи, надо отдать честь завѣдующему богадѣльней П. Ѳ. Ланину.

Для призрѣнія неимѣющихъ средствъ къ существованію, немощныхъ и престарѣлыхъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія, открыта Епархіальная богадѣльня, уставъ которой утвержденъ 18 іюля 97 г. Св. Синодомъ. Богадѣльня открыта въ ознаменованіе СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Богадѣльня имѣетъ неприкосновеннаго капитала 15000 руб.; помѣщается въ соб. домѣ, принадлежащемъ духовенству епархіи. Составъ призрѣваемыхъ пока незначителенъ.

Существуетъ въ Смоленскѣ и *Санитарная Комиссія*, которая распредѣляетъ городъ на участки и наблюдаетъ черезъ по-

средство попечителей какъ за санитарной частью города, такъ и за качествомъ пищевыхъ продуктовъ на базарахъ и въ лавкахъ.

Промыслы и торговля.

Торговля и промышленность, не смотря на быстрый ростъ Смоленска, развиты сравнительно слабо. Въ 1895 г. считалось 445 лавокъ и магазиновъ, большая часть изъ нихъ такъ называемыя: мелочныя лавки, со смѣшаннымъ характеромъ торговли. Фабричное производство почти отсутствуетъ, болѣе развита заводская промышленность. Въ 1894—95 г. всего въ городѣ насчитывалось 3 фабрики. Изъ нихъ 2 табачныхъ (махорочныхъ) и 1 бабино-цѣвочная съ 79 рабочими; 1 водочный заводъ, 3 воскосвѣчныхъ, 2 известковыхъ, 3 изразцовыхъ, 11 кирпичныхъ, 7 кожевенныхъ, 1 маслобойный, 1 паровая мельница, 1 мыловаренный заводъ, 2 пивоваренныхъ завода, 1 сально-свѣчный, 1 экипажное заведеніе [1]). Всего фабрикъ и заводовъ, исключая типографій,—40, съ 680-ю рабочихъ; мы упоминаемъ и о заводахъ, имѣющихъ не болѣе 3—5 человѣкъ рабочихъ, а такихъ много. Все производство едва достигало 1,010,000 рублей, причемъ на долю кирпичныхъ и кожевенныхъ заводовъ приходится около 300,000 рублей.

Преимущественно развита промышленность, не требующая большой затраты капитала и техническихъ приспособленій [2]). Изъ болѣе усовершенствованныхъ заводомъ можно указать на изразцовый П. А. Будникова и бабино-цѣвочную фабрику Гергарди, гдѣ замѣтно раздѣленіе труда, и примѣнены многія техническія приспособленія; оба фабриканта имѣютъ уже «внѣшніе рынки» и приближаются къ типу крупной машинной индустріи; освѣщаются даже электричествомъ.

Базары въ городѣ бываютъ 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ: на двухъ площадяхъ: на Нижней Торговой площади за Днѣпромъ и на Молоховской площади. Послѣдній базаръ, установленный всего 11-ть лѣтъ тому назадъ, слабо развивается; но

---

[1]) Свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ заимствованы изъ книги Д. Н. Жбанкова «Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смол. губ.» изд. Губ. Земства.

[2]) Въ половинѣ текущаго столѣтія городъ славился выдѣлкою такъ называемыхъ *Смоленскихъ конфектъ*, въ родѣ сухого варенья (залитые сахаромъ фрукты), но впослѣдствіи другіе города далеко улучшили это производство, и теперь въ Смоленскѣ оно падаетъ.

Нижній рынокъ всегда бываетъ люденъ. Въ зимнюю пору онъ изобилуетъ тушами свиней, а въ осеннюю гусями, которые сравнительно бываютъ очень дешевы. Прославленная смоленская крупа теперь выходитъ изъ употребленія.

Ярмарокъ бываетъ двѣ въ году: 1) *Никольская*, продолжающаяся съ 6 декабря по 7 января, на Нижне-Торговой площади, для чего тамъ устраиваются балаганы. Торгуютъ мелкими товарами: игрушками, посудой, кондитерскими, полотняными и ситцевыми товарами. Въ 1896 г. привезено было товаровъ на сумму не менѣе 60000 рублей. 2) *Вознесенская ярмарка*, на Молоховской площади начинается наканунѣ Вознесенія Господня. Надо при этомъ замѣтить, что къ этому празднику бываетъ большое стеченіе богомольцевъ преимущественно крестьянъ Витебской, Могилевской губерній и разныхъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Ярмарка продолжается около недѣли. Торгуютъ главнымъ образомъ экипажными издѣліями и лошадьми. Оборотъ ярмарки въ 1897 году, какъ обозначено статистикой, достигалъ не менѣе 28000 рублей.

Слабое развитіе промышленности и торговли объясняется слѣдующими причинами:

1) Близостью Смоленска къ такому торговому центру, какъ Москва.

и 2) Малочисленностью и непредпріимчивостью купечества и мѣщанства.

Попыткой оживить торговлю и промышленность губерніи явилась дѣятельность бывшаго управляющаго Смоленскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка Н. А. Муромцева. Но его благія намѣренія разбились о косность населенія и еще разъ подтвердили мысль о непредпріимчивости мѣстныхъ торговцевъ и промышленниковъ. Розданныя по крупному и мелкому кредиту суммы, большею частію, не достигли своего назначенія и желаемой цѣли.

Кромѣ Отдѣленій Государственнаго, Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ, въ Смоленскѣ существуетъ еще: **1, Городской, Пестрикова и Ланина Банкъ, 2, Общество Взаимнаго Кредита, и 3, Отдѣленіе Московскаго Международнаго Торговаго Банка.** Есть также **три банкирскихъ** конторы принадлежащія гг. Шварцу, Швейцеру и Зеликину. Эти конторы пользуясь большимъ креди-

томъ по учету векселей въ Отдѣленіи Государственнаго Банка, переучитываютъ въ немъ свои векселя и тѣмъ получаютъ «чистую пользу».

Въ общемъ Смоленскъ не торговый городъ, но скорѣе — бюрократическій.

Увеселенія.

Большимъ вниманіемъ горожанъ пользуются театръ и музыка. Смоленскъ посѣщаютъ многіе выдающіеся артисты и дѣлаютъ хорошіе сборы. Спектакли зимою происходятъ въ зданіи Городской Думы, лѣтомъ же въ театрахъ Лопатинскаго сада и «Эрмитажъ». Въ сильной степени чувствуется потребность въ хорошемъ зданіи зимняго театра.

Съ особеннымъ сожалѣніемъ указываемъ на прекратившуюся дѣятельность «*Смоленскаго Отдѣленія Императорскаго Музыкальнаго Общества*», основаннаго въ 1890 г. въ память смольнянина, великаго композитора М. И. Глинки. Впрочемъ мы освѣдомлены о предстоящемъ возобновленіи дѣятельности Отдѣленія Общества, чего нельзя не пожелать для родного города Глинки. Да Смоленскъ въ этомъ отношеніи не заурядный городъ: онъ любитъ музыку, какъ и драматическое искусство. Доказательствомъ чему служатъ не рѣдко устраивающіеся любительскіе концерты и спектакли, помимо театральной труппы.

Въ журналѣ «Артистъ» мѣстнымъ любителемъ сценическаго искусства г. Зыбинымъ подсчитано: сколько смольняне тратятъ на театръ, любительскіе концерты, спектакли и другія зрѣлища, — и оказалось, что Смолнское общество ежегодно расходуетъ на это около 32 тысячъ.

Мѣстами для развлеченій служатъ въ Смоленскѣ:

1) *Блонье*—городской садъ, прежде служившій Плацъ-парадомъ, по окрайнамъ обсаженъ былъ березками еще въ царствованіе императрицы Екатерины II; но въ 1830 году для развода и ученія войскъ отведено было другое мѣсто; а Блонье дозволено было обратить въ городской садъ. Тогдашній губернаторъ Хмѣльницкій позаботился о проведеніи по Блонью дорожекъ въ разныхъ направленіяхъ, о распланированіи луга и о пасадкѣ на немъ деревьевъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто сдѣлалось любимымъ мѣстомъ гулянья смольнянъ и въ лѣтнюю и въ зимнюю пору.

2) *Лопатинскій Садъ* у Королевской крѣпости. Послѣ 1812 г. мѣсто это пустовало, заросло деревьями и кустарниками, а въ самой Королевской крѣпости еще существовала «Тюрьма» для лицъ, которыя не могли слѣдовать въ Сибирь. Въ 1832 году 4 сентября ее посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ. Затѣмъ, здѣсь нѣкоторое время помѣщалась Канцелярія Воинскаго начальника; наконецъ—Губернская типографія (около 8 лѣтъ). Послѣ того мѣсто это совсѣмъ запустѣло, стало глухимъ и дикимъ мѣстомъ. Въ 70-хъ годахъ губернаторъ Лопатинъ обратилъ на это вниманіе и чрезъ арестантовъ сталъ расчищать это мѣсто, проводить дорожки, устраивать цвѣтники, бесѣдки и мостики черезъ прудъ; а городъ выстроилъ здѣсь театръ и ресторанъ. Образовался привлекательный, по разнообразію видовъ, садъ, названный по имени его основателя—Лопатинскимъ. Красотѣ и разнообразію сада много содѣйствуетъ прудъ, изгибающійся вокругъ земляныхъ укрѣпленій, и сами возвышающіяся укрѣпленія, или валы, на которыхъ проведены дорожки и искусно устроены бесѣдки. Изъ угловой бесѣдки можно свободно войти на Годуновскую стѣну до Гуркиной башни и видѣть ея устройство. Арендаторъ сада г. Матисъ не скупится на фейерверки, ракеты и бенгальскіе огни. Зимою на прудѣ Лопатинскаго сада устраивается катокъ съ ледяными горками, привлекающій массу молодежи.

Говоря **о благоустройствѣ** города, нельзя не отмѣтить дѣятельность бывшаго городского головы А. П. Энгельгардта, нынѣ Архангельскаго губернатора; его заботами устроенъ въ городѣ водопроводъ, стоившій около 100000 рублей, и образцовое зданіе городскихъ боенъ, при коихъ пріютился *Альбуминный заводъ*, выдѣлывающій краску изъ крови. Въ Смоленскѣ существуютъ 2 отличныя *Пасѣки*, ведущія дѣло пчеловодства по современнымъ научнымъ пріемамъ: одна подъ Склянной горой г-на Санхо Ляшевичъ (Давидова тоже), другая въ Нижнихъ Садкахъ—г. Четыркина (домъ священника Кресто-Воздвиженской церкви). Въ Смоленскомъ острогѣ, благодаря разумному распоряженію начальника тюрьмы Ник. Никит. Ерыхайлова, арестантами производились и теперь еще производятся разныя искусныя плетенія коробокъ, сумочекъ, лычной обуви, и другія мелкія издѣлія: токарныя, столярныя и жестяныя. Въ 1889 г.

на Сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставкѣ въ Смоленскѣ арестантскія издѣлія фигурировали въ 2 палаткахъ.

Городъ продолжаетъ прогрессировать. Въ 1897 г. закончена постройка новаго желѣзнаго моста черезъ Днѣпръ; мостъ выстроенъ на средства, отпущенныя Правительствомъ въ суммѣ 200 тысячъ, и еще городомъ затрачено на подготовительныя около моста работы до 10 тысячъ рублей. Мостъ освященъ и ѣзда открыта по нему 11-го октября указаннаго года. Съ 21 февраля утвержденъ уставъ *Городского Ломбарда*; операціи ломбарда открылись съ августа 1897 года. До 1-го января 1897 года, за 5 мѣсяцевъ, принято было 1168 вещей; оборотъ совершенъ болѣе, чѣмъ на 12 тысячъ, основный капиталъ равнялся 7700 рублей. Въ скоромъ времени предполагается ввести электрическое освѣщеніе и электрическую конку на средства предпринимателей, по контракту на срокъ. Единственно больное мѣсто городского хозяйства—мостовыя, поддержка коихъ и дальвѣйшее продолженіе при разбросанности города на большомъ и неровномъ пространствѣ, крайне обременительны для городскихъ рессурсовъ. Вслѣдствіе крупныхъ расходовъ на постройку водопровода, городскихъ боенъ, громадныхъ Свирскихъ казармъ для войскъ, состояло за городомъ долга на 1 января 1897 г. 326,834 р. и 88 к.

Въ общемъ смольняне много обязаны энергіи и неутомимой дѣятельности теперешней Городской Думы. Изъ отчетовъ Городской и Земской Управъ за 1896 г. видно, что городъ взималъ оцѣночного сбора съ недвижимыхъ имуществъ горожанъ 16,500, Земство же съ нихъ взяло 44,768 р. 9 к. Сбора съ документовъ на производство торговли и промысловъ въ городской доходъ поступило: 16,530 р. 25 к; въ пользу Земства 6736 р. 43 к. Городъ на народное образованіе въ 1896 г. тратилъ 21,602 руб., Земство: 3,023 р. 34 к. Вообще Земство отягчаетъ городъ непомѣрными налогами, мало за это давая взамѣнъ. Нужно отмѣтить, что со введеніемъ винной монополіи, городъ недосчитывается болѣе 20,000 руб. и этотъ недочетъ пока не падаетъ на жителей города. Управа возбудила ходатайство объ отнесеніи расходовъ по содержанію полиціи на счетъ Правительства, такъ какъ расходъ на содержаніе полиціи почти равняется 20 тысячамъ рублямъ.

Заканчивая современный очеркъ г. Смоленска мы приходимъ къ тому выводу, что прогрессивное движеніе въ Смоленскѣ—неоспоримо.

Для Туриста Смоленскъ привлекателенъ какъ своими древностями, такъ и, положительно, художественными видами.

Лучшіе виды открываются: 1) Съ Соборной площадки, 2) съ мѣстности, лежащей возлѣ башни-Веселухи, 3) съ Витебскаго шоссе, гдѣ расходятся линіи желѣзныхъ дорогъ, 4) съ Покровской горы 5) отъ церкви Гурія, Самона и Авива, 6) отъ алтаря Казанской церкви, но 7) самый лучшій видъ представляется съ вала Лопатинскаго сада: здѣсь Западная окраина города съ ея долинами и возвышающимися пригорками, пересѣкаемыми оврагами, вводятъ наблюдателя въ иллюзіи Швейцарской природы.

Метеорологія.

Смоленская метеорологическая станція II разряда, 1-го класса находилась на Б. Вознесенской улицѣ, въ домѣ № 12, (Черницова, нынѣ Карабановой), немного ниже Воскресенской церкви. Станція открыта Ив. Васил. Черенцовымъ въ концѣ 1887 года. По нивеллировкѣ получена высота барометра надъ уровнемъ моря въ 211, 3 метр. (99 саж.). Наблюденія велись три раза въ день: въ 7 часовъ утра, въ 1 часъ по полудни и въ 9 часовъ вечера надъ основными метеорологическими элементами: давленіемъ воздуха, температурой, абсолютною и относительною влажностью, направленіемъ и силою вѣтра, осадками и облачностію. Полныя наблюденія имѣются за 10 лѣтъ, съ 1-го января 1888 года по 1 января 1898-го г. Для веденія наблюденій станція снабжена необходимыми инструментами изъ Главной Физической Обсерваторіи. Наблюденія надъ давленіемъ воздуха производятся по барометру Фуса (№ 215). Клѣтка, съ полной серіей соотвѣтственныхъ инструментовъ, установлена на высотѣ 3 метр. (1,4 саж.) отъ поверхности земли, въ нормальной будкѣ, вблизи жилаго дома. Большой дождемѣръ помѣщенъ среди двора, на высотѣ 2-хъ метр. (2,8 арш.) надъ поверхностью земли; а малый флюгеръ, съ указателемъ силы вѣтра, установленъ на крышѣ амбара, первоначально на высотѣ 6,4 метр. (3 саж.), а съ 1895 г. на высотѣ 8,9 метр. (4 саж.) надъ поверхностію земли. Возвышающаяся съ юга мѣстность закрывала *отчасти* собой флюгеръ, при вполнѣ открытомъ положеніи его къ другимъ направленіямъ вѣтра Такъ какъ г. Черницовъ нынѣ принялъ монашество, не оставляя своихъ занятій по метеорологическимъ наблюденіямъ, то станція перенесена въ архіерейскій дворъ въ октябрѣ 1897 года.

Изъ десятилѣтнихъ наблюденій сдѣланъ Франц. Фридр. Шперкъ средній выводъ для разныхъ метеорологическихъ элементовъ. По показаніямъ барометра: среднее годовое давленіе атмосферы въ г. Смоленскѣ 742,3 мм. (миллиметровъ); наибольшее среднее мѣсячное давленіе воздуха бываетъ въ декабрѣ 745,5 мм., наименьшее же въ іюлѣ мѣсяцѣ 739,6 мм. Наибольшей высоты барометръ достигалъ до 768,2 мм. (въ январѣ 1893 г.), а наименьшая 708,3 мм. (въ январѣ 1892 г.). Средняя годовая температура для гор. Смоленска 4,7° Цельзія. Самый холодный мѣсяцъ январь имѣетъ среднюю температуру — 10,0° Ц., а самый теплый іюль 18,8° Ц. Наибольшіе январскіе морозы достигали до —33,5° Ц., въ 1893 г.; а наибольшая іюльская жара доходила до 31,6° Ц. въ 1895 г. Температура временъ года слѣдующая: зимы—8,6°; весны 5,2°, лѣта 17,4°, осени 4,8° Ц. Самый ранній морозъ наблюдался въ г. Смоленскѣ 8 сентября 1896 г., а наиболѣе поздній (—1,3°) мая 26-го въ 1894 г. Первый снѣгъ обыкновенно выпадаетъ въ октябрѣ, но были случаи что первый снѣгъ шелъ въ сентябрѣ (13 сент. 1889 г.); послѣдній снѣгъ бываетъ обыкновенно въ апрѣлѣ; но иногда онъ падаетъ и въ маѣ, и самый поздній наблюдался 15 числа мая 1896 г. Дождь въ теченіе года выпадаетъ до 104 раза, иногда даже въ зимніе мѣсяцы; снѣгъ же въ теченіе года падаетъ до 98 разъ, при чемъ сумма годовыхъ осадковъ довольно значительна: 636,1 мм. Наиболѣе осадковъ выпадаетъ лѣтомъ 225 мм., затѣмъ осенью 172 мм., весной 131 мм. и зимой до 128 мм. Грозовая дѣятельность начинается въ рѣдкіе годы въ апрѣлѣ (самая ранняя гроза 24 апрѣля 1889 г.) и оканчивается въ сентябрѣ; но въ 1890 г. послѣдняя гроза была 3-го октября. Наибольшее число грозъ бываетъ въ іюнѣ: до 10 грозъ (въ 1890 г.); среднимъ же числомъ въ лѣтнее время ежемѣсячно бываетъ отъ 4 до 5 грозъ. Облачность болѣе выражается въ холодное время года, и наибольшая бываетъ въ ноябрѣ 8,7, а наименьшая средняя величина ея въ маѣ 5,4. Средняя мѣсячная величина относительной влажности наибольшая въ декабрѣ 91%, а наименьшая въ маѣ 61%. Преобладающее направленіе вѣтра въ г. Смоленскѣ, какъ вообще во всей Россіи, за исключеніемъ ея южныхъ степей, юго-западное (176 наблюденій въ году), за нимъ слѣдуетъ западное (167); наименьшее же число вѣтровъ сѣверныхъ (47) и южныхъ (88).

Эти немногія данныя, приведенныя для характеристики климата гор. Смоленска, не могутъ претендовать на большую точ-

ность, такъ какъ десятилѣтній срокъ наблюденій далеко недостаточенъ для вывода нормальныхъ среднихъ величинъ; но они являются первыми и единственными пока свѣдѣніями по климатологіи Смоленска.

XI. УКАЗАТЕЛЬ.

а) Святыни и древности, б) историческіе памятники, в) достопримѣчательности г. Смоленска.

А) святыни и древности.

Древнѣйшую святыню Смоленска составляетъ **Чудотворный образъ Богоматери Одигитріи**, находящійся въ Соборѣ. Ежедневно къ нему притекаютъ усердные богомольцы изъ гражданъ; и пріѣзжіе православные считаютъ священною обязанностію придти поклониться этой чудотворной святынѣ, извѣстной во всей Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ.

Другая **Чудотворная икона Смоленской Богородицы** находится въ храмѣ надъ Днѣпровскими воротами, при въѣздѣ въ крѣпость города по старому мосту. Она писана въ 1602 году въ Москвѣ; прислана въ Смоленскъ царемъ Борисомъ Годуновымъ во время постройки Смоленской крѣпости; помѣщалась прежде въ особо выложенной нишѣ (углубленіи) городской стѣны. Прославилась очевидными для всѣхъ чудотвореніями. Въ 1812 году войска наши, оставляя Смоленскъ, взяли съ собою эту чудотворную икону, и Она неотлучно сопровождала ихъ во всѣхъ сраженіяхъ. Армія, взирая на величественный ликъ Богоматери, возносила къ Ней молитвы, укрѣплялась мужествомъ и надеждою на Вышнее заступничество. Смольняне особенно чтятъ эту икону; она украшена многими драгоцѣнностями. Составлены даже 2 стихотворенія въ честь этой иконы въ половинѣ текущаго столѣтія.

Изъ древнѣйшихъ зданій Смоленска самое первое мѣсто занимаетъ **церковь апостоловъ Петра и Павла**, находящаяся около вокзаловъ. Она построена въ 1146 году смол. великимъ княземъ Ростиславомъ I-мъ Мстиславичемъ въ мѣстности, называвшейся тогда «княжескій тетеревникъ», гдѣ жили *изгои*. Въ Литовскую эпоху церковь была обнесена стѣною, и мѣстность эта во время осады Смоленска поляками въ 1609 г. называлась «*Огородъ*». При-

Сигизмундѣ III ограда была разрушена, теперь же существующая выстроена вновь въ текущемъ столѣтіи. Древнѣйшую часть составляетъ только то, что издали въ общемъ видѣ зданія теперь кажется будто алтаремъ; но это собственно и есть древнѣйшій Петропавловскій храмъ, впрочемъ куполъ его передѣланъ и глава совершенно измѣнена: прежде (какъ видно изъ гравюры Смоленска 1634—37 гг.), глава его, по ширинѣ, была больше фонаря. Остальныя части зданія есть пристройки, во-первыхъ, бывшаго смоленскаго уніатскаго епископа Льва Кревзы, жившаго при этомъ храмѣ съ 1625—37 годъ и выстроившаго себѣ здѣсь каменныя палаты, изъ которыхъ, какъ утверждаютъ, былъ подземный ходъ по направленію къ Крѣпости города отъ югозападной пилястры; во вторыхъ — верхній этажъ, т. е. храмъ великомуч. Варвары, и колокольня сдѣланы отъ 1753—1757 г. смол. купцами Андр. Сысоевымъ и Кремницынымъ. Тогда же въ древнѣйшей части храма заложены кирпичемъ старыя узкія окна и прежнія двери. Впрочемъ, если внимательно присмотрѣться, то можно еще съ наружной стороны услѣдить форму древнихъ оконъ и внѣшнія украшенія. Въ старойчасти зданія уцѣлѣли древнѣйшія хоры (собственно — женское отдѣленіе) съ сохранившимся отъ 12 вѣка щеловиднымъ окномъ. При узкомъ ходѣ на хоры, прикрытомъ вмѣсто сводовъ для резонанса каменными гранитными плитами, по стѣнамъ можно наблюдать множество разныхъ знаковъ и буквъ, вытиснутыхъ на ребрахъ кирпичныхъ плитокъ, изъ которыхъ сложенъ Петропавловскій храмъ. Въ верхнемъ отдѣленіи, гдѣ помѣщается храмъ св. великомуч. Варвары, повѣшены на колоннахъ 4 (но особенно изъ нихъ двѣ) въ высшей степени художественныя живописныя иконы итальянскаго стиля, доставшіяся, вѣроятно, отъ Льва Кревзы.

Іоанно-Богословская церковь или по старинному названію «Богослова во вражкѣ», построена въ 1180 году княземъ Романомъ (Борисомъ) Ростиславичемъ, который ее украсилъ «всякимъ строеніемъ церковнымъ, и иконы златомъ и финифтомъ украшены» [1]. Она прежде была двухъэтажная; въ нижнемъ этажѣ, совершенно засыпанномъ и находящемся теперь подъ поломъ, замѣтить можно слѣды арокъ съ фресками, по крайней мѣрѣ въ алтарной части зданія. Въ верхней части храма существовали деревянныя хоры между западною стѣною и западными колоннами, въ которыхъ, по уничто-

[1] Ипатьев. лѣт.

женіи хоръ, нѣкоторое время видны были гнѣзда для вставки балокъ. При ней существовало еще каменное зданіе: ворота или, можетъ быть, звонница, (обозначается на древнихъ видахъ Смоленска). Слѣды этого зданія видны были на Богословской улицѣ (до проложенія здѣсь въ 1892 г. мостовой) нѣсколько восточнѣе церковнаго дома. Кромѣ того, существовало каменное зданіе противъ западнаго входа въ церковь, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь могилы г.г. Кошкиныхъ; быть можетъ, это училище Славяно-греко-латинское, основанное Романомъ Ростиславичемъ, на которое онъ тратилъ свои княжескія средства. Эта церковь была передѣлываема въ 1763 г маіоромъ Васильевымъ и мѣщ Верзинымъ, и въ 1786 году епископъ Парѳеніемъ, при чемъ 2 среднія восточныя колоны обновители храма сломали и выложили новыя; нижній этажъ съ его боковыми входами, выложенными аркою, [1]) засыпали щебнемъ и землею, взятою на южной сторонѣ, съ горы (оттого образовалась тамъ площадка); весь верхъ храма передѣлали. Въ цѣлости сохранился только остовъ храма, или 4 стѣны. Мало того, и въ текущемъ столѣтіи церковь нѣсколько разъ подвергалась перемѣнамъ и пристройкамъ, одинъ разъ надстроена была колокольня вмѣсто деревянной; въ другой разъ въ 1827 году разломанъ придѣлъ, который съ сѣверной стороны уже связанъ былъ съ зданіемъ храма, а вмѣсто него выстроенъ новый въ честь св. Андрея смоленскаго и переяславльскаго чудотворца при южной стѣнѣ храма; были и другія перемѣны. Однако на сѣверовосточномъ углу древней стѣны видно еще очертаніе древняго заложеннаго узкаго окна, а надъ нимъ рельефно обозначенный кирпичной кладкой древній крестъ формы, какая встрѣчается на полоцкихъ князя *Бориса* и князя *Василія* камняхъ, и на древнихъ надгробныхъ плитахъ, и на грамотѣ Мстислава Давидовича При старой западной стѣнѣ, подъ крышей новаго зданія можно наблюдать древнее украшеніе верхней части одной пилястры, или полуколонны, какія существовали у храма. На кирпичныхъ плиткахъ, изъ которыхъ выложены эти зданія, сообщающій эти строки, встрѣчалъ клеймо съ буквою Λ. Заслуживаетъ вниманія въ этой церкви иконостасъ, близко подходящій по иконописи къ древнѣйшему писанію, или стилю; пророки изображены съ хартіями въ рукахъ на которыхъ письмена старославянскія, и аттрибутами, усвоенными каждому изъ нихъ; у апостоловъ ноги раскрашены

---

[1]) Одинъ изъ этихъ входовъ (южный) однажды встрѣтился при копаніи могилы около храма

въ красный цвѣтъ; одежда многихъ святыхъ сдѣлана по позолотѣ. Въ часовнѣ есть старый образъ (16 или 17 вв). Знаменіе Богоматери, писанный по полотну, наклеенному на доску.

Свирскій Михаило-Архангельскій храмъ, бывшій придворный княжескій. Построенъ смолен. князем Давидомъ Ростиславичемъ отъ 1191—94 г.г. Первоначально славился своими украшеніями во всей Сѣверной странѣ, даже нѣмцы, бывшіе уже въ Смоленскѣ при Давидѣ Ростиславичѣ, приходили и дивились его красотѣ. Въ Литовскую эпоху онъ сдѣлался монастырскимъ храмомъ. Въ 1634 году онъ подвергся бомбандированію и былъ поврежденъ. Послѣ того, возобновленный еще въ Польскую эпоху для уніатскаго, а, можетъ-быть, католическаго богослуженія, отлично сохранился до настоящаго времени.

Храмъ весь изукрашенъ живописными фресками, нѣкоторыя изъ нихъ были возобновляемы и дополняемы. Сюжеты фресокъ взяты изъ Апокалипсиса, Ветхозавѣтныхъ событій и Новозавѣтныхъ лицъ; при нѣкоторыхъ изображеніяхъ видны надписи: то латинская, то греческая, то славянская, есть даже одна нѣмецкая надпись Большой иконостасъ этой церкви представляетъ разнообразный составъ иконъ нѣсколькихъ школъ иконописи и живописи со славянскими надписями на свиткахъ у святыхъ. На восьмигранныхъ иконахъ, находящихся въ верхнемъ ярусѣ, начертаны на свиткахъ *письмена* совершенно *своеобразныя* (это будто цифры, смѣшанныя съ латинскимъ и греческимъ алфавитами); всѣхъ такихъ надписей 16 [1]). По мимо того, на нѣкоторыхъ изъ этихъ восьмигранныхъ иконъ существовали другія надписи - славянскія, но онѣ закрашены, однако проглядываютъ изъ-подъ слоя поздней краски.

Особенно замѣчательна въ означенномъ храмѣ большая **икона Богородицы**. Эта икона очень древняя и, видимо, пережила всю исторію храма, потому что, будучи написана величественнымъ греческимъ штилемъ и привезена сюда еще при Смоленскихъ князьяхъ изъ Греціи, какъ объ этомъ есть указаніе у Карамзина [2]), Она на поляхъ въ изображеніи святыхъ (лики ко-

---

[1]) Обо всемъ этомъ изложено подробно съ копіею письменъ въ книгѣ «Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ» (*Свирскій*).

[2]) Истор. Госуд. Росс. V т. примѣч. 175-е. Въ Троицкой лѣтописи подъ 1398 г. говорится, что иконы нѣкоторыя въ Смоленскъ «бяху были давно принесены отъ Цареграда».

торыхъ въ разныя времена были поновляемы) носитъ на себя остатки и польской живописи, и московской иконописи, и слѣды позднѣйшаго поправленія ликовъ, послѣ 1812 года. Но особаго вниманія достойна **древнѣйшая надпись**, находящаяся на лѣвомъ рукавѣ этой иконы Богородицы; надпись совсѣмъ иная, чѣмъ указанная выше: тѣ представляютъ скоропись какой-то необычайной грамоты, а это старинное уставное письмо, которое ученые еще неуспѣли разслѣдовать, но которое не единичио встрѣчается только на этой иконѣ. Авторъ знаетъ о существованіи такихъ же иконъ Богородицы съ надписями, представляющими тѣ же самыя литеры: 1) въ Дорогобужѣ—Смоленскомъ, въ Свято-Духовной, или Димитріевской, церкви (икона принесена изъ Архангельска); 2) въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ—копія съ привезенной Іоанномъ IV изъ Новгородскаго Софійскаго собора въ 1571 г.; а оригиналъ въ 1812 г. какъ то затерялся; 3) въ г. Юхновѣ (Смоленск. губерній) въ Казанскомъ мужскомъ монастырѣ, въ верхнемъ храмѣ, есть такая же икона Богородицы; прежде она, какъ видно изъ надписи на ризѣ ея: «Обряташеся въ Москвѣ, въ Соборной церкви; на ней же писано греческимъ языкомъ, преведесь же на словенскій россійскій языкъ сице: Сей Пресвятыя Богоматери образъ писанъ св. апостолами по Господни Вознесеніи въ 15 лѣто въ Геѳсиманіи» и т. д. Означенныя данныя даютъ разгадку, или ключъ къ чтенію этихъ древнихъ письменъ и указываютъ, что Юхновскій образъ и есть до сихъ поръ пребывающій въ неизвѣстности оригиналъ Московской иконы. Такая же *Геѳсиманская* икона Богородицы есть въ г. Гжатскѣ въ Соборной церкви, также въ селѣ Сеславлѣ Рославльск. уѣзда Смол. губ. (но безъ надписей) и друг.

Эти образа очень большихъ размѣровъ: до 1 сажени въ высоту и болѣе 2 аршинъ въ ширину; по бокамъ, или на поляхъ, изображено 12 апостоловъ по 6 на каждой сторонѣ, одинъ подъ другимъ; а внизу 4 мученика, каждый въ особой рамкѣ: Георгій Побѣдоносецъ, Димитрій Солунскій, Прокопій Кесарійскій и Меркурій Александрійскій—всѣ мученики, прославленные въ 4 вѣкѣ, что указываетъ на время появленія прототопа этихъ иконъ. Въ Смоленскѣ, въ описываемой нами Михаило-архангельской церкви, Меркурій Александрійскій передѣланъ-послѣ на Меркурія Смоленскаго; а рамки св.: Димитрія и Прокопія закрашены и заняты позднѣйшей надписью, относящейся къ исторіи иконы въ 1812 году. Эти иконы называютъ иногда *Іерусалимскими*; и Смоленская Михаило-

архангельская икона съ легкой руки г. Трофимовскаго, въ 1864 г. издавшаго «Историко статистическое описаніе Смоленской епархіи», названа тоже Іерусалимскою; но прежде она называлась *Свирскою* чудотворною иконою. Дѣло въ томъ, что существуетъ особый типъ Іерусалимскихъ иконъ, безъ указанныхъ надписей, безъ изображенія апостоловъ и святыхъ, съ болѣе крупными чертами лица Предвѣчнаго Младенца и съ болѣе округленнымъ изображеніемъ лика самой Богоматери. Такая икона есть въ Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ, присланная въ Смоленскъ, говорятъ, изъ Ярославля въ сопровожденіи Чудотворной иконы Одигитріи; она хотя и древняя, но по качеству иконописи—менѣе художественна. Существенное отличіе этихъ Іерусалимскихъ иконъ отъ Геѳсиманскимъ (къ последнимъ должна быть причислена и Свирская) слѣдующее: Богоматерь держитъ Предвѣчнаго Младенца на лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ на Геѳсиманскихъ иконахъ Она изображается держащею Младенца на правой рукѣ,—въ этой позѣ рѣже принято изображать Матерь Божію.

Необходимо добавить о текстѣ Свирской иконы: онъ представляетъ содержаніе иное, чѣмъ на иконахъ Дорогобужской и Московской, хотя гратота—та же. Этотъ текстъ Свирской иконы былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи древностей» за 1846 г. № 2, куда онъ былъ доставленъ не въ точномъ видѣ, а съ прибавкой нѣкоторыхъ буквъ по винѣ маляра—мальчика Шматикова, которому, безъ наблюденія старшихъ и понимающихъ серіозность дѣла, поручено было скопировать надпись. Настоящая надпись на ней въ двѣ строки, при чемъ въ первой строкѣ болѣе 16 буквъ, во второй – 3; буквы были выведены золотомъ. Но въ 1812 году непріятелями икона была расколота пополамъ, щель совпала какъ разъ съ окончаніемъ надписи 1-й строки; послѣднія три буквы были повреждены и возстановлены уже 25 марта 1813 г. желтою краскою; слѣдовательно - задостовѣрность ихъ нельзя поручиться. Надпись эту нѣкоторые пытались разобрать. Нѣкто г. Борисовъ прочиталъ ее такъ: «Лѣта 1580 іюня Смольеліѧне»; однако слѣдуетъ сказать на это, что икона старше нѣсколькими столѣтіями означеннаго года; на ней смѣнилось даже много ризъ, послѣдняя риза сдѣлана послѣ французскаго погрома. Въ «Историко-статистическомъ описаніи Смол. епархіи» надпись прочтена такъ: «Іерусалимской пречистей образъ». Но легенда о прототипѣ этихъ иконъ, упомянувши о появленіи его въ Геѳсиманіи, говоритъ далѣе, что образъ

этотъ съ 453 года «обрѣташеся» въ Константинополѣ во храмѣ Богородицы, нарицаемый Пигій (источникъ), до царя Ираклія, когда греки съ помощію этого образа побѣдили многихъ скиѳовъ; оттуда онъ перенесенъ былъ во Влахернскій храмъ, находившійся тоже въ Царьградѣ, гдѣ чрезъ него совершилось много чудесъ. Въ 588 г. икона эта «ради нашествія россовъ» перенесена была въ Корсунь. Затѣмъ, когда русскій князь Владиміръ I Святой взялъ Херсонесъ и крестился, то онъ вывезъ оттуда эту икону и даровалъ ее Новгороду, гдѣ она, какъ сказано, и находилась до 1571 года. Это былъ уже не оригиналъ (потому что икона нарисована съ прибавленіями 4-го вѣка), а только копія съ того изображенія, которое было писано въ 15-е лѣто по Вознесеніи Господнемъ, ибо на первообразѣ не могло быть святыхъ 4-го вѣка.—Изъ всей этой исторіи Геѳсиманскихъ иконъ видно, что *Іерусалимъ* здѣсь не вводится въ повѣствованіе; слѣдовательно въ надписи Свирской иконы Богородицы нельзя видѣть начертанія этого слова, и надо читать ее иначе.

Есть еще въ этомъ храмѣ живописное *изображеніе Богоматери* на полотнѣ, натянутомъ на рамку. Это—художественная живопись, въ **подражаніе Рафаелю**; образъ украшенъ старинною фольговою ризою и тремя нитками разныхъ мелкихъ стеклянныхъ бусъ; принесенъ сюда въ даръ г-жею Шулешкиною, переселившеюся въ Смоленскъ изъ западныхъ губерній [1]).

Тщательно сохраняется въ храмѣ **гробница** основателя этого храма кн. Давида Ростиславовича, въ которой онъ былъ погребенъ. Она сдѣлана изъ цѣлаго бѣлаго мрамора, длина ея 2 аршина 15 вершковъ, ширина 1 аршинъ; найдена въ развалинахъ Борисоглѣбовскаго монастыря, въ сѣверо-западной стѣнѣ храма, гдѣ былъ положенъ князь. Стѣна въ этомъ пунктѣ была облицована изразцами темнозеленаго цвѣта.

Находятся въ храмѣ еще три образа заслуживающихъ вниманія: 1) икона Богородицы со спящимъ у Нея на рукахъ Младенцемъ, изображена рельефно (рѣдкій сюжетъ); 2) образъ свят. князя Ѳеодора Ростиславовича — Смоленскаго и Ярославльскаго. Этотъ святой проведшій свое дѣтство въ Смоленскѣ, безъ сомнѣнія, получалъ зачатки истиннаго богопочтенія при описываемомъ княжескомъ храмѣ; будучи прихожаниномъ этой

---

[1]) Одинъ туристъ (Толстой-Макаровъ), посѣтившій этотъ храмъ, передавалъ, что въ городѣ Солермо есть такой же образъ, представляющій однако копію; о мѣстѣ нахожденія оригинала тамъ не знаютъ.

церкви, ходилъ молиться въ неё; былъ потомъ княземъ Смоленскимъ; но умеръ въ Ярославлѣ. Мощи святого вмѣстѣ съ его двумя сыновьями, Давидомъ и Константиномъ, открыты были въ 1463 году. Тотчасъ, по открытіи мощей, снятъ былъ образъ съ нихъ въ тѣхъ одеждахъ, какъ они были найдены въ Ярославльскомъ Спасскомъ монастырѣ. Въ Свирскомъ храмѣ находится точная копія съ древнѣйшаго образа этихъ святыхъ, интересная въ отношеніи древняго русскаго искусства иконописанія и изображенія прежнихъ княжескихъ одеждъ; 3) образъ Николая Чудотворца изъ Школы Кантонистовъ, существовавшей вблизи этого храма, и по закрытіи ея въ 1849 году принесенъ въ эту церковь. На ризѣ есть надпись и медальонъ съ мощами. Сохранились въ церкви евангелія 1628 и 1701 г. На внѣшней сторонѣ храма удѣлѣло отъ 1812 г. пушечное ядро, которое французы, наступая на Смоленскъ по Краснинской дорогѣ, пустили въ первую попавшуюся имъ по пути Смоленскую церковь—Свирскую; оно засѣло въ южной стѣнѣ храма и до сихъ поръ остается въ томъ же мѣстѣ.

По оразцу Свирской церкви строился холодный **УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ**. Указъ о заложеніи этого собора, вмѣсто польскаго, послѣдовалъ 1676 года 30 ноября, но окончательно устроенъ былъ только въ 1772 году, потому что постройка его нѣсколько разъ пріостанавливалась и нѣсколько разъ его передѣлывали. Надъ огромнѣйшимъ рѣзнымъ иконостасомъ трудился въ теченіи 10 лѣтъ малороссъ Сила Михайловъ съ тремя помощниками; а иконы писалъ тоже малороссъ Трусицкій съ 12-ю помощниками, тоже въ продолженіи 10 лѣтъ. Въ прежнее время этотъ соборъ имѣлъ 7 главъ, (теперь 5 главъ, средняя значительно поднимается надъ другими). Прежде съ запада было три входа: главный и два боковыхъ; послѣдніе были потомъ заложены и изъ притворовъ боковыхъ образовались помѣщенія для ризницы и усыпальницы. Внутри сѣверной стѣны съ хоръ выложены ходы въ куполъ и главы; а въ отверстіе средней главы при ясной погодѣ видны окрестности Смоленска на 25 верстъ, ибо высота собора отъ основанія до креста 32 саж. 2 аршина.

Изъ святыхъ иконъ Богоматери, кромѣ Одигитріи и Іерусалимской (подновленной въ 1618 г.), заслуживаетъ вниманія своею древностію еще образъ *Владимирской Богородицы* у сѣверныхъ дверей. Это

большихъ размѣровъ икона, писанная, въ началѣ 17 вѣка, ибо пѣснопѣнія, написанныя на ней, уже исправленнаго текста; старинная риза ея сдѣлана изъ нѣсколькихъ скрѣпленныхъ (но не спаянныхъ) листовъ серебра, прислана изъ Москвы. Затѣмъ, древній и ветхій *образъ святого князя Θеодора Ростиславовича* Смоленскаго и Ярославльскаго (съ котораго въ 1889 году снята точнѣйшая копія для Свирской церкви). Прислана въ Соборъ, вѣроятно, при возстановленіи православія въ Смоленскѣ, послѣ поляковъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Соборъ имѣетъ и другія старинныя иконы, иныя изъ нихъ присланы были съ тою же цѣлію изъ Москвы во время Алексѣя Михайловича, иныя собраны изъ опустѣвшихъ Смоленскихъ храмовъ. Онѣ стояли въ деревянномъ храмѣ, устроенномъ на Соборной горѣ, надъ воротами, при въѣздѣ въ Архіерейскій дворъ. О существованіи этого храма «на Архіерейскихъ воротахъ» видно изъ рапорта Смол. воеводы Салтыкова царю Петру I Алексѣевичу въ 1697 г., по случаю бывшей т гда въ Смоленскѣ бури—«оркана» сорвавшей главы съ этого храма. Митрополитъ смоленскій Сильвестръ Крайскій, явившись на каѳедру, рѣшилъ: пока медленно возводимо было громадное каменное зданіе Успенскаго Собора, устроить временный деревянный Соборъ, на Архіерейскихъ воротахъ, и въ 1708 году, вмѣсто прежняго малаго храма, попорченнаго бурею, положилъ основаніе **Богоявленскому Собору**. Въ 1712 году этотъ храмъ былъ освященъ, имѣлъ крестообразный видъ. Съ тѣхъ поръ этотъ храмъ считался каѳедральнымъ, пока оконченъ былъ и освященъ Успенскій Соборъ. Но служить въ зимнюю пору въ новомъ громадномъ, холодномъ зданіи храма было не возможно (и теперь въ немъ зимою не служатъ); а Богоявленскій Соборъ, устроенный Митрополитомъ Сильвестромъ Крайскимъ, съ постепеннымъ увеличеніемъ православнаго населенія въ городѣ, годъ отъ года становился все болѣе и болѣе тѣсенъ. Епископъ Парѳеній, владѣя достаточными матеріальными средствами, предпринялъ сдѣлать, вмѣсто него, храмъ сравнительно большихъ размѣровъ, каменный и теплый. Въ 1781 г. онъ велѣлъ разобрать прежній деревянный Богоявленскій Соборъ до основанія и подарилъ его въ селеніе Сверчково (Свиряково) Смоленскаго уѣзда въ 35 верстахъ отъ города, по Рославльскому шоссе. А взамѣнъ разобраннаго устроилъ новый, уже 3-й храмъ, существующій на этомъ мѣстѣ. Для новаго Богоявленскаго Собора

сдѣланъ былъ и иконостасъ новый. А старый находится въ селѣ Сверчковѣ. Разсматривая этотъ иконостасъ, мы пришли къ убѣжденію, что иконы его трехъ разрядовъ писанія, къ тому же разновременны. Къ числу болѣе древнихъ надо отнести, прежде всего *большую* квадратную **икону Успенія Богоматери** на которой воспроизведенъ въ лицахъ весь разсказъ объ этомъ событіи, даже аріанинъ, потерпѣвшій кару за свое невѣріе. Предъ Умершей стоитъ Спаситель и держитъ въ рукахъ душу Богоматери. Въ средней части иконы, ближе книзу, вставлена пластинка надъ врѣзаннымъ въ доскѣ иконы помѣщеніемъ, а на пластинкѣ надпись, другой эпохи, сравнительно поздней 18 вѣка: «Били (были) ту мощи свят. мученикъ Артемія, Поліекта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова и Θедора». Сохраняются въ Сверчковѣ и другія иконы старой иконописи. Древняя икона Успенія Богоматери, была въ Соборѣ, вѣроятно, мѣстною храмовою иконою, пока не замѣнена другою.

Отмѣнимъ здѣсь замѣчательное совпаденіе. Въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, когда основывалась Великая церковь Успенія Богоматери (что сопровождалось чудесными событіями), то для нея прислана была изъ Цареградскаго Влахернскаго храма «*намѣстная*» икона Успенія Пресвятой Богородицы съ 7 мощами, которыя долженствовали быть положенными въ основаніе Кіевопечерской церкви. Мощи, по Патерику Печерскому и въ лѣтописи, перечисляются тѣ же и въ томъ же порядкѣ послѣдовательности, какъ обозначено Сверчковской иконѣ. При заложеніи Великой Кіевопечерской церкви въ 1073 году указанныя мощи, соотвѣтственно предназначенію, были заложены въ разныхъ мѣстахъ въ основаніи храма. А икона Успенія, уже безъ мощей, постановлена была намѣстною, храмовою иконою въ этой церкви. Какъ мѣстная храмовая икона въ Великой церкви, предполагается, что она была большая. Теперь такой иконы нѣтъ въ Кіевской лаврѣ. Неблагопріятныя историческія событія, пронесшіяся надъ Кіевопечерскимъ монастыремъ лишили его многихъ старинныхъ священныхъ предметовъ. Такъ въ 1169 году Суздальская рать, въ которой принимали участіе многіе князья, между ними и Смоленскіе. добывая великокняжескій престолъ Андрею Боголюбскому, взяла стольный Кіевъ приступомъ и грабила его два дня; союзныя войска разоряли монастыри, «*обнажали*» храмы, захватывая священныя предметы съ собою; зажгли даже Печерскій

монастырь, Отчасти то же повторено было въ 1205 году Рюрикомъ Ростиславичемъ, и 1235 г. Изяславомъ Мстиславичемъ Смоленскими князьями Наконецъ, въ 1240 г татарскій ханъ-Батый совершенно разрушилъ Кіевопечерскую обитель, превративъ ее въ развалины. Теперь какъ-бы взамѣнъ прежней большой мѣстной иконы Успенія Богоматери существуетъ тамъ малая чудотворная древняя икона, и не мѣстная, а находящаяся подъ царскими вратами, спускаемая книзу на шнуркахъ для поклоненія и лобызанія молящихся. Быть можетъ, этотъ малый образъ есть уцѣлѣвшая древнѣйшая копія съ большой мѣстной иконы; и какъ на оригиналѣ вырѣзано было углубленіе для помѣщенія вышеозначенныхъ мощей, тоже сдѣлано и на копіи. Сверчковская икона Успенія пресв. Богородицы имѣетъ у себя и помѣщеніе для мощей и сюжетъ съ тѣми же позами святыхъ, какъ на малой Лаврской иконѣ; различіе лишь въ томъ, что на малой иконѣ не могло помѣститься изображеніе Арія, находящееся ниже апостоловъ, обстоящихъ одръ Богоматери; да оно и излишне, какъ анахронизмъ. Слѣдовательно, Сверчковская икона относится къ тому же *типу* изображенія Успенія Богоматери, какъ и Кіевопечерская икона.

Второго разряда иконы, присланныя въ Сверчково изъ Смоленскаго собора,—уже поздняго писанія, начала 18 вѣка, съ надписями состоящими изъ силлабическихъ стиховъ. Въ «Описаніи Смол. епархіи» онѣ названы «стилистовыми». Отмѣтимъ здѣсь **икону смоленскихъ святыхъ: преподобнаго Аврамія и мученика Меркурія**. Она важна по слѣдующему обстоятельству: на ней (въ свободномъ пространствѣ, между святыми) изображенъ видъ Смоленска 1711 г. Что же касается точности изображенія этихъ святыхъ, чего слѣдовало ожидать отъ этой иконы, то оказалось, что она не выполняетъ древнихъ преданій. Да и вообще въ Смоленской губерніи нѣтъ нигдѣ точнаго изображенія этихъ святыхъ. Слѣдовало бы хотя въ самомъ городѣ, составляющемъ *центръ почитанія* ихъ, возстановить древнее изображеніе означенныхъ угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ, соотвѣтственно традиціямъ.

Для *преподобнаго Аврамія* существуютъ *данныя*: 1) Въ «*Житіи*» его, составленномъ очевидцемъ и ученикомъ святого, преподобнымъ Ефремомъ. «Тѣло св. Аврамія удручено бяше: и кости его и составы, яко мощи исчести; и свѣтлость лица его блѣда (блѣдность) имущи отъ великаго труда и воздержанія .. Образъ же и подобіе на Великаго Василія: черну браду

таку имѣя; и плѣшиву развѣ (не много) имѣя главу... Подвизася лѣтъ 50 отъ юности до конца живота». 2) Въ *Лицевыхъ* иконописныхъ *Подлинникахъ* сообщается слѣдующее: «подобіемъ Аврамій старъ, сѣдъ исчерна, главою плѣшивъ, брада аки Василія Великаго, покороче мало и не раздвоилась» (Смотр.: «Источники русской агіографіи»—Барсукова; и «Исторія Смоленской земли до XIV вѣка»—П. В. Голубовскаго).

Относительно святого *Меркурія Смоленскаго* сохранились такіе признаки: 1) Касательно природныхъ свойствъ его личности въ Лицевыхъ Подлинникахъ говорится, что св. Меркурій былъ *«образомъ великъ, брада не велика, разсохити мало»*. 2) Относительно одежды, слѣдуетъ помнить, что онъ былъ не простой воинъ, а привилегированный дружинникъ: *«князь взятый отъ нѣдръ Римскія власти»*; оттого въ 3) и вооруженіемъ его, по московскому лицевому подлиннику, назначается: *«на главѣ шапка»*, т. е шлемъ (думать надо злачёный, какъ водилось среди военачальниковъ смоленской дружины); но у шлема особое приспособленіе такъ называемый: *«заломъ* былъ *черн»*. Главныя же орудія, которыя необходимо должны быть при изображеніи св. Меркурія, это—*мечъ*, *копіе и щитъ*, съ коими онъ выходилъ на подвигъ и кои положены были надъ его гробницей, какъ значится въ «Повѣсти» о немъ. На сохранившемся рисункѣ стариннаго Смоленскаго собора, гдѣ находилась его гробница, св. Меркурій, дѣйствительно, и изображенъ съ копьемъ и краснымъ щитомъ въ рукахъ. Здѣсь слѣдуетъ добавить, что *красные или червленные щиты* были въ обычаѣ у русскихъ дружинниковъ стараго времени (см. «Слово о полку Игоревѣ») [1]).

Въ Успенскомъ соборѣ, въ сѣверной сторонѣ иконостаса, писаннаго съ 1730 года малороссами, на иконѣ преподобнаго Аврамія Смоленскаго есть тоже *изображеніе города* и монастыря.

---

1) Лицевой Подлинникъ прибавилъ еще къ изображенію св. Меркурія Смоленскаго слѣдующее: *«шуба—багоръ»* (т. е. багровая, красная) *узорчата, оборотъ бѣлъ; въ рукахъ сабля, горяздо велика, а онъ подперся ею, что посохомъ; а въ другой рукѣ — ножны»* (У Голубовскаго 251 стр.) На это нужно сказать, что московскіе иконографы 16 и 17 в.в., не понимали древняго лицевого изображенія св. Меркурія и толковали его по своему. Мы замѣтили, что они шлемъ назвали шапкою, мечъ—саблею,—а это не одно и то же. Видимо въ Москвѣ въ 16 и 17 вѣкахъ, послѣ введенія огнестрѣльныхъ инструментовъ, стали утрачиваться традиціи стараго вооруженія, особенно это замѣтно изъ послѣдующаго. Агіографы въ числѣ принадлежностей, съ которыми Меркурій выходилъ на подвигъ, его прославившій, ввели *шубу*, между тѣмъ какъ подвигъ былъ въ

Быть можетъ, это срисовано съ какого нибудь оригинала, теперь утраченнаго. Въ Соборѣ существуетъ еще *видъ Смоленска* на небольшой иконѣ Богородицы Одигитріи, которую предполагали смоляне поднести Кутузову въ 1813 году и на которой представленъ пожаръ Смоленска въ 1812 году 5 августа.

Въ ризницѣ Собора находится много старинныхъ предметовъ. Особаго вниманія заслуживаютъ 1) древняя **плащаница**, шитая золотомъ, серебромъ и шелками; на ней по сторонамъ и внизу надпись, сдѣланная вязью: «Во славу Святыя Живоначальныя Троицы и Пречистыя Матери честнаго и славнаго Ея Успенія, въ лѣто 7069 (1561 г.), при благочистивомъ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи и преосвященномъ Макаріи митрополитѣ, данъ бысть сей воздухъ въ церковь Божія и Пречистыя Богородицы Успенія благовѣрнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и благовѣрною его княгинею Евфросиніею» и т. д. Плащаница эта (мѣрою $2^1/_2 \times 4$ арш.), служа образцомъ женскаго художественнаго рукодѣлія въ княжескихъ теремахъ, по чистотѣ отдѣлки и необыкновенной трудности работы, по справедливости, считается драгоцѣнною рѣдкостію. Можно предполагать, что она изъ Московскаго Успенскаго собора прислана въ Смоленскъ при возстановленіи здѣсь православія въ время царя Алексѣя Михаиловича. 2) *Сосуды* времени царя Ивана Васильевича Грознаго присланы сюда Алексѣемъ Михаиловичемъ, это именно: большой серебряный вызолоченный потиръ съ приборомъ, серебряный ковшъ для теплоты, съ орломъ на рукояткѣ, и большое серебряное блюдо съ чеканенной надписью, содержащею титулъ государя Ивана IV. Много находится и другихъ священныхъ предметовъ, употребляющихся при богослуженіи, художественныхъ по выполненію и отдѣлкѣ, и цѣнныхъ по матеріалу.

жаркую пору года, на 16-е число августа мѣсяца. Касательно сабли (да еще какой!), которая гораздо больше ноженъ — своего помѣщенія, куда она должна бы вкладываться, слѣдуетъ замѣтить, что сабля имѣетъ изгибъ. Походитъ ли она на посохъ? Думать надо что это не сабля, потому что ее св. Меркурій не имѣлъ. А то, что названо ножнами, — это есть мечъ при бедрѣ, находящій въ ножнахъ, ибо нѣтъ причины для воина, если онъ находится въ спокойномъ положеніи, раздѣлять двѣ вещи, составляющія принадлежность одного вооруженія..... Не будемъ продолжать анализъ далѣе; скажемъ только, что «червленый» и «багровый» цвѣтъ — одно и тоже.— А еще не лишнею замѣткою будетъ то, что въ болѣе древнюю пору могли св. Меркурія изображать и иначе (Сравн.: свинцовыя печати на договорахъ смоленскихъ князей съ нѣмцами).

Въ библіотекѣ Собора заслуживаетъ вниманія 1) много старопечатныхъ книгъ; замѣчательныя изъ нихъ: а) Евхологіонъ или требникъ Петра Могилы, печатанный въ 1646 году въ Кіево-Печерской Лаврѣ; б) «Лѣствица», печатанная въ 1655 году; в) «Діоптра» сочиненіе Филиппа, философа XI-го вѣка, который писалъ это сочиненіе въ предѣлахъ *Смоленскихъ*, но не княжества Смоленскаго, а другихъ: бывшихъ *за Дунаемъ*. 2) Хранятся разныя рукописи и документы [1]).

Въ 1765 году выстроена была **Соборная колокольня**.—Это особое отъ соборовъ двухъэтажное зданіе съ колоннами: въ нижнемъ этажѣ 24 тосканскія капители, а въ верхнемъ 16 коринѳскаго стиля. Тогда же слиты были колокола: самый большой въ 1 тысячу пудовъ, другой въ 450 пудовъ, третій въ 65 п. Но на соборной колокольнѣ есть **старинный колоколъ**, уцѣлѣвшій отъ Польской эпохи, попавши сюда, вѣроятно, изъ разрушеннаго Смолен. Спасскаго монастыря близъ Свирской церкви; на немъ польскимъ алфавитомъ вылита надпись, въ переводѣ русскими буквами она слѣдующая: «Коштомъ и накладомъ словетнего пана Ивана Семеновича Водовозовича, мѣщанина Головчинскего; надалъ тотъ звонъ до церкви Преображенія Спаса на честь и хвалу Бога. Року 1634 +». Вѣситъ колоколъ 31 пудъ, 30 фунтовъ.

О Смоленскомъ соборѣ существуетъ особая брошюра: «Краткое Историч. описаніе Смоленскаго Успенскаго собора» изд 1894 г.

Въ бывшей крестовой **церкви Іоанна Предтечи**, находится не большихъ размѣровъ, но замѣчательный по иконописи образъ Нерукотвореннаго Спаса древне-византійскаго письма съ греческою надписью, попавшій сюда, вѣроятно, тоже изъ Спасскаго монастыря; его выносятъ въ недѣлю Православія въ Соборъ для поклоненія.

Смежно съ этимъ храмомъ въ бывшихъ митрополичьихъ покояхъ Сильвестра 3-го Черницкаго находится **Архіерейская ризница**; въ ней изъ служебныхъ одеждъ, обращаютъ на себя вниманіе: 1) два архіерейскихъ саккоса, сдѣланныхъ изъ пожалованныхъ царями

---

[1]) Находился еще какъ остатокъ схоластической школы: *Протоколъ диспута* на латинскомъ языкѣ, какіе велись тогда преподавателями Духовной семинаріи, по примѣру Кіевской академіи. Ученый диспутъ происходилъ 1759 года, 13 іюля въ присутствіи еп. Гедеона на тезисы изъ всей Богословіи, какъ видно изъ листа. Въ заставкѣ этого документа изображенъ *видъ Успенскаго собора* въ означенный годъ; а послѣ, съ 1761—72 годъ, соборъ капитально передѣлывали, напримѣръ: вмѣсто большого каменнаго средняго фонаря сдѣланъ былъ деревянный, и всѣ крыши главъ, вмѣсто черной жести, покрыли бѣлымъ луженымъ желѣзомъ.

митрополитамъ парадныхъ одеждъ; плотная золотая парча ихъ имѣетъ золотые и серебряные тканые цвѣты; 2) архіерейская митра, покрытая малиновымъ бархатомъ, осыпанная алмазами, яхонтами изумрудами и жемчугомъ, вѣситъ 5 фунтовъ и цѣнится въ 40 тысячъ рублей. Епископъ Пароеній привезъ ее изъ С.-Петербурга; по преданію, она принадлежала патріарху Никону. — Въ самомъ храмѣ замѣчательна еще изразцовая печь, кафли которой съ рисунками современны устройству самаго храма въ 1703 году.

Въ деревянныхъ такъ называемыхъ Пароеніевскихъ покояхъ, въ которыхъ потомъ любилъ жить и архіепископъ Тимоѳей помѣщается **Хранилище древнихъ церковныхъ предметовъ**, собранныхъ Церковно-Археологическимъ Комитетомъ. Тамъ есть уже много рукописей, старопечатныхъ книгъ, антиминсовъ, старыхъ священныхъ картинъ, иконъ, крестовъ, церковной утвари, напр: брачные вѣнцы, кадильницы; есть вериги. Сохраняется планъ Смоленска отъ 1780 года, составленный вѣроятно къ пріѣзду императрицы Екатерины 2-й въ Смоленскѣ, съ обозначеніями мѣстностей; есть видъ Смоленска 1813 г.; есть аллеграфическая картина распятія плоти со страстьми, соотвѣтственно обѣту монашеской жизни; при ней пояснительные тексты. Въ одной изъ комнатъ, на потолкѣ, изображенъ рельефомъ вензель строителя этого дома, епис. Пароенія, украшенный по сторонамъ цвѣтами, а вверху митрою, архипастырскимъ жезломъ и рипидою. Начальныя русскія буквы даютъ возможность предполагать въ вензелѣ слѣдующій текстъ: П(ароеній) С(анковскій) Б(ожіею) М(илостію) Е(пископъ) С(моленскій); вѣроятно, тотъ же смыслъ имѣютъ и латинскія буквы.

На окраинѣ города за Рачевской слободой, въ церкви Спасъ въ Окопахъ (получившей это названіе отъ Шеиновыхъ окоповъ, или лагеря) находится древнѣйшій чудотворный **образъ Умиленія Богоматери.** Онъ явился въ 1103 году въ Смоленскѣ. Называется этотъ образъ «Умиленіемъ» потому, что Богородица, приложивъ обѣ руки къ груди, взираетъ умильно на Предвѣчнаго Младенца, лежащаго особо со скипетромъ въ правой рукѣ. По преданію, она прежде была сравнительно большихъ размѣровъ, но когда то поля, или края, иконы были отдѣлены, и теперь осталась только одна икона Богородицы по поясъ. Къ величайшему сожалѣнію, неопытная рука иконописца при поправленіи образа испортила древнія черты иконы. На ней есть надпись: «писалъ Іеромонахъ

Исаія». Въ томъ же храмѣ есть образъ Спасителя **Убрусъ**, писанный на полотнѣ; Убрусъ сверху держитъ Ангелъ. Быть можетъ, это остатокъ воинскаго знамени прежняго времени.

Авраміевскій монастырь нѣкогда славный по всей Руси, куда стекались многочисленныя толпы богомольцевъ, въ настоящее время есть малая и скромная обитель на прежнемъ священномъ мѣстѣ, напоминающая о преподобномъ Авраміи, Смоленскомъ чудотворцѣ. Монастырь основанъ не самимъ Авраміемъ, а Смоленскимъ епископомъ Игнатіемъ. Игнатій скупилъ ровное мѣсто, занятое овощными огородами и находившееся тогда внѣ града,. т. е. за землянымъ валомъ; построилъ тутъ «церквицу во имя св. Игнатія Богоносца; потомъ, ту разрушивъ, на ино мѣсто прѣсели и основа большу и нарече во имя Богородицы, Положенія честныя ризы и пояса». Былъ тогда образованъ здѣсь монастырь, въ которомъ находилось нѣсколько братіи, питаемыхъ епископомъ. Такъ дѣло продолжалось до поступленія въ этотъ монастырь преподобнаго Аврамія.

Теперь сообщимъ историческія свѣдѣнія *о святомъ Авраміи Смоленскомъ*. Изъ многихъ мѣстъ «Житія его видно, что оно составлено въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ нашествіемъ монголовъ на Русь (1224—1237 г.). Тогда живы были многіе очевидцы преподобнаго Аврамія; слѣдовательно—прошло еще не много времени послѣ смерти святого подвижника. А жилъ преподобный всего 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣтство его падаетъ на знаменитое въ Смоленскѣ своимъ школьнымъ просвѣщеніемъ время, начавшееся съ княженія Романа Ростиславича и продолжавшееся при его преемникахъ.

Происходя отъ благочестивыхъ и благородныхъ родителей, всѣми уважаемыхъ, чествуемыхъ даже смоленскимъ княземъ, Аврамій, по примѣру другихъ дѣтей знатныхъ гражданъ, въ отроческихъ лѣтахъ отданъ былъ въ школу, гдѣ проявилъ себя особымъ прилежаніемъ и понятливостію; кромѣ того, не участвовалъ, какъ его сверстники, въ дѣтскихъ играхъ и забавахъ, а обнаруживалъ особенное влеченіе къ пѣнію и чтенію въ церкви, куда являлся раньше всѣхъ. Родители радовались этой особой религіозности мальчика, а другіе удивлялись. Когда Аврамій достигъ зрѣлаго возраста, родители желали, чтобы онъ вступилъ въ

бракъ; но Аврамій чувствовалъ, что жизнь его должна быть не среди шумнаго міра и суетъ, а въ духовномъ подвигѣ, и потому отказался отъ брака; а занялся чтеніемъ житій святыхъ и богодухновенныхъ книгъ. Вотъ умерли его родители, и онъ, чтобы отрѣшится отъ привязанностей къ мірской жизни, раздалъ вдовамъ, сиротамъ и черноризцамъ доставшееся ему наслѣдство; перемѣнилъ свои «свѣтлыя одежды» на простыя, и сталъ разыскивать монастырь, гдѣ ему пріютится для спасенія души. Мѣстомъ избранія оказался монастырь Богородицы, въ 6 верстахъ отъ Смоленска, въ направленіи къ востоку, *въ Селищѣ*, нынѣ называемомъ село Богородицкое. Здѣсь существовалъ деревянный монастырь въ томъ пунктѣ, гдѣ уцѣлѣли пруды и гдѣ теперь церковь. Тутъ преп. Аврамій и жилъ, а не въ пещерѣ, удаленной отъ монастыря, какъ толкуетъ народъ, утратившій всякія устныя традиціи объ этомъ, вслѣдствіе бывавшаго во время погромовъ поголовнаго истребленія селеній вокругъ Смоленска на пространствѣ 7 и 15 верстъ. [1]) Блаженный Аврамій въ этомъ монастырѣ и постригся въ монахи.—Сохраняя иноческіе обѣты смиренія и послушанія къ игумену и старцамъ, Аврамій велъ строго постническую жизнь и пребывалъ во бдѣніи и трудѣ, слѣдуя примѣру подвижниковъ древнихъ временъ. Но особенно онъ занялся книгами. Въ монастырѣ, видимо, существовала значительная библіотека. Это обстоятельство, въ связи съ отдаленностію монастыря отъ города, и послужило, вѣроятно, причиною поступленія Аврамія, по тогдашнему хорошо обученнаго и образованнаго, именно въ эту обитель. Блаженный, по выраженію Житія: «все отъ всѣхъ книгъ избиралъ и списывалъ иногда своею рукою, иногда чрезъ писцовъ».—Труды и подвиги ученаго инока обратили на себя вниманіе игумена обители, который «и самъ былъ хитръ божественнымъ книгамъ, такъ что никтоже смѣя предъ нимъ отъ книгъ глаголати». Испытавъ Аврамія, онъ нашелъ его достойнымъ священства и представилъ епископу для рукоположенія. Посвящалъ Аврамія епископъ Игнатій, который послѣ радовался, что Богъ даровалъ ему такого святого мужа; и Аврамій радовался, что *даръ благодати* священства онъ *получилъ отъ такого блаженнаго епископа* Игнатія. Въ Смоленской рукописи Житія указано и время посвященія Аврамія въ санъ іеромонаха; это было въ

---

[1]) Въ польскую эпоху на мѣстѣ Богородицкаго монастыря, явился костелъ.

княженіе великаго и христолюбиваго князя Мстислава смоленскаго, въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ прибавляется еще: *и всея Русскія земли*. Однако указаніе это, взятое даже съ добавленіемъ, слишкомъ неопредѣленно, ибо князей смоленскихъ съ именемъ Мстислава было 5 лицъ, нѣкоторые изъ нихъ поступали со смоленскаго престола на кіевское княженіе, т. е. получали и титулъ князя всея Русскія земли. Притомъ, такъ какъ князья Мстиславы смоленскіе жили въ разныя столѣтія (отъ 1079 до 1230 года); то пріурочивая посвященіе Аврамія ко времени того и другаго изъ указанныхъ князей, изслѣдователи прилагали повѣствованіе о святомъ къ разнымъ эпохамъ, довольно различающимся по хронологіи, также по своимъ характеристическимъ особенностямъ, и выводили неправильныя соображенія. Установилось было мнѣніе, что подъ именемъ Христолюбиваго князя Мстислава надо разумѣть Мстислава Владимировича, сына Мономаха, который княжилъ въ Смоленскѣ въ XI вѣкѣ. Но если мы примемъ во вниманіе, что преподобный Аврамій, какъ указано въ Житіи его, получилъ благодать священства отъ епископа Игнатія, правившаго смоленскою епархіею, начиная съ 1206 года, только въ княженіе Мстислава Стараго Романовича; то опредѣлится точно начало общественной дѣятельности святого Аврамія: именно концомъ перваго десятилѣтія XIII вѣка. Что касается до прибавки къ титулу смоленскаго князя Мстислава еще названія князя всея Русскія земли, то и это будетъ вѣрно, ибо Мстиславъ Романовичъ, правившій Смоленскомъ съ 1197 по 1214-й годъ, перешелъ, затѣмъ, на кіевскій столъ и умеръ въ 1224 году, въ 1-й битвѣ съ монголами, будучи великимъ княземъ кіевскимъ. Ефремъ, писавшій «Житіе» Аврамія послѣ этихъ событій, имѣлъ основаніе назвать Мстислава Романовича не только смоленскимъ княземъ, но и «всея Русскія земли».

Получивъ санъ священства и совершая службы, Аврамій сталъ говорить проповѣди. Будучи хорошо подготовленъ къ тому и имѣя религіозное вдохновеніе, онъ говорилъ очень убѣдительно и краснорѣчиво, чѣмъ привлекалъ къ себѣ народъ. Еще прежде нѣкоторые, видя его строгую подвижническую жизнь, обращались къ нему за духовнымъ совѣтомъ и разумными наставленіями. Теперь же, по полученіи имъ сана священства, во множествѣ стали приходить къ нему, даже горожане, на покаяніе, молитву и слушать его поученія. Это возбудило противъ него зависть со стороны братіи, даже

самъ игуменъ, не могши вынести предпочтенія, оказываемаго Аврамію, убѣждалъ его прекратить бесѣды съ народомъ и поученія, беря на себя въ томъ отвѣтъ предъ Богомъ. Озлобленія, поношенія и крамолы отъ игумена и отъ всей братіи вынудили преподобнаго, послѣ 5 лѣтъ пребыванія въ этомъ монастырѣ, переселиться въ другой малый и бѣдный монастырь, нынѣ не существующій, а тогда находившійся на противоположной Смоленску сторонѣ Днѣпра, на горѣ, въ Садкахъ, при выѣздѣ изъ города въ сѣверовосточные предѣлы Смоленскаго княжества. Скромная обитель эта называлась *монастыремъ Честнаго Креста*. Здѣсь еще болѣе увеличилась слава разумнаго проповѣдника и подвижника «Бѣ бо блаженный хитръ прочитати; и дана бысть ему благодать не только прочитать, но и протолковать: такъ что всѣ уразумѣвали отъ него сказанное». Чуть не весь городъ стекался сюда, ища назиданій и разъясненій истины вѣры; многія лица приносили пожертвованія. Монастырь, прежде нуждавшійся во многомъ, теперь пріукрасился иконами, завѣсами и свѣчами, и сталъ имѣть излишество, при чемъ лишнее препод Аврамій раздавалъ нищимъ и бѣднымъ. Онъ самъ написалъ для монастыря двѣ иконы: одну, изображавшую Страшный судъ, а другую Испытанія на мытарствахъ, — это указываетъ, что преподобный свѣдущъ былъ и въ живописи, навыкъ къ чему онъ могъ пріобрѣсти, переписывая книги и копируя рисунки ихъ.

Но преподобному Аврамію пришлось быть въ этомъ монастырѣ лишь «*малое время*»: зависть и озлобленіе со стороны духовенства, преслѣдовали его и здѣсь. Оно возвело на него разныя обвиненія, напримѣръ: одни находили въ бесѣдахъ Аврамія ересь, другіе обвиняли его въ чтеніи «*голубиныхъ книгъ*» (съ языческою мудростію), вслѣдствіе чего будто онъ и прослылъ въ народѣ «пророкомъ»; иные его къ «женамъ прикладающе», — вообще возложено было на него много разныхъ клеветъ. Обвинители требовали или «заточить Аврамія въ темницу, или *къ спьту* (позорному столбу) пригвоздить и зажечь, или потопить» [1]). Епископъ Игнатій, чтобы прекратить волненіе духовенства и гражданъ, послалъ слугъ своихъ привести Аврамія къ нему на судъ Посланные взяли преподобнаго вмѣстѣ съ двумя учениками и, какъ злодѣя, влачили его; иные ругались надъ нимъ и произносили безчинныя слова. Собрался народъ видѣть все это, такъ что и *по улицамъ*, идущимъ отъ монастыря Честного

---

[1]) Казнь обычная въ 13 вѣкѣ на Руси.

Креста, и на *торжищѣ* (по берегу Днѣпра), и въ *городѣ*,— вездѣ полно было народомъ [1]).

Конечно, не всѣ изъ духовенства были противъ преподобнаго Аврамія, а образованныя лица, напримѣръ: старѣйшій соборный протопопъ, именемъ Георгій, также блаженный іерей Лазарь, (іеромонахъ Борисоглѣбскаго монастыря, бывшій послѣ Игнатія епископомъ смоленскимъ), и преподобный Лука Прусинъ — стояли за него. Въ то время, когда вели преподобнаго на судъ къ епископу Игнатію, куда надлежало пріѣхать и князю съ волостелями (властителями въ городѣ),—въ это время въ княжескомъ храмѣ Архангела Михаила, въ 9-й часъ дня, во время службы, вѣроятно, въ присутствіи князя и его совѣтниковъ, стоявшихъ во храмѣ, Лука Прусинъ сталъ говорить рѣчь противъ возставшихъ беззаконно на преподобнаго Аврамія. Онъ утверждалъ, что обвинители не справедливо судятъ объ Авраміи и унижаютъ его. Безумно будетъ, если епископъ согласится съ ними. Постигнетъ насъ гнѣвъ Божій въ продолженіе 30 лѣтъ за смерть праведника. Пусть лучше его (Луку) осудятъ вмѣсто Аврамія!...

Фактъ существованія уже (во время суда надъ преподобнымъ Авраміемъ) церкви Архангела Михаила, построенной отъ 1191 по 94-й годъ, снова подтверждаетъ, что дѣятельность св. Аврамія надо относить не ко времени княженія Мстислава Владиміровича, сына Мономаха, какъ полагали прежніе историки (переставляя даже дѣятельность епископа Игнатія чуть не на столѣтіе раньше, между тѣмъ по всѣмъ другимъ даннымъ видно, что въ Смоленскѣ тогда еще не существовало самостоятельной епископской каѳедры); а слѣдуетъ относить къ которому либо изъ князей смоленскихъ Мстиславовъ, жившихъ уже въ 13-мъ вѣкѣ. Это былъ, какъ мы видѣли, Мстиславъ Романовичъ Старый.

Результатомъ рѣчи Луки Прусина было слѣдующее: «князю и волостелемъ умягчи Богъ сердце», и они, развѣдавши на судѣ все и увидѣвъ ложь и клевету, заявили въ присутствіи епископа

---

[1]) Составитель Житія св. Аврамія, Ефремъ, ведетъ порядокъ расположенія мѣстностей не отъ монастыря Честного Креста, какъ бы слѣдовало по ходу главнаго событія; а отъ монастыря Положенія Ризы Богоматери (впослѣдствіи Авраміевскаго). Это потому, что онъ (современникъ и очевидецъ событія), передаетъ подробности дѣла въ той послѣдовательности, какъ онъ самъ ихъ находилъ, выйдя изъ монастыря въ городъ и далѣе, чтобы смотрѣть на это зрѣлище. Или просто: въ моментъ писанія обозрѣвалъ мѣстности въ направленіи изъ своего монастыря, гдѣ писалъ Житіе.

обвинителямъ: «считайте насъ не причастными къ этой воздвигнутой вами на праведника крамолѣ, непричастными и въ беззаконномъ вашемъ обсужденіи, какъ бы умертвить Аврамія. На самомъ дѣлѣ онъ невиновенъ!». Затѣмъ, посовѣтовавъ епископу благословить Аврамія и отпустить, сами удалились съ вѣча (сонма) домой. Но духовенство настаивало на обвиненіи и заказало епископскимъ слугамъ крѣпко стеречь и наблюдать за Авраміемъ и двумя его учениками до утра. Право окончательнаго постановленія въ этомъ духовномъ дѣлѣ принадлежало епископу, который благоразумно медлилъ еще сказать свое рѣшеніе, давая время и возможность толпѣ обдуматься. Однако на слѣдующій день опять явились къ епископу обвинители преподобнаго, но уже только игумены и іереи; они съ озлобленіемъ и укоризною возводили на Аврамія прежнія вины. Владыка Игнатій для прекращенія волненій не могъ не удовлетворить хоть чѣмъ нибудь духовенству и рѣшилъ: воспретить преподобному священнодѣйствіе и удалить его изъ города обратно въ Селищенскій Богородицинъ монастырь.

Уже много претерпѣлъ преподобный, когда его съ позоромъ вели по городу на судъ; много пришлось перенести оскорбленій и во время суда. А теперь положеніе его еще болѣе ухудшилось. Къ нему, по мимо лицъ духовныхъ и живущихъ въ монастырѣ, не пускали никого изъ постороннихъ; мало того, «многіе *мечники*», разставлены были на всѣхъ путяхъ къ Богородицкому монастырю чтобы не пропускать къ Аврамію приходящихъ богомольцевъ, особенно изъ города; нѣкоторые пытавшіеся увидѣть его были даже разграблены: такъ что стало опасно горожанамъ и ходить къ нему. Но главное,—преподобный лишенъ былъ своего духовнаго утѣшенія, именно—священнодѣйствія. А духовенство съ своей стороны продолжало злорѣчить на праведнаго мужа ... И вотъ въ одно время явился къ епископу упомянутый нами іерей Лазарь. Онъ вдохновенною рѣчью сталъ предостерегать владыку Игнатія, что можетъ послѣдовать на городъ отъ Бога великое испытаніе, если онъ не сжалится надъ Авраміемъ. Такъ и случилось: наступила сильная жара, образовалась засуха въ Смоленскѣ. Епископъ Игнатій разослалъ скоро къ игуменамъ и попамъ запрещеніе, чтобы они прекратили злорѣчіе на преподобнаго Аврамія; но они и сами начали печалиться въ своемъ проступкѣ, ибо нѣкоторые изъ нихъ «напрасную смерть принимаху»; оттого стали приходить къ Аврамію и просить у него прощенія. По случаю же бездождія

епископъ предпринялъ всенародную молитву: онъ самъ со своимъ клиросомъ, съ игуменами, іереями, дьяконами, черноризцами и со всѣми гражданами отъ мала до велика, «ходяще окрестъ весь градъ съ честнымъ Крестомъ, и со иконою Господа, и съ Честными мощми святыхъ [1]), съ умиленіемъ и слезами просили Господа помиловать ихъ, людей своихъ: одождить лице земли... Но дождя не бысть.» Снова приходитъ къ христолюбивому епископу іерей Лазарь, говоря опять объ Авраміи: «какая вина лежитъ на преподобномъ, что ему запрещено священнодѣйствіе? Вотъ мы теперь всѣ молились, и не послуша насъ Богъ. Не оттого ли это происходитъ, что блаженный мужъ невинно лишенъ божественной литургіи?» Тогда владыка Игнатій вскорѣ призвалъ Аврамія и, окончательно убѣдившись изъ его словъ, что онъ оклеветанъ былъ изъ зависти и злобы, благословилъ его опять совершать литургію; притомъ испросилъ прощеніе, что онъ по невѣдѣнію возложилъ на него запрещеніе, и повелѣлъ ему помолиться о городѣ и о всѣхъ людяхъ, чтобы Богъ ниспославъ дождь. Аврамій отвѣтилъ: «Я грѣшный человѣкъ. Зачѣмъ ты возлагаешь на меня то, что выше силъ моихъ?.. Но пусть будетъ воля Божія о всѣхъ насъ!» и идя дорогою въ Селищенскій монастырь, возносилъ молитвы къ Богу. Дѣйствительно, еще не успѣлъ Аврамій дойти до своей кельи, какъ пошолъ дождь, оросилъ землю, и всѣ обрадовались. Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ ему священнодѣйствовать снято было и запрещеніе не допускать къ нему приходящихъ. Съ того времени начали посѣщать преподобнаго всѣ, живущіе во градѣ, и еще болѣе просвѣтился святой въ благодати Христовой.

---

[1]) Икона Богоматери Одигитріи не помянована, между тѣмъ крестохожденіе совершалось изъ Собора, съ соборными образами. Быть можетъ, икона Одигитріи тогда еще не была соборною, а семейною Княжескою иконою, и находилась въ древнѣйшемъ *«дѣдовскомъ»* храмѣ князей — Борисоглѣбскомъ. Подъ 1178 г. упоминается, что ослѣпленные князья Мстиславъ и Ярополкъ (родственники смоленск.), будучи привезены въ Смоленскъ, къ *образу Богородицы* на Смядыни: *«ту прозрѣша»* (Татищ. Ш, прим. 522, 1-я тверск. лѣт.). Послѣ, во время *«плѣненія»* Смоленскихъ князей Витовтомъ, онъ завладѣвъ ихъ фамильной собственностію, эту икону вмѣстѣ съ другими, окованными золотомъ и серебромъ, «еще же и часть Страстей Спасовыхъ», принесенныхъ изъ Царьграда, отдалъ въ 1398 году внуку своему *Гюрги* (Георгію Васильевичу), котораго очень любилъ и котораго привозила въ Смоленскъ къ Витовту мать Софья Витовтовна, княгиня Московская въ означенномъ году. (Троиц. лѣт.). Въ Москвѣ икона находилась въ Успенскомъ соборѣ. — По возвращеніи ея въ Смоленскъ въ 1456 г., поставлена уже была и здѣсь тоже въ Соборѣ; съ тѣхъ поръ только сдѣлалась она общимъ достояніемъ. Есть почтенная фамилія, ведущая свое родословіе отъ князей смоленскихъ, именно — отъ смол. князя Глѣба Ростиславича, въ коей традиціонно переходитъ икона Богоматери Одигитріи старшему въ родѣ, какъ патрональная.

Но ходить въ Селищенскій монастырь было далеко горожанамъ, нѣкоторые тужили объ этомъ. Желательно было видѣть усерднаго молитвенника живущимъ въ самомъ городѣ. Это и совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Построенный еписк. Игнатіемъ монастырь Положенія ризы Богородицы, гдѣ и самъ Игнатій думалъ сложить свою «земную ризу», т. е. умереть на покоѣ, оказывался несостоятельнымъ. Питаемые Игнатіемъ монахи не могли привлечь къ себѣ богомольцевъ уже потому, что монастырь устроенъ былъ за городомъ, въ сторонѣ отъ людного населенія, которое располагалось тогда, по преимуществу, по берегу Днѣпра. Нѣкоторые унижали епископа, что онъ построилъ монастырь на такомъ невыгодномъ мѣстѣ, и никто не хотѣлъ итти въ игумены этого безлюднаго монастыря, хотя епископъ предлагалъ игуменство многимъ. Наконецъ Игнатій, по совѣту перваго отъ старѣйшихъ священниковъ Георгія, предложилъ настоятельство препод. Аврамію. Онъ радостно принялъ это, какъ высокій даръ отъ епископа. Съ тѣхъ поръ монастырь Положенія ризы Богоматери стали посѣщать многіе не только изъ граждан, но и изъ князей и вельможъ. Обитель оживилась и украсилась. Послѣ того не мало лицъ хотѣло здѣсь постричься въ черноризцы, но игуменъ принималъ не многихъ. Преподобный Аврамій имѣлъ утѣшеніе видѣть у себя въ монастырѣ на покоѣ епископа Игнатія, оставившаго управленіе смоленскою епархіею по старости лѣтъ; но скоро блаженный епископъ померъ. За нимъ сталъ ожидать и своего разлученія души отъ тѣла преподобный Аврамій. Онъ умеръ, вслѣдствіе постигшей его болѣзни, уже послѣ того, когда епископъ Лазарь (преемникъ Игнатія), видя притѣсненія церкви отъ волостелей, оставилъ епископію. Дѣло это было, какъ видно изъ Патерика Печерскаго, еще до 1225 года. Нѣкоторые ученые точнѣе опредѣляютъ время оставленія еписк. Лазаремъ каѳедры, именно: 1219-мъ годомъ; вскорѣ послѣ этого года и умеръ препод. Аврамій. Не замедлилось, затѣмъ, и прославленіе мощей преподобнаго, уже послѣ составленія Ефремомъ Житія. Монастырь возвеличился среди православнаго русскаго населенія и сталъ называться *Авраміевскимъ*. Впослѣдствіи ввели его въ составъ города присыпкою новаго земляного вала къ прежнему городскому, къ которому онъ прилегаетъ; мѣстность оживилась; проведена даже была особая дорога къ нему изъ Москвы; существовала здѣсь и улица Москов[illegible] отъ Авраміевскаго монастыря къ Георгіевской церкви. Построенная

Борисомъ Годуновымъ городская стѣна ввела монастырь тоже въ составъ города.

Мощи преподобнаго открыто стояли въ храмѣ Положенія ризы Богоматери до 1611 года, какъ предметъ поклоненія всѣхъ православныхъ; но поляки, по взятіи ими Смоленска, какъ сказано раньше: изнесли мощи преподобнаго, изъ храма и скрыли гдѣ-то въ неизвѣстномъ мѣстѣ. Въ монастырѣ Аврамієвскомъ поселились доминиканцы. Храмъ существовалъ еще въ 1637 году; но, затѣмъ, онъ былъ разрушенъ и перешелъ въ частныя владѣнія. По возвращеніи города подъ Россійскую державу, монастырь возстановили, и въ немъ по грамотѣ царя Алексѣя Михаиловича въ 1658 году, повелѣно быть архимандріи. Храмъ на первыхъ порахъ былъ сдѣланъ деревянный въ честь Положенія ризы Богоматери; теперь его нѣтъ. А вмѣсто него устроены два каменныхъ храма: во первыхъ, трапезная церковь Введенія во храмъ Богородицы [1]), освящена въ 1773 году; въ ней замѣчательна современная основанію храма изразцовая печь съ рисунками. Во-вторыхъ устроенъ въ 1775 году двухъэтажный каменный храмъ, въ верху—въ честь Преображенія Господня, а въ низу—въ честь св. Аврамія Смоленскаго; въ восточной стѣнѣ этого храма виднѣется французское ядро, на половину засѣвшее въ стѣну, при бомбардированіи города въ 1812 году.

Вознесенскій монастырь образованъ былъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ изъ Іезуитскаго кляштора, существовавшаго при дворцѣ польскихъ королей. Въ февралѣ 1663 года переведена была сюда изъ Оршанскаго Кутейкина монастыря (Могилев. губ.) игуменья Ираида Куракина (бывшая княжна) съ находившимися при ней 22 монахинями. Такъ образовался Вознесенскій монастырь изъ деревяннаго помѣщенія Іезуитскаго монастыря того же имени. Въ этомъ монастырѣ во время дѣтства своего училась грамотѣ Наталья Кирилловна Нарышкина, впослѣдствіи мать императора Петра I. Оттого монастырь въ свое время пользовался значительными пособіями отъ казны. Поводомъ къ устройству большого двухъэтажнаго каменнаго храма въ этомъ монастырѣ было слѣдующее трогательное событіе: въ 1692 году Петръ I прибылъ въ Смоленскъ

---

[1]) Можетъ быть, наименованіе этого храма стоитъ въ связи съ памятью о бывшемъ [illegible] же имени Веденецкой, или Введенской сотни, располагавшейся въ восточномъ подмѣстьѣ.

для наказанія мятежныхъ стрѣльцовъ. Приговоромъ положено было: изъ каждаго десятка девятерыхъ наказать тѣлесно, а десятаго повѣсить. Казнь должна была совершиться на Верхнемъ сѣнномъ рынкѣ (часть котораго до сихъ остается Сѣнною площадью), въ виду Двора государева, находившагося между Королевской и Вознесенской улицами и отдѣлявшагося тогда отъ указанной площади верховьемъ Рѣзницкаго рва, изъ котораго въ разныхъ мѣстахъ были подъемы, или въѣзды, въ верхнюю часть города и къ Молохвинскимъ воротамъ. Смутныя обстоятельства требовали осторожности: царь не помѣстился въ Хоромахъ Государевыхъ, а въ одной изъ служилыхъ квартиръ при Дворцѣ, именно - въ квартирѣ воеводскаго секретаря Гедеонова, путешествовавшаго въ то время за границей. Мало того, опасаясь измѣны, царь изготовленіе для себя пищи поручилъ только игуменьѣ Вознесенскаго монастыря Маркѣ Рыдванской, которая сама каждый день приносила кушанье въ «тройчаткѣ», т. е въ глиняномъ горшкѣ, состоящемъ изъ трехъ отдѣленій; но однажды доставила кушанье не сама, а послала его съ одною изъ монахинь въ той же посудѣ, запечатавъ горшокъ своею печатью. Въ это время стало извѣстно объ имѣющей совершиться казни стрѣльцовъ; поставлены уже были висѣлицы на Сѣнномъ рынкѣ: игуменья опечалилась и захворала; и самъ Петръ I Алексѣевичъ сокрушался, что приходится употребить столь суровую мѣру наказанія. Квартира, гдѣ остановился государь, стояла на краю рва, и съ Сѣнной площади видно было, что дѣлается около нея. На другой день должна была начаться казнь, когда ординарецъ Измайловъ сдѣлаетъ знакъ бѣлымъ платкомъ. Наступалъ роковой часъ. Царь сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи, облокотясь на столъ. Въ это время игуменья Маркa, преодолѣвая болѣзнь и укрѣпившись молитвою, вошла къ царю; припала къ ногамъ его, умоляя о пощадѣ виновныхъ. Она сумѣла смягчить сердце государя такъ, что онъ отмѣнилъ казнь. Потомъ царь и самъ радовался гуманному исходу дѣла. А игуменьѣ, въ благодарность за то, что она «*поселила миръ въ душѣ*» его, приказалъ просить, чего она хочетъ. Послѣ долгихъ колебаній Маркa рѣшилась выразить просьбу о построеніи въ Вознесенскомъ монастырѣ каменной церкви вмѣсто деревянной. Государь тогда же собственноручно начерталъ планъ для новой двухъэтажной церкви этого монастыря и пожалавалъ на сооруженіе ея 1200 рублей и 1000 пудовъ желѣза. Церковь построена въ 2 года подъ личнымъ наблюденіемъ воеводы Салтыкова.

Во вновь устроеную церковь въ 1695 году подарены Петромъ I совмѣстно съ братомъ его, царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ печатное евангеліе, затѣмъ—крестъ съ мощами, потиръ, кадило и богослужебныя книги, напечатанныя въ 1686 году. Отъ польской эпохи сохранилось здѣсь большое рѣзное распятіе Господа съ предстоящими Богоматерью и евангел. Іоанномъ Богословомъ. Изъ Кутейкина монастыря монахини привезли писанный въ 1648 году ирмологій. Подъ монастырскими амбарами есть остатки тайниковъ (подземные ходы), имѣющихъ два направленія: одно обращено къ сторонѣ Собора, а другое внизъ, къ Днѣпру. Недавно издана брошюра объ этомъ монастырѣ.

Троицкій Монастырь преобразованъ былъ при царѣ Алексѣе Михайловичѣ изъ Троицкаго Училищнаго кляштора, существовавшаго здѣсь въ Польскую эпоху. До начала прошедшаго столѣтія онъ былъ монастыремъ архіерейскимъ и резиденціей смоленскихъ владыкъ, гдѣ они и погребались. Существуетъ въ монастырѣ **архіерейская усыпальница**, въ которой открыто покоятся первые 3 смоленскіе митрополита: Симеонъ IV, Сильверстъ III Черницкій и Сильверстъ IV Крайскій. Первоначально гробы святителей находились въ обыкновенномъ склепѣ; потомъ, въ 1757 г. тѣла почившихъ были пересматриваемы и изъ старыхъ гробовъ переложены были въ новые—дубовые, въ которыхъ и до нынѣ почиваютъ; надъ ними служатъ панихиды. Гробы митрополитовъ были открываемы и въ 1828 г. и послѣ, вѣроятно, для перемѣны одѣянія. Въ 1828 г. замурованы были боковыя двери усыпальницы. Отъ митрополитовъ до сихъ поръ сохраняется домъ, **самый древній изъ деревянныхъ домовъ въ Смоленскѣ**, на каменномъ фундаментѣ со сводами, подъ которыми существуютъ подвалы; домъ слишкомъ прочно устроенъ изъ толстыхъ брусьевъ, большею частію, сосновыхъ. Въ этомъ домѣ, въ бывшемъ пріемномъ зало, когда то внутри оштукатуренномъ съ пилястрами по сторонамъ, уцѣлѣлъ на потолкѣ вензель одного изъ митрополитовъ, жившихъ въ этихъ покояхъ. Вензель сдѣланъ рельефомъ прописною вязью, при полномъ соотвѣтствіи начертанія знаковъ одной стороны другой. Что означенный вензель митрополичій,—это доказывается слѣдующими признаками: надъ нимъ сдѣлана митра съ крестомъ; а около нея изображены два жезла (архимандричій и епархіальный). Прочитать вензель можно такъ: Архимандритъ Троицкій, Архіепископъ Смоленскій Варсонофій Еропкинъ и Митрополитъ; въ званіи митро-

полита онъ былъ возведенъ въ послѣднiй годъ управленiя смоленскою епархiею (1675 г.). Къ тому времени слѣдуетъ отнести и устройство означеннаго зданiя. Печи этого дома, перекладывавшiяся въ разное время съ прибавленiемъ новыхъ изразцовъ, сохранили до 12 видовъ разновременныхъ и разнообразныхъ по рисунку цвѣтныхъ кафель. Изъ означенной прiемной палаты на Соборный холмъ черезъ Сухой ровъ, теперь отчасти засыпанный, существовали крытые деревянные переходы. Привожу только что открывшiяся данныя, что въ монастырѣ этомъ находился деревянный храмъ, который въ 1749 году уступленъ былъ прихожанамъ Покровской церкви и пересенъ на мѣсто сгорѣвшаго ихъ храма. Особая достопримѣчательность этого монастыря—икона Иверскiя Божей Матери, малыхъ размѣровъ, но старой живописи. Изъ имѣющихся старопечатныхъ книгъ есть нѣкоторыя древнiя, начиная съ 1656 года. Есть старая Минея за сентябрь мѣсяцъ, на которой по листамъ надпись свидѣтельствуетъ, что монастырская **церковь Зачатiя св. Анны** въ 1767 г. называлась новопостроенною, (вѣроятно, вмѣсто снесенной деревянной) и была больничнымъ храмомъ; въ 1780 году при ней имѣлись 2 каменныя богадѣльни. Теперь этотъ храмъ уступленъ для пользованiя Военному Вѣдомству. Въ монастырѣ есть старинные цѣнные сосуды 1665 и 1676 г.г. и другiе, очень изящной работы, съ разными надписями и обозначенiемъ ихъ мастеровъ. Древнiя стѣны монастыря, иногда при разрыванiи земли обнаруживающiяся, въ прежнюю пору, до Петра Великаго, шли иначе, и между колокольней и храмами улицы не существовало; а ѣзда была по окраинѣ Гуриловскаго (Спасскаго) рва. Въ 1896 г. издана брошюра о Троицкомъ монастырѣ. Изъ нея видно, что настоятели этого монастыря иногда назначались префектами, вицеректорами, инспекторами и ректорами семинарiи; а потомъ просто были только игумены и архимандриты, управлявшiе однимъ монастыремъ. Послѣднимъ архимандритомъ этой обители былъ Порфирiй. Съ 31-го декабря 1897 года настоятелемъ Троицкаго монастыря назначенъ преосвященный Никаноръ, епископъ Смоленскiй.

Самое большее количество древностей содержитъ **Историко-археологическiй музей** въ зданiи Городской думы, особенно часто посѣщаемый учащимися юношами. Здѣсь вниманiя заслуживаютъ

старинныя рукописныя книги разнаго содержанія, старопечатныя изданія и гравюры; древнѣйшія монеты, находимыя на пространствѣ Смоленской губерніи, и старые клады; образцы старинной посуды разнаго матеріала; собраніе кафель изразцовъ и кирпичей, бывшихъ въ употребленіи въ разное время въ Смоленскѣ; остатки стариннаго вооруженія; образцы прежней одежды; стрѣлецкое знамя, по предположенію, назначавшееся для того полка, который стоялъ въ Смоленскѣ и за бунтъ при царѣ Петрѣ I былъ имъ расформированъ (остатки же оригинала этого знамени хранятся въ Соборѣ). Есть въ Музеѣ нѣсколько прежнихъ видовъ Смоленска, копія съ медали, выбитой Сигизмундомъ III по случаю взятія Смоленска въ 1611 году, и многое другое...

Б) Историческія памятники.

Изъ нихъ, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе *остатки городскихъ укрѣпленій* а) **Городской валъ**, который кое-гдѣ уцѣлѣлъ только въ верхней части, преимущественно въ юговосточной сторонѣ крѣпости, гдѣ были ворота Ельнинскія, и въ Лопатинскомъ саду, по ту и другую сторону *Копытецкихъ воротъ* [1]). Существовали въ земляномъ укрѣпленіи и Молоховскія ворота, и нѣсколько другихъ; напримѣръ по западной сторонѣ были трои ворота. Насыпь сдерживали отъ разсыпанія ея по сторонамъ дубовыми шулами и большими камнями, положенными у подошвы вала. На насыпи существовалъ частоколъ и какія то срубы (объ этомъ сказано на 50-й страницѣ), быть можетъ, это - башни деревянныя. Валъ имѣлъ также бастіоны, напримѣръ надъ р. Чуриловкой, гдѣ теперь домъ г. Горбачева, остаткомъ бастіона служитъ обрытый кругомъ холмикъ.

б) **Городская стѣна** окончательно сложена была въ 1600 году; первоначально имѣла 9 воротъ и 29 разныхъ башенъ: четыреугольныхъ, круглыхъ и грановитыхъ; въ нихъ устроены были въ 3 яруса бойницы: подошвенныя, среднія и верхнія; и въ стѣнѣ между башнями существовали амбразуры - тоже для боя. Въ башняхъ были комнаты проходныя на стѣну. На стѣнѣ, по ту и другую сторону, возвышались зубцы, на которыхъ утверждена была

---

[1]) За ними существовалъ лугъ для выгона скота; а въ Польскую эпоху этотъ лугъ служилъ мѣстомъ («Плацо») для развода и обученія войска.

кровля. Такъ что вся крѣпость представляла изъ себя непрерывную высокую и широкую галлерею, на которую взойти можно было изъ каждой башни. Всякій разъ, когда разбивали въ какомъ либо мѣстѣ стѣну или башню, проломъ задѣлывали, стараясь, возможно скорѣе, возстановить непрерывное сношеніе на всей стѣнѣ. До 1812 года по крѣпости совершались крестные ходы съ иконою Богоматери—Одигитріи; но послѣ этого года, когда стѣна очень много пострадала отъ взрывовъ башенъ, этотъ глубокорелигіозный обычай долженъ былъ прекратиться, и теперь крестохожденіе совершается только около крѣпости. За стѣной были вырыты канавы, въ которыхъ по веснѣ и осенью отъ дождей и мѣстами стояла вода; при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ I сдѣланы были во многихъ пунктахъ земляныя сооруженія въ видѣ угловъ.

Бутъ подъ стѣною, въ топкихъ мѣстахъ и въ полугорьѣ, заложенъ до 2 саженей на глубину, и въ средину стѣны клали тоже большіе бутовые камни; снизу на высоту сажени крѣпость была облицована бѣлыми известковыми плитами. Башни круглыя съ четыреугольными чередовались между собой; въ нѣкоторыхъ документахъ малыя четыреугольныя не называются башнями, а указаніе на нихъ ограничивается терминомъ: «по стѣнѣ». Въ верхней части города ворота и калитки крѣпости устроены были противъ выѣздовъ и выходовъ изъ рвовъ.

Перечислимъ **уцѣлѣвшія башни** (отмѣчая ихъ особымъ шрифтомъ) въ порядкѣ послѣдовательности, направляясь въ восточную сторону, начиная съ юга, отъ Молоховскихъ воротъ. Эти ворота были не прямыя, а съ поворотомъ въ бокъ направо; за ними существовалъ бастіонъ на 80 саженей со рвомъ и подъемнымъ мостомъ. Остатки моста обнаруживаетъ выдавшаяся у калитки снаружи каменная стѣнка,—это и есть основаніе моста. На бастіонѣ стояли пушки, да и въ городѣ, у воротъ, подъ шатромъ ставились тоже пушки. Потомъ шатеръ передѣланъ былъ въ караульню.

Юговосточныя башни:

Маховая башня малая четыреугольная, отъ слова: *махать* давать знакъ, или сигналъ; теперь въ ней помѣщается Губернскій Архивъ. За нею была Грановитая башня, взорванная Шеинымъ въ 1634 году; на мѣстѣ ея поляки насыпали бастіонъ, который назывался «Крѣпость ковалье». При Императорѣ Петрѣ I

тутъ устроенъ былъ погребъ для складыванія пороху. Далѣе слѣдовала Антифоновская башня, нынѣ не существующая

Евстифѣевская (Евстафьевская) круглая, послѣ стала называться Брикарева; она много пострадала отъ пальбы русскихъ при осадѣ города Шеинымъ. Въ ней теперь устроенъ резервуаръ воды городского водопровода. Отмѣтимъ особенно фактъ: размѣры этой башни и расположеніе частей ея поддаются только на метры, а не на русскія и другія мѣры длины, обычно употреблявшіяся въ эпоху устройства Годуновской стѣны.

Еленевскія, или Ельнинскія ворота, впослѣдствіи названы Никольскими отъ деревянной церкви Николая Чудотворца, существовавшей передъ ними до 1812 года. Надъ этими воротами въ нишѣ стоялъ образъ Спасителя, находящійся теперь въ Соборѣ.

Малая 4 угольная башня, впослѣдствіи названная *Зимбулка*.

Долгачевская круглая, послѣ называлась Шембелка (отъ имени бывшаго завѣдующаго ею г. Шембеля).

Малая 4 угольная, называющаяся *Воронина*.

Башни на восточной сторонѣ крѣпости:

Заалтарная (по отношенію къ Авраміевскому храму), переименованная послѣ въ Бѣлуху, башня эта круглая.

Авраміевская съ заложенными теперь воротами; въ ней помѣщается архивъ со старыми документами

Городецкая (отъ бывшаго за нею земляного укрѣпленія-городка), потомъ называли ее Веселухой, ибо это самый лучшій, или веселый пунктъ города; носила названіе и Орелъ. Къ «Орлову укрѣпленію» Шеинъ дѣлалъ приступъ въ 1634 году въ полночь на 25 декабря (по католическому календарю). Башня эта круглая.

Пѣзнякова 4 угольная, послѣ названа Роговкой, противъ нее изъ оврага въ 1634 году войско Шеина вело минную галлерею, или подступы.

Круглая башня, прежде именовалась *Лучинская*, (отъ слова: *Лука*, изгибъ стѣны), а новое ея названіе: *Веселуха*. За ней были къ Днѣпру башни: Стефанская или Голышевская, которая взорвана въ 1812 году, и далѣе – Крылошевская, или Клирошанская съ существовавшими въ ней прямыми воротами, называвшимися и Рачевскими; по ветхости отчасти разобрана въ 1782 году, а послѣ 1812 года совсѣмъ уничтожена.

На сѣверной сторонѣ.

По всему Днѣпровскому берегу, также и по сѣверозападному полугорью не сохранилось ни одной башни въ прежнемъ видѣ. Названія и мѣста прежнихъ башенъ будутъ означены въ слѣдующей главѣ.

На западной сторонѣ крѣпости.

Отмѣтимъ важный пунктъ города, ознаменованный геройскимъ самоотверженіемъ Мих. Борис. Шеина въ 1611 г. 3 іюня. Это именно полуразрушенную башню Коломинскую, находящуюся рядомъ съ Провіантскими магазинами съ одной стороны, и противъ Тупого переулка на Казанской улицѣ съ другой стороны Въ ней совершился эпилогъ (конецъ) 20-ти мѣсячпой кровавой драмы Шеина съ поляками. Когда крѣпость взята уже была осаждающими, и они жестокосерно избивали истомленныхъ долговременною осадою гражданъ, предавали ихъ дома, имущество огню и разрушенію,—Шеинъ, въ виду пылающаго города, въ виду страшнаго взрыва Собора, продолжалъ еще у означенной башни мужественно сражаться съ нападающими, желая лучше умереть, чѣмъ пережить эту великую скорбь для Отечества. Только слезы жены, дочери и малолѣтняго сына перемѣнили его намѣреніе, и онъ сдалъ мечъ Потоцкому Якову, вмѣстѣ съ немногими оставшимися дворянами. Отсюда Шеина взяли и повели въ Станъ короля, гдѣ Сигизмундъ III приказалъ его заковать въ цѣпи. Съ тѣхъ поръ эта *башня* названа *Шеиновская*, она была круглою. Въ 1830 году внѣшнія стороны ея разобрали, оставили только остовъ внутренности башни, между тѣмъ слѣдовало бы поддержать ее на память и въ назиданіе потомству о геройскомъ подвигѣ.— Въ западной части городской стѣны существовала еще башня, гдѣ теперь проѣздъ изъ крѣпости къ Нѣмецкому кладбищу. Она называлась: «изъ 4-хъ угольныхъ третья отъ Копытецкихъ воротъ». Взорвана въ 1812 году. Осталась на западной сторонѣ только одна башня, именно:

Малая 4 угольная названная *Гуркина*, вѣроятно, отъ Гура Вахрамѣева, завѣдывавшаго починкой стѣны въ 1692 году, при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Тогда употреблено было много матеріала для поправки крѣпости, оттого и кирпичъ въ

стѣнѣ разновременный, или двоякій. Желѣзные листы, прикрывавшіе Гуркину башню, уже слабо державшіеся на ней и снятые въ 1889 году въ предупрежденіе опасности для проходящихъ, были такъ толсты, что равнялись 3-мъ листамъ нынѣшняго кровельнаго желѣза, сложеннымъ вмѣстѣ. На этой башнѣ со внѣшней стороны, на известковомъ камнѣ выбита какая то дата изъ 4-хъ буквъ своеобразнаго, вычурнаго съ титлой начертанія. За Гуркиной башней слѣдовала Грановитая, взорванная въ 1610 году поляками посредствомъ мины, веденной изъ сосѣдняго оврага. Затѣмъ, до Копытецкихъ воротъ были еще двѣ башни, прекратившія свое существованіе, думать можно, при осадѣ Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1654 году.

Югозападныя башни:

Копытецкая 4 угольная съ заложенными теперь воротами.

Бублейка—малая 4 угольная, рядомъ съ предшествующей.

Топинская, названная послѣ *Громовая* (отъ электрическихъ ударовъ, разрѣшавшихся надъ нею). Это круглая башня рядомъ съ Губернаторскимъ домомъ, у проѣзда, образовавшагося въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія. Здѣсь виденъ въ поперечномъ разрѣзѣ древній внѣшній городской валъ. Въ башнѣ этой помѣщается губ. архивъ.

Донецъ малая 4 угольная башня за домомъ Земства. Послѣ нея до Моловскихъ воротъ существовали: во-первыхъ, Козодавлевская, или Касандаловская башня, называвшаяся и Артишевской (такія названія получала отъ сосѣднихъ домовъ); во-вторыхъ—малая 4 угольная безымянная. Обѣ взорваны въ 1812 году, 4 ноября.

Въ 1867 году, когда нѣкоторыя части стѣны предназначались къ сломкѣ, императору Александру II на докладѣ объ этомъ угодно было начертать слѣдующія слова: «*Было бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ подобно Смоленской стѣнѣ особое историческое значеніе*». Съ тѣхъ поръ стѣна предохраняется отъ разрушенія на средства государственныя. До текущаго времени уцѣлѣло 16 башенъ.

Кронверкъ очень искусно устроенный въ 1706 г. по плану Петра Великаго, подъ наблюденіемъ графа Ив. Ив. Головина, вмѣщалъ въ себѣ весь Гостинный Дворъ. Валы его направля-

лись по теперешней Заднѣпровской площади, но къ берегу съ той и другой стороны онъ, сдѣлавъ прямые углы, удлиннялся [1]). Послѣ 1812 года его постепенно разрушали, особенно въ 30-хъ годахъ Ничтожная часть его осталась только на восточной сторонѣ, въ огородахъ г.г. Ламыкина и Клименкова въ видѣ земляной возвышенности надъ ручьемъ Ильинскимъ. Этотъ ручей прежде направлялся въ Днѣпръ по прямой линіи, но для устройства Кронверка былъ перекопанъ и отклоненъ востоку.

В) Достопримѣчательности Смоленска.

Памятникъ Отечественной войны 1812 г., напоминающій прошлое и патріотическіе подвиги героевъ въ 1812 года. Находится на Плацъ-парадномъ мѣстѣ у Королевской крѣпости. Памятникъ этотъ чугунный, состоящій изъ многихъ частей; вѣсомъ всего 414-ть пудовъ, отлитъ по Высочайшему повелѣнію на Александровскомъ литейномъ заводѣ и присланъ въ Смоленскъ, въ 1835 году 19 апрѣля. Открытіе совершено было 5 ноября, въ годовщину окончательнаго очищенія Смоленска французами. Памятникъ этотъ въ основаніи имѣетъ, круглую форму; въ діаметрѣ его 2 саж. 2 четверти аршина; кверху являются уступы, на которыхъ утверждены 16 колоннъ; а на нихъ красуются золоченые парящіе орлы. Заканчивается памятникъ пирамидою, надъ которою высится глава византійскаго стиля, съ крестомъ густо вызолоченнымъ ярко блистающимъ не только при солнечномъ, но при лунномъ свѣтѣ. Высота памятника 8 саженей, 2 аршина. На восточной сторонѣ его помѣщена икона Божіей Матери. Подъ нею же изображенъ планъ Смоленскихъ военныхъ дѣйствій; а на западной означено число павшихъ воиновъ нашихъ и непріятельскихъ. По двумъ другимъ сторонамъ—имена главнокомандовавшихъ и генераловъ, защищавшихъ Смоленскъ.

Около 1856 года, когда рыли землю для фундамента зданія гимназіи, то нашли 2 французскія пушки затопленными въ бывшей тамъ ямѣ съ водой. Эти *французскія пушки* и поставили по двумъ сторонамъ памятника на особыхъ базисахъ и лафетахъ.

---

[1]) Подробнѣе объ немъ изложено въ книгѣ: «Княж. мѣстн.». Рисунокъ его есть въ Музеѣ.

При выходѣ изъ Молоховскихъ воротъ, по правою сторону, близъ городской стѣны поставленъ **Памятникъ «подполковнику Павлу Энгельгардту**, *умершему въ 1812 году за вѣрность и любовь къ отечеству»*. Здѣсь на мѣстѣ его кончины чрезъ разстрѣляніе, стоялъ прежде малый каменный памятникъ, поставленный женою Павла Ив. Энгельгардта; а съ 1836 года существуетъ этотъ чугунный, который въ 1885 году былъ приподнятъ надъ могилою, такъ что теперь сталъ болѣе замѣтенъ издали.

Памятникъ Мих. Ив. Глинкѣ знаменитому отечественному композитору, происходившему изъ ельнинскихъ дворянъ смол губерніи. Памятникъ находится на Блонѣ и лицевою стороною обращенъ къ главному входу дома Дворянскаго Собранія. Для устройства памятника по Высочайшему повелѣнію въ 1870 году учрежденъ былъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Губернскаго предводителя дворянства и иниціаторовъ этого дѣла: Н Е. Кристафовича, А. А. Гернгроса, Ив. Н. Тулубьева и А. П Энгельгардтъ. Комитетъ собралъ по Россіи добровольныхъ пожертвованій 35313 рублей, сверхъ того Всемилостивѣйше пожаловано Государемъ 5000 рублей. Памятникъ устроенъ изъ слѣдующаго матеріала: ступени изъ мѣстнаго чернаго гранита, пьедесталъ изъ кіевскаго лабратора, фигура, живо и отчетливо вопроизводящая Мих. Ив. Глинку, вылита изъ темной бронзы.

Памятникъ открытъ въ 1885 году 20 мая, что отмѣчено на пьедесталѣ надписью изъ бронзовыхъ буквъ «Глинкѣ—Россія, 1885 г.». Пьедесталъ четыреугольный, по бокамъ на немъ сдѣланы вѣнки. Съ западной, (не лицевой) стороны въ вѣнкѣ есть надпись: «Мих. Ив Глинка родился 20 мая 1804 года въ селѣ Новоспасскомъ Ельнинскаго уѣзда, скончался 3 февраля 1857 года въ Берлинѣ, погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ.» Въ вѣнкахъ на правой и на лѣвой сторонахъ поименованы некоторыя его общеизвѣстныя музыкальныя произведенія: «Жизнь за царя», „Князь Холмскій", «Испанскія увертюры», „Русланъ и Людмила", «Камаринская» и др. Памятникъ обнесенъ желѣзною *нотною* рѣшеткою, содержащею выдержки изъ произведеній Глинки.—Памятникъ переданъ въ вѣдѣніе города. Изъ указаннаго капитала, послѣ расходовъ на памятникъ, осталось

500 рублей, которые обращены въ фондъ на устройство музыкальной школы въ Смоленскѣ имени М. И. Глинки.

Противъ алтаря Одигитріевской церкви (на углу двухъ улицъ) сохраняется достопамятный **Домъ 1-го Смоленскаго историка** *Никиф. Андр. Мурзакевича*, имъ самимъ устроенный. Домъ уцѣлѣлъ въ прежнемъ видѣ отъ бѣдствій 1812 года и пожаровъ, бывшихъ въ разное время часто возлѣ него, какъ бы въ возмездіе за услуги, которыя онъ оказалъ намъ и *сохраненіемъ святынь* города отъ разграбленія ихъ иноземнымъ войскомъ, и своей *«Исторіей г. Смоленска»*, и *«Дневникомъ»*, веденнымъ съ 1776—1834 г. Въ Дневникѣ онъ, какъ очевидецъ событій, передалъ послѣдующимъ поколѣніямъ много свѣдѣній о своемъ времени и т. д. Вообще стоитъ вспомнить добрымъ словомъ Никифора Адріановича, этого великодушнаго и самоотверженнаго служителя своему родному городу, много перенесшаго горестей отъ современниковъ, не понявшихъ его и завидовавшихъ ему. Могила его находится въ Окопскомъ кладбищѣ.

Въ залѣ Дворянскаго Собранія можно видѣть копію съ *Картины сраженія подъ Смоленскомъ въ 1812 г.*, писанной Баварскимъ профессоромъ Геле и пожалованной смолен. дворянству импер. Николаемъ Павловичемъ въ 1853 году. Тамъ же, въ особомъ ковчежцѣ, хранятся милостивыя и признательныя грамоты, данныя императ.: Александромъ Павловичемъ и Николаемъ Павловичемъ смоленскому дворянству за оказанныя услуги Отечеству.

Въ помѣщеніи Городской Думы тоже есть хорошія картины мѣстныхъ художниковъ, напр. виды Смоленска Ѳ. И. Штраних и друг.

XII. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

по историческимъ пунктамъ и мѣстамъ, гдѣ существовали въ старину храмы.

А) въ западной части города.

Прежде населеніе ютилось по берегу Днѣпра; оттого тамъ и древностей больше. Рѣчки и ручьи, впадающія въ Днѣпръ, дѣлили жителей на группы и приходы, такъ что между двумя протоками и врагами, какъ естественными границами, также и искусственною преградою (укрѣпленія города) смѣло можно искать храма; и онъ найдется, въ иномъ пунктѣ даже не одинъ [1]). Начнемъ указаніе съ Пятницкаго конца города.

Спустившись съ Соборнаго холма и направившись къ западу, мы встрѣтимъ **Смолитовъ ручей** или *Родникъ*, вытекающій изъ-подъ Вознесенской горы, теперь называющійся Рѣзницкимъ. Отъ этого Родника получила свое названіе и *улица Родницкая*, бывшая главная, проѣзжая улица отъ Днѣпра къ Молоховскимъ воротамъ, въ настоящее время очень стѣсненная насыпаннымъ здѣсь Шоссе и измѣнившая свой видъ отъ вынутія земли для этой насыпи. Эту улицу переименовали въ Рѣзницкую, отъ памятной всѣмъ *рѣзни*, упорной и отчаянной, происходившей въ 1611 году при взятіи города поляками.

Перейдя ручей по *Олениной трубѣ*, мы вступимъ въ бывшій **Пятницкій конецъ** древнѣйшаго города. Здѣсь въ пространствѣ, граничащемъ далѣе *Пятницкимъ ручьемъ*, существовалъ храмъ Пятницкій, отъ котораго получили названіе двѣ башни городской крѣпости: во-первыхъ, *Пятницкія Водяныя ворота малыя*, находившіяся между теперешними зданіями Богадѣльни и Ремесленнаго училища и названныя Водяными оттого, что чрезъ нихъ направлялись за водою въ Днѣпръ, ибо за ними былъ удобный спускъ къ рѣкѣ; во-вторыхъ, *Пятницкія большія* проѣзжія *ворота*, находившія далѣе, не доходя до Пятницкаго ручья, гдѣ теперь узкій проломъ въ стѣнѣ. **Пятницкій храмъ** существовалъ въ томъ пунктѣ, гдѣ теперь зданіе Ремесленнаго училища, ибо при рытьѣ земли для

---

[1]) Опредѣляя пункты нахожденія бывшихъ храмовъ, мы однако имена нѣкоторыхъ не упоминаемъ; даже изъ числа храмовъ, названныхъ въ историческихъ источникахъ, инымъ (напр.: Отрочь монастырь, храмъ св. Леонтія) мы не можемъ указать мѣста, за отсутствіемъ на это данныхъ.

фундамента этой постройки встрѣтились три слоя гробницъ; на иныхъ гробахъ лежали тяжелые камни; архитекторъ М. Ф. Мейшеръ обнаружилъ здѣсь слѣды суевѣрія: были гробы пробитые осиновымъ коломъ. Очевидно тутъ находилось кладбище, которое указываетъ на существованіе церкви. Обычай былъ въ древнюю пору устраивать Пятницкія церкви тамъ, гдѣ совершался торгъ и гдѣ есть ручей. Различаются въ простонародной рѣчи еженедѣльный пятницкій торгъ и коренная пятницкая ярмарка (т. е. торгъ въ самый день Параскеви — Пятницы). Не извѣстно, когда эта церковь прекратила свое существованіе. Со времени импер. Екатерины II здѣсь стоялъ Острогъ. Въ 1808 г. башня Пятницкая Водяная обращена въ Тюремную Никольскую церковь, потомъ была взорвана французами; въ 1816 г. возстановлена, и опять устроена въ ней церковь во имя святит. Николая. Въ 1865 году возобновлена и названа во имя св. Тихона Задонскаго; а въ 1881 году передана въ вѣдѣніе Городского Управленія. По одну сторону этихъ бывшихъ воротъ существовала *башня Городецкая* круглая, «межъ Флоровскихъ и Пятницкихъ Водяныхъ»; она взорвана въ 1722 году по неосторожности канонира, потому что въ ней, по указу Петра I, хранились запасы пороха, и тогда же брешь ея въ уровень со стѣною заложена, что очевидно изъ разсматриванія стѣны отъ моста на право. По другую сторону отъ Пятницкихъ Водяныхъ до Пятницкихъ Большихъ воротъ тоже существовала *башня Иворовская* или *Верзенова*; она была большая круглая, разобрана въ 1782 году. За нею колодезь выкопалъ городской голова Верзинъ для совершенія водоосвященія.

Направившись въ проломъ за стѣну, по теперешней Богословской улицѣ, мы, какъ только перейдемъ мостикъ чрезъ Пятницкій ручей, то сейчасъ же на самой улицѣ, по лѣвую ея сторону, у дома г. Панова, встрѣтимъ слѣды существованія храма изъ древнихъ кирпичныхъ плитокъ. Это **храмъ Николы Полутѣлаго** (типъ Зарайскаго). О немъ упоминается подъ 1489 годомъ въ судной грамотѣ литовскаго вел. кн. Александра, гдѣ причту этой церкви присуждено на вѣки село Ѳомино: «кому всхотятъ попы Никольскіе тое село по своей воли дати пахати, тотъ маетъ десятину давати попамъ съ того села» [1]). Отъ этого храма суще-

[1]) Акт. зап. Рос.: 1, 112.

ствовалъ въѣздъ на теперешнюю Казанскую гору, который потомъ прегражденъ стѣною; отъ храма получила названіе и *башня Никольская*, стоявшая надъ нимъ до 1812 года; её французы взорвали въ ночь на 5 ноября. Храмъ этотъ былъ городскимъ, но съ устройствомъ стѣны сначала деревянной, а потомъ и каменной сдѣлался загороднимъ. Во время осады Смоленска Сигизмундомъ III, смольняне, перечисляя своимъ землякамъ, находившимся въ Московскомъ войскѣ, уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ *посадскіе* храмы, упоминають и этотъ храмъ, т. е. Николы Полутѣлаго [1]). Приходъ этой церкви простирался до Богословскаго овражка, имѣющаго начало въ предѣлахъ теперешняго Нѣмецкаго кладбища.

Далѣе до бывшаго городского вала, срытаго въ 1877 году и спускавшагося къ Днѣпру, на перевозъ тамъ, гдѣ теперь Нѣмецкая гора,—былъ *Богословскій приходъ* съ церковію Іоанно-Богослова, описанною выше и круглою *башнею Богословскою*, находившеюся на углу городской стѣны, при поворотѣ ея съ сѣвера на западъ, гдѣ въ настоящее время деревянная звоница Нѣмецкаго кладбища. Здѣсь замѣтно, что кирпичи въ стѣнѣ на спускахъ съ горы клали не такъ, какъ теперь, т. е. по прямой линіи (или по вертопасу), а наклонно, т. е. соотвѣтственно пониженію стѣны. Богословскій и Никольскій приходы съ устройствомъ Замка, какъ огражденное валомъ мѣсто (которое составляло прежде часть древняго города), но находящееся уже за крѣпостію, стало называться «**Острогъ за Пятницкими воротами**». Изъ этого земляного укрѣпленія былъ спускъ къ рѣчкѣ Чуриловкѣ со средины полугорья, отъ теперешней Нѣмецкой сторожки.

Земляная насыпь, какъ высокая преграда, отдѣляла населеніе, живущее за нею, по рѣчкѣ Чуриловкѣ, отъ чисто городского населенія. Хотя въ валу при Богословской улицѣ, несомнѣнно, были ворота, но они на ночь запирались. Такимъ образомъ эта группа жителей, по крайней мѣрѣ, на утреннія службы была лишена храма; и самостоятельность жизни, особенно въ вѣчевую эпоху,

---

[1]) Въ прежнихъ «Исторіяхъ» г. Смоленска написано: *Полетѣлаго*. Полагаю, что «Отписка» смольянъ изслѣдователями рукописи прочитана была не вѣрно, т. е. смѣшали букву *е* съ буквою *у*. Это весьма возможно въ старомъ скорописномъ шрифтѣ.

понуждала населеніе, живущее за воротами города, по правой сторонѣ рѣчки Чурильни (Чуриловки) имѣть особый **храмъ**. Онъ, дѣйствительно, и существовалъ еще съ древнѣйшей эпохи. Остатки его случайно найдены были въ 1885 году **при впаденіи Чуриловки въ Днѣпръ**, противъ полицейской будки, въ саду Бибикина, теперь Ивановскаго. Храмъ былъ каменный изъ древнихъ кирпичныхъ красной глины плитокъ. При раскопкѣ его прежнимъ владѣльцемъ мѣста, пишущій эти строки озаботился снять планъ зданія. Форма его продолговатая съ 3-мя выступами на востокъ; върединѣ существовали три пары колоннъ, при чемъ арки восточныхъ колоннъ служили и стѣною, отдѣлявшею алтарь отъ храма; на среднихъ и западныхъ парахъ колоннъ покоился куполъ храма. Входъ существовалъ съ юга, но и на сѣверной стѣнѣ ближе книзу замѣтно было существованіе арки, будто входъ въ церковь. Храмъ построенъ былъ уже на могилахъ, потому что при раскопкѣ земли подъ престоломъ было найдено 3 скелета. Въ стѣнахъ и даже въ колоннахъ встрѣчались замурованные погребенные безъ гроба, притомъ одинъ надъ другимъ. При одномъ скелетѣ найденъ былъ у головы мѣдный позолоченный гербъ съ изображеніемъ льва и дерева. Найдены были еще разбитыя фрески, слюда, гвозди и множество осколковъ малыхъ горшковъ разной величины, формы и разной глины; встрѣтились еще обдѣланные въ плиту гранитные камни, множество печныхъ кафель разнаго времени до 17 вѣка; около храма подъ мусоромъ нашли каменныя ядра очень большихъ размѣровъ [1]). Обратимъ вниманіе на эти предметы. Гвозди были различные; одни изъ гвоздей съ широкими шляпками встрѣчались въ стѣнахъ, гдѣ заложены были умершіе; слѣдовательно, этими гвоздями прикрѣплялись кирпичи къ нетронутой части стѣны. О горшечкахъ можно думать, что они употреблялись, какъ строительный матеріалъ: на нихъ настилали кирпичный полъ, чему примѣръ можно видѣть въ Новгородской Мироносицкой церкви. Множество кафель съ печными приборами, найденныхъ въ сѣверозападномъ углу храма показываетъ, что тутъ существовала печь, и храмъ былъ теплый. Фресками была расписана внутренность церкви, а слюда служила вмѣсто стеколъ. Гранитныя плитки имѣли назначеніе прикрывать узкій ходъ наверхъ, или въ женское отдѣленіе храма, устраиваемое обыкновенно между западной

1) Все это хранится въ Смол. Музеѣ.

стѣной и ближайшими къ ней колоннами, при второмъ рядѣ оконъ, чрезъ которыя и проникалъ сюда свѣтъ. Отъ храма же это верхнее помѣщеніе было почти изолировано стѣною, имѣющею не большое количество щеловидныхъ отверстій. Ходъ туда дѣлали, если храмъ былъ теплый, непремѣнно внутри зданія; прикрывали же его не сводомъ, а плитками, какъ въ Петропавловской церкви. Послѣднее приспособленіе дѣлалось съ акустическою цѣлію: больше слышать, что поется, возглашается и читается внизу храма, ибо чрезъ узкія и малыя, щеловидныя отверстія, скрывавшія женщинъ отъ постороннихъ взоровъ присутствующихъ въ храмѣ, не могли проходить ясно всѣ звуки богослуженія. Строители, конечно, въ состояніи были устроить надъ ходомъ и сводъ, но онъ не доставляетъ такого резонанса, какъ плоское прикрытіе верха.—Приходъ этого храма располагался по теперешней улицѣ Богословская Козинка, по правой сторонѣ рѣчки Чуриловки до ручья, впадавшаго въ нее

За ручьемъ, втекавшимъ въ Чуриловку съ правой стороны, слѣдовалъ, конечно, другой приходъ; тамъ, дѣйствительно, по улицѣ Дальняя Богословская Козинка, во владѣніи Волонцевича встрѣчаются **остатки** еще какого-то *каменнаго* зданія, сложеннаго тоже изъ древнихъ кирпичныхъ плитокъ; попадаются здѣсь и остатки фресокъ, что служитъ признакомъ **храма**.

Въ той и другой Козинкѣ въ прежнюю пору, какъ видно изъ «Росписи» воеводы Мих. Борис. Шеина въ 1609 г. 28 августа распредѣлялись смоленскіе люди *Везовенской сотни*. Происхожденіе этого названія отъ словъ: *везу*, *возить*, отсюда *везовники*, или возовники. Это, видимо, старинный терминъ. Въ Литовскую пору образовался еще терминъ: *подвойщина* и войщина,—это обязанность мѣщанъ давать подводы служилымъ людямъ, что въ Московскую эпоху замѣнено *Ямщиной*. Тотъ и другой терминъ не то, что везовники, промышлявшіе перевозкой товаровъ. Въ старинномъ большомъ торговомъ городѣ, служившемъ узломъ сношеній, куда доставлялись товары по Великому водному пути [1]) и откуда развозились они по разнымъ направленіямъ уже сухимъ путемъ,

---

[1]) На этомъ Великомъ водномъ пути отмѣтимъ и доселѣ существующее общеніе, или непосредственное соединеніе водъ одной системы рѣки съ другою, именно: въ Сычевскомъ уѣздѣ Смол. губ. въ Мольгинской волости есть деревня Дегтево, а близъ нея находится озеро, называем е Дегтевское, или Просенчинское. Оно имѣетъ истоки: однимъ западнымъ истокомъ течетъ въ Днѣпръ, а другимъ восточнымъ направляется въ Вазузу.

должны были существовать особыя спеціальныя лица, занимавшіяся развозкой тяжестей. При большихъ торговыхъ сношеніяхъ, каковы были въ Смоленскѣ, такихъ людей, безъ сомнѣнія, должно было существовать много. Оттого въ «Росписи» Шеина имъ ввѣряется защищать крѣпость на большомъ пространствѣ, именно на районѣ 5 башенъ, въ направленіи въ ихъ сторону. Они не названы «полусохою», потому что не занимались земледѣліемъ, хотя и жили за крѣпостью. Это мѣсто жительства на свободномъ пространствѣ благопріятствовало имъ для безпрепятственныхъ, свободныхъ пріѣздовъ и выѣздовъ во всякое время сутокъ; между тѣмъ ворота города на ночь запирались. Кромѣ того, упоминаемая мѣстность въ древнемъ Смоленскѣ, расположенномъ тогда, главнымъ образомъ, по одной только лѣвой сторонѣ Днѣпра, удобна была для поселенія на ней такихъ людей еще потому, что она приходилась въ срединѣ двухъ населенныхъ торговыхъ пунктовъ Смоленска (между древнимъ городомъ и Княжескою мѣстностію, гдѣ тоже были пристани и существовала торговля). Изъ разсматриванія этого пункта можно убѣдиться, что сюда существовало отъ большихъ дорогъ и изъ разныхъ частей города множество удачно приспособленныхъ выѣздовъ и проѣздовъ по разнымъ направленіямъ, теперь забытыхъ. Проложеніе этихъ дорогъ и спусковъ въ долину указываетъ на существовавшую когда то надобность въ этихъ проѣздахъ, именно—въ эту мѣстность. Надобность эта обусловливалась постоянными поѣздками *везовниковъ* въ разныя стороны.

Далѣе по берегу Днѣпра, за рѣчкой Чуриловкой, служившей, вѣроятно, граниницей Земляного города (отъ Чуръ—богъ границы), до слѣдующей рѣчки *Рыдливки*, (давно пересохшей, а въ 1812 году называвшейся *Поповъ ровъ* который пересѣкаетъ Свирскую улицу въ недальнемъ разстояніи отъ Михайло-Архангельской церкви) мѣстомъ для богослуженія былъ **храмъ Козьмодемьянскаго монастыря**, устроенный въ 1146 году Смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславовичемъ. Возвышался онъ на пригоркѣ, надъ узкимъ проѣздомъ у Днѣпра изъ крѣпости города въ Княжескую мѣстность, гдѣ теперь дома Павловыхъ и Копыловой. Храмъ былъ довольно обширный. Въ 1850 году въ развалинахъ его найденъ былъ небольшой гробъ, обитый серебромъ; встрѣчаются здѣсь и остатки древнихъ кафель. Вверхъ отъ него,

по полугорью тянулось большое кладбище, на которомъ встрѣчались обдѣланные надгробные камни, аршина 2 длины, лицевая поверхность плоская, верхній конецъ круглый, а внизу два угла. Примѣтить можно здѣсь слѣды каменныхъ жилыхъ построекъ времени болѣе поздняго, чѣмъ самый храмъ; въ одномъ мѣстѣ попались остатки ручного жернова. Недалеко отъ этого храма, во дворѣ дома мѣщан. Бодунова найдена *свинцовая висячая печать* съ надписью древнѣйшими славянскими буквами: «Господи помози раби своему Димитрію». Прочитать эту надпись можно только обратно, такъ какъ мастеръ не умѣлъ приспособить буквъ для надлежащаго чтенія. Въ районѣ этого же пункта (Козьмодемьяновской общины) найдены были сообщающимъ эти строки еще двѣ другія **вислыя свинцовыя печати** съ рельефными изображеніями. На одной печати съ лицевой стороны: Николай Чудотворецъ въ вѣнцѣ, такъ называемый Полутѣлый, [1]) а на другой—изображеніе или князя или святого со словами [2]). Вторая печать содержитъ въ себѣ два изображенія Богоматери: на одной сторонѣ Знаменіе Богородицы [3]), на другой Богоматерь сидя держитъ Сына на правой рукѣ, нѣсколько склонясь къ Нему (очень сходно со Свирской Чудотворной иконой). Эти печати заинтересовали ученыхъ, но до сихъ поръ обстоятельно не разъяснены, хранятся въ Смол. Историко-Арх. музеѣ [4]).

От Козьмодемьяновскаго монастыря была дорога къ Спасскому монастырю въ Чернушкахъ. Существованіе Козьмодемьяновскаго монастыря прекращено было къ 1634 году, ибо въ означенный годъ, во время осады Смоленска Шеинымъ, какъ видно изъ Картины и Описанія, составленныхъ Гондіусомъ, на свободномъ пространствѣ этого монастыря располагался Московскій Торговый лагерь съѣстныхъ продуктовъ; его охранялъ русскій отрядъ подъ начальствомъ Дамія.

---

[1]) Тоже есть на печатяхъ грамотъ означенныхъ нами выше, на (стр. 18).

[2]) Какъ на печати въ грамотѣ, названной нами древнѣйшей и отнесенной ко Владимиру (Димитрію) Рюриковичу.

[3]) Какъ на Рижской грамотѣ.

[4]) Въ 1897 г. 21 марта въ засѣданіи Москов. Археол. Общества В. А. Уляницкій, сообщавшій объ этихъ свинцовыхъ печатяхъ, нашелъ, что онѣ новгородскаго происхожденія и подвѣшивались къ грамотамъ и другимъ документамъ. Слѣдуетъ добавить здѣсь, что въ нихъ много признаковъ и Смоленскаго происхожденія, какъ это видно изъ только что изложеннаго нами описанія и сравненія ихъ съ печатями грамотъ, хранящихся въ Ригѣ.

За Рыдливкой на пространствѣ до рѣчки Смядыни мѣстомъ для богослуженія у жителей былъ *Княжескій Михаило-архангельскій храмъ*, существующій до нашихъ дней, кратко описанный нами выше и подробно въ книгѣ: «Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ». Въ одной рукописи Кіево-Михаиловскаго монастыря [1]) говорится, что этотъ храмъ былъ построенъ «**на Пристани**». А пристанью этой служила рѣчка Смядынь, верховья которой подходили къ холму, на которомъ стоитъ храмъ Архангела Михаила. Онъ въ древнюю пору окруженъ былъ каменною стѣною изъ кирпичныхъ плитокъ.

По другую сторону Смядыни [2]) былъ расположенъ старѣйшій и знаменитый **монастырь Борисоглѣбскій**, о существованіи котораго упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1136 годамъ; но тогда былъ здѣсь еще деревянный храмъ. Каменный же въ честь св. Бориса и Глѣба устроенъ въ 1146 году княземъ Ростиславомъ Мстиславовичемъ. Мѣсто для храма опредѣлилось, безъ сомнѣнія, тѣмъ пунктомъ, гдѣ лежало тѣло св. князя Глѣба по убіеніи его, прикрытое хворостомъ и проявившее себя чудесными явленіями. Теперь этотъ монастырь представляетъ изъ себя развалины въ пустынномъ мѣстѣ, среди огородовъ частныхъ лицъ; но прежде здѣсь былъ центръ Княжеской части города, которая, вслѣдствіе частыхъ погромовъ, къ приходу подъ Смоленскъ Сигизмунда III въ 1609 г., уже окончательно была разрушена, и съ тѣхъ поръ не можетъ оправиться. Около монастыря существовали пристань и колонія нѣмецкая, гдѣ останавливались и жили пріѣзжавшіе въ Смоленскъ нѣмцы изъ разныхъ ганзейскихъ городовъ. Въ самомъ монастырѣ висѣлъ «ратный колоколъ», по звуку котораго стекались жившіе въ этой мѣстности ратные люди, тогда какъ въ самомъ древнемъ городѣ былъ, конечно, свой «вѣчевой колоколъ». Въ храмѣ находилась чудотворная икона Богоматери, передъ которою совершались чудотворенія. Князья очень чтили этотъ храмъ и называли его «*Дѣдиной благословенной*». Здѣсь они и погребались, по крайней мѣрѣ, лица мужескаго пола, между тѣмъ какъ для особъ женскаго пола, думать надо, усыпальницей служилъ

---

[1]) По библіотечному каталогу № 1656, № 196-й.

[2]) Такое и подобное названіе рѣчекъ повторяется во многихъ мѣстахъ древней Руси въ Волыни, Рязани и еще въ Смол. землѣ. Это указываетъ на бытовое значеніе термина-

Козьмодемьянскій монастырь—женскій [1]). Въ 1198 году князь Давидъ Ростиславичъ, за три дня до своей смерти принявшій монашество, погребенъ былъ, согласно его завѣщанію, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Давидъ Ростиславичъ имѣлъ 4 хъ сыновей, одинъ изъ нихъ, именно—Изяславъ умеръ въ Смоленскѣ раньше отца; погребенъ, вѣроятно, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Этому соотвѣтствуютъ данныя изъ раскопокъ этого храма. Въ 1835 году строителямъ Смоленскаго шоссе понадобился бутовой камень, они искали его всюду, между прочимъ и въ развалинахъ Борисоглѣбскаго храма на Смядыни. Во время раскопки рабочіе въ сѣверозападной стѣнѣ, ближе къ сѣверозападному углу, внутри храма нашли *двѣ каменныя гробницы.* Стѣна, гдѣ находились гробницы, была облицована изразцами, сдѣланными изъ красной глины темнозеленаго полива эпохи древней,—очевидно, облицовка современна погребенію лицъ. Въ одной гробницѣ лежалъ скелетъ съ остатками отъ организма, превратившимися какъ бы въ муку, а въ головахъ его—три кирпичныя плитки, изъ какихъ устроенъ самый храмъ. Другая (нижняя) гробница была меньшаго размѣра, въ ней вмѣстѣ съ костями найдены еще были золотая сѣкира и золотой вѣнокъ у изголовья. Очевидно, эти гробницы не простыхъ лицъ. Вторая гробница, несомнѣнно, княжеская, на что указываютъ найденныя вещи княжескаго достоинства. Очень вѣроятное заключеніе, что первая гробница принадлежала Давиду Ростиславичу, при которомъ, такъ такъ онъ умеръ монахомъ, т. е. отрѣшившимся отъ міра, не положили атрибутовъ княжескаго званія, а только отмѣтили мѣсто погребенія изразцами; сынъ же его, умершій не въ монашескомъ чинѣ, погребенъ былъ съ символами княжескаго званія. Кромѣ того, о первомъ гробѣ слѣдуетъ сказать, что онъ приспособленъ былъ для человѣка средняго возраста; а лѣтопись на ряду съ другими характерными чертами Давида Ростиславича, какъ бы намѣренно, отмѣтила и его возрастъ: «сей князь возрастомъ былъ средній» [2]).

Въ послѣднее время открылось нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, что мощи святыхъ Бориса и Глѣба были въ 1191 году перенесены изъ Вышгорода въ Смоленскъ, на Смядынь княземъ Давидомъ Ростиславичемъ и что существовало нѣкогда въ

---

[1]) Развалины храма свв. Козьмы и Даміана никѣмъ еще научно не разслѣдованы.
[2]) Татищ. кн. 3 стр. 325.

Смоленскѣ ежегодное празднество въ честь этого перенесенія мощей 11-го августа [1]). Вѣроятно, вслѣдствіе означенной причины, Смядынскій монастырь и называли иногда *«Вторымъ Вышгородомъ»*. Въ концѣ Литовской эпохи существовало при немъ **«Православное Братство»** въ противодѣйствіе вводившейся въ Литвѣ Уніи [2]). Въ польскую эпоху Борисо-Глѣбскій монастырь былъ разрушенъ: верхи церковныхъ построекъ и своды ихъ были сбиты. Эти постройки представляютъ теперь изъ себя видъ кургановъ. Одинъ курганъ возвышается надъ поверхностью земли болѣе, чѣмъ на 3 сажени высоты; другой курганъ, собственно самый Борисо-Глѣбскій храмъ, неоднократно въ разныхъ мѣстахъ былъ раскапываемъ. По развалинамъ его можно услѣдить планъ зданія; но сохранился и внѣшній видъ его на «Картинѣ осады Смол. 1634—5 г.г.», награвированной Гондіусомъ, имѣющейся въ Смол. Историко-археологическомъ музеѣ: такъ что возможно возстановленіе храма. Монастырь былъ когда-то окруженъ каменною стѣною; въ разныхъ мѣстахъ его, на пространствѣ двухъ десятинъ земли, около кургановъ, весною, когда почва бываетъ обнажена, примѣчаются остатки каменныхъ фундаментовъ бывшихъ зданій монастыря; попадаются части изразцовъ, сдѣланныхъ изъ чернаго ила съ поливой желтой краски, въ которой примѣчается присутствіе металла, встрѣчаются образки, старыя монеты, металлическія принадлежности конской сбруи и другія вещи. Въ 1610 году Борисоглѣбскій монастырь служилъ стоянкою части войска Сигизмунда III-го, осаждавшаго Смоленскъ. А въ 1634 году располагался здѣсь лагерь маркитантовъ русскаго воеводы Прозоровскаго.

Около монастыря, при устьѣ бывшей рѣчки Смядыни (теперь пересохшей), существовалъ и существуетъ **священный колодезь** на мѣстѣ, гдѣ мученически скончался св. князь Глѣбъ. Сюда ежегодно 24 іюля на крестный ходъ изъ Михаило-архангельской церкви и на освѣщеніе воды стекаются во множествѣ богомольцы. Вѣруя въ святость мѣста, обагреннаго кровію мученика, посѣщаютъ религіозные люди колодезь и въ другіе дни, ища исцѣленія отъ священной воды. Для охраненія святого мѣста и историческихъ развалинъ въ 1897 году устроена Свирскою церковію при колодцѣ сторожка.

---

[1]) Объ этомъ есть брошюра автора этой книги подъ заглавіемъ: «Было ли перенесеніе мощей св. муч. Бориса и Глѣба изъ Вышегорода въ Смоленскъ, на Смядынь?» издан. 1897 г.

[2]) «Истор. объ Уніи»—Бантышъ-Каменскаго изд. 1795 г. 115 стр.

От Борисоглѣбскаго монастыря въ направленіи къ югу, за теперешними Свирскими казармами, примѣчается *остатокъ вала*, бывшаго укрѣпленія *Княжескаго города*. Онъ прилегалъ въ направленіи юго-запада къ болотистому мѣсту, или *Кловскому озеру*, изъ котораго протекалъ (и теперь еще течетъ въ весеннее также и въ дождливое время) ручей въ Днѣпръ. Этотъ ручей служилъ естественною границею церковной Борисоглѣбской общины.

На слѣдующемъ участкѣ до Кловки, впадавшій тоже въ Днѣпръ, при Литовскомъ владычествѣ образовался *Троицкій монастырь*, а при немъ **«Гостинъ Дворъ Литовскъ»**. Онъ былъ главнымъ пристанищемъ для купцовъ литовскихъ; они жили здѣсь въ гостиницахъ, продавали произведенія, привезенныя съ юга, и грузили русскіе товары для отправленія въ свою землю. Видна здѣсь и пристань Кловская для стоянки судовъ, приплывавшихъ по Днѣпру. Монастырь былъ общежительный православный; по завѣщаніямъ отъ разныхъ лицъ онъ владѣлъ многими вотчинами и былъ извѣстенъ по всему Литовскому государству. При нашествіи въ 1609 г. Сигизмундомъ III на Смоленскъ, служилъ для стоянки польскихъ войскъ. Въ 1634 году здѣсь расположился станомъ рус. воевода Прозоровскій; но съ приходомъ кор. Владислава подъ Смоленскъ для защиты осажденныхъ поляковъ, Прозоровскій отступилъ къ востоку, при этомъ взорвалъ монастырскія зданія порохомъ.

На мѣстѣ довольно большаго каменнаго храма св. Троицы, передавшаго, затѣмъ, свое имя Троицкому монастырю въ крѣпости города, стоялъ прежде крестъ; теперь же тамъ на нѣкоторой части развалинъ выстроенъ домъ принадлежащій Троицкому городскому монастырю. Видны остатки другого длиннаго каменнаго зданія двухъэтажнаго. Нижній этажъ его представляетъ подвалы со сводами (теперь уже разрушающіеся), – это, конечно, и есть остатки складовъ и амбаровъ бывшаго тутъ Гостиннаго Двора.

За рѣчкой Кловкой по дорогѣ къ городу Красному, на полѣ осталось *земляное укрѣпленіе 1634 года*. Это шанецъ устроенъ войскомъ Шейна изъ дерна. Отъ него сдѣланъ былъ валъ до Днѣпра для скрытой ходьбы за водой. Имъ командовалъ англичанинъ, находившійся въ русскомъ войскѣ, полковникъ Китти. Далѣе слѣдуетъ рѣчка Ясеная, гдѣ существ. загородной Дворъ Государевъ.

Если идти отъ Свирской церкви въ направленіи къ югу, то встрѣтимъ частное владѣніе обсаженные липами, на которомъ замѣчаются остаки прежняго жилья. Это такъ называемая Мыза Корольковыхъ. А за нею въ пространствѣ, теперь заросшемъ кустарникомъ, оказываются какіе-то старые *пруды*, соединенные между собою канавами. Въ $^{1}/_{2}$ верстѣ отъ этой Мызы въ теперішней деревнѣ Чернушкахъ есть развалины бывшаго городскаго **монастыря Спаскаго**, построеннаго въ 13 или 14 вѣкѣ. Отъ сосѣдняго Михаило-Архангельскаго прихода онъ отдѣлялся овражкомъ. Самый центръ монастыря на довольно большомъ протяженіи имѣлъ каменную стѣну. Развалины представляли собою 3 каменныхъ зданія: Храмъ Спасопреображенія, Святыя ворота и монашескій корпусъ. Теперь все это застроено крестьянами. Во время Литовскаго владычества настоятели этого монастыря назывались архимандритами. Въ Польскую эпоху православный храмъ этого монастыря былъ передѣланъ въ Іезуитскій костелъ. [1]). Въ 1609 г. монастырь этотъ служилъ вмѣстѣ съ другими стоянкой войскъ Сигизмунда. А въ 1634 г. въ пространствѣ между этимъ монастыремъ и Свирскою церковію расположенъ былъ Станъ Карла Губерта, француза, служившаго въ русскомъ войскѣ. Еще можно на мѣстѣ его стоянки прослѣдить остатки валовъ, расположенныхъ четыреугольниками и лагерныя ямы. Начиная отъ Спасскаго монастыря и кончая къ югу верховьемъ оврага рѣки Чуриловки по правою сторону теперешней дороги, ведущей изъ Чернушекъ на Краснинское шоссе (прежняя дорога во Мстиславль) сдѣлана была войсками Шеина непрерывная линія рогатокъ (или габелоновъ) Онѣ устроены были изъ длинныхъ сосновыхъ бревенъ, снабженныхъ твердо укрѣпленными крестъ на крестъ частыми заостренными кольями, которые были сплетены такъ прочно, что не легко ихъ было разрушить; на внѣшней сторонѣ рогатокъ существовали канавы. Среди этого укрѣпленія помѣщались крѣпостцы деревянныя и земляныя. Одна изъ земляныхъ, очень своеобразной формы, называлась **Каморный шанецъ** и уцѣлѣла до сихъ поръ близъ Краснинскаго шоссе. За шанцемъ, къ западу, и ближе къ Чер-

---

[1]) Объ этомъ болѣе подробно въ кн. «Княжеск. мѣсти. въ Смоленскѣ». (Стр. 183—4). Не давно найденъ близъ развалинъ этого монастыря золотой образокъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Игнатія Лойолы—основателя ордена Іезуитовъ, а на другой—Ксаверія Франциска—просвѣтителя католичествомъ Индіи; образокъ съ ушкомъ, слѣдовательно—навѣшивался на грудь, какъ знакъ ордена, который старался просвѣтить смольнянъ католическимъ ученіемъ. (хранится въ Музеѣ).

нушкамъ есть еще земляныя военныя сооруженія; но происхожденіе ихъ точно не извѣстно: иные утверждаютъ, что ихъ дѣлали русскіе въ 1812 г., желая задержать французовъ; другіе говорятъ что эти батареи есть учебныя работы нашихъ саперовъ въ лагерное время около 1822 года. Противъ Чернушекъ на другой сторонѣ дороги есть остатки кладбища прошедшаго столѣтія, съ 1771 г.

Въ низу оврага, по которому течетъ рѣка Чуриловка, за садами домовладѣльцевъ Ковальской улицы устроена была Шеинымъ батарея о трехъ пушкахъ для обстрѣливанія круглой угловой Богословской башни; при этой батареѣ надъ существовавшими въѣздами къ ней, по обоимъ флангамъ находились ложементы для карауловъ. Это земляное сооруженіе уцѣлѣло до сихъ поръ и называется просто: «**Батарейка**».

Западная окраина Смоленска въ древнѣйшую пору своими монастырями, около которыхъ возвышались стѣны, представляла собою надежную защиту города. Сигизмундъ III называлъ эти монастыри «*Замками*» и, предвидя въ нихъ опасность для прочнаго владѣнія Смоленскомъ, въ 1625 году приказалъ эти замки уничтожить [1])

В) Путеводитель по восточной части города.

Подъ первичнымъ Городкомъ, впослѣдствіи—Соборнымъ холмомъ, по берегу Днѣпра искони существовало **Торжище**—главное въ Смоленскѣ. На это есть доказательства: въ прежнія времена рѣка служила преимущественно для торговыхъ сношеній; торговыя сдѣлки и совершались на берегу ея. Поэтому для свободы сношеній этой береговой площади съ приплывавшими по Днѣпру лодками и судами, въ старину, до Литовской эпохи, берегъ не преграждался отъ рѣки. Подъ Соборнымъ холмомъ издавна существовала церковь свв: Фрола и Лавра, поставлявшаяся, какъ обычно было въ старину на площади, именно конной, ибо эти святые считались покровителями коней. Въ началѣ 13-го вѣка изъ монастыря Честнаго Креста ведутъ преподобнаго Аврамія въ городъ, на Соборный холмъ, къ епископу чрезъ *Торжище*. Составитель «Житія» Аврамія, современникъ событія, прибавляетъ при этомъ, что *«въ городѣ, и на торжище, и по улицамъ,—вездѣ*

[1]) Грамота Сигизмунда III въ Смоленскъ (въ «Исторіи См.»—Мурзакевича № 6).

полно было народомъ». Здѣсь подъ словомъ *«городъ»* разумѣется, конечно, старый (земляной) городъ до Литовской эпохи, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, ибо на правой сторонѣ рѣки ни Городни ни Гостиныхъ рядовъ (что можно бы назвать Торжищемъ), ни моста туда въ 13-мъ вѣкѣ еще не существовало. Кромѣ того, нельзя примѣнить перечисляемыя «Житіемъ Аврамія» названія къ Заднѣпровской части города уже потому, что путь изъ Городни къ Монастырю Честнаго Креста преграждался тогда болотистымъ мѣстомъ рѣчки Ильинки, которое засыпано послѣ. Народная масса могла двигаться только по большой улицѣ. А Княжескій городъ (въ западной части Смоленска) находился не по пути слѣдованія препод. Аврамія изъ обители Честнаго Креста, которая существовала въ восточной части Смоленска, на правой сторонѣ Днѣпра. Чрезъ монастырь Честнаго Креста шла большая дорога изъ сѣверныхъ предѣловъ княжества и спускалась отъ него къ перевозу около рѣчки Большой Рачевки; а оттуда по улицамъ въ городъ. Слѣдуетъ думать, что именно по этому пути и вели преподобн. Аврамія на сонмъ къ епископу. Такимъ образомъ упоминаемыя составителемъ Житія улицы будутъ *Веденецкія* улицы; а то, что онъ назвалъ *Торжище*, какъ разъ придется на тотъ пунктъ города, который мы описываемъ, то есть: теперешняя Армянская улица, названная такъ въ недавнюю пору [1]).

Литовцы, устроивши въ Старомъ городѣ, по берегу Днѣпра деревянныя огражденія, сдѣлали въ нихъ и ворота, во-первыхъ, *Духовскія*, направлявшія путь главнымъ образомъ въ Сѣверные предѣлы Смоленской земли, а между прочимъ и къ Духовскому монастырю, отъ котораго получили и свое названіе. Другія ворота въ этомъ пунктѣ города были *Крылошевскія* они вели на другую дорогу, именно: черезъ Дресну въ Московскую сторону.

Изолировавши берегъ отъ рѣки деревянною стѣною, литовцы тѣмъ самымъ заставили передвинуть стоянку судовъ на другія мѣста, а вмѣстѣ съ этимъ и торговлю. Поэтому развивается въ то время торговля и на восточной окраинѣ города, и на западной, и противъ замка на другой сторонѣ рѣки. Послѣдній пунктъ (только уже въ Литовскую эпоху) понудилъ выстроить мостъ чрезъ Днѣпръ, а къ нему третьи **ворота Днѣпровскіе** изъ Торжища.

---

[1]) Названа Армянскою безъ всякаго резона, ибо въ Смоленскѣ армянъ нѣтъ и не было.

Мостъ препятствовалъ плаванію судовъ, ибо берега Днѣпра здѣсь низки, слѣдовательно — и мостъ съ одного берега на другой не могъ достаточно возвышаться для прохода всякихъ судовъ. Оттого судна, приплывавшія съ низу Днѣпра, доходили только до Смоленска и должны были останавливаться въ западной части города, не заходя за мостъ; а приплывавшіе съ верховьемъ Днѣпра останавливались въ восточной части. Поэтому въ томъ и другомъ мѣстѣ въ Литовскую эпоху образовались особыя специальныя становища: «Литовскій Гостинъ Дворъ» на Кловкѣ и восточная стоянка въ устьѣ рѣчки Рачевки и у Духовскаго монастыря, назначавшаяся для «москвитянъ, но не литовцевъ» [1]). Вслѣдствіе этого Торжище, конечно, стало падать въ своемъ прежнемъ значеніи, но продолжало существовать. Борисъ Годуновъ, строя каменную стѣну, удержалъ въ этомъ пунктѣ то же количество воротъ, какое было и въ деревянномъ городѣ. Это значитъ, что при немъ Торжище оставалось въ прежнемъ положеніи, какъ было въ Литовскую эпоху. Даже Сигизмундъ III, распланировавшій городъ по своему и образовавшій новую площадь въ верхней части города, у стѣнъ теперешняго Троицкаго монастыря [2]) однако и въ старомъ мѣстѣ, на нѣкоторой части Торжища (отъ Родницкаго ручья до Соборнаго въѣзда) оставилъ площадь, что видно на картинѣ 1627 года. Во время царя Ѳедора Алексѣевича здѣсь помѣщался кружечный дворъ, мѣсто раздробительной продажи питій [3]). Въ цвѣтущую пору *торжище* распространялось, вѣроятно, на всемъ береговомъ пространствѣ подъ Соборнымъ холмомъ.

Въ разное время и по разнымъ случаямъ производившееся здѣсь копаніе земли, сколько извѣстно, никогда не оставалось безплодно для историко-археологической науки. Такъ въ 1788 году какой то причетникъ, копая землю у Рѣзницкой улицы, подъ Соборной горой [4]), нашелъ много древнихъ палашей, копій, пищалей и другихъ древнихъ орудій, которыя тогда продалъ

---

[1]) Грамота кор. Александра епископу Іосифу у Никит. 107 стр.

[2]) Ее видѣть можно на картинѣ Смоленска 1627 г. (въ книгѣ «Княж. мѣстн.»; она въ слишкомъ уменьшенномъ размѣрѣ существуетъ и теперь подъ названіемъ Верхня то Сѣнного рынка. Тамъ гдѣ находится домъ Женской Гимназіи была Ратуша съ башнею; а въ уцѣлѣвшемъ на дворѣ каменномъ строеніи помѣщалась пыточная до времени имп. Петра III.

[3]) «Полн. Соб. Зак. Рос. Им.» стат. 825-я, годъ 1680-й.

[4]) Мѣсто это теперь засыпано проведеннымъ на гору шоссе, которое много измѣнило поверхность этой мѣстности.

торгующимъ желѣзомъ [1]). Очень вѣроятно, что тутъ была когда то лавка, а, можетъ быть, и складъ военныхъ вооруженій. Въ недавнюю пору близъ церкви Богоматери нашли золотую монету: венеціанскій цейхинъ (хранится въ историко-арх. музеѣ). А когда устраивали зданіе городского вопровода, находящееся отъ Богоматерьской церкви нѣсколько далѣе, къ востоку, то въ землѣ, представлявшей изъ себя сплошь культурные остатки, нашли кладъ серебряныхъ (какъ арабскіе диргемы) монетъ Богемскаго короля Венчеслава 2-го (1300—1306 г.), или **пражскіе гроши**. Такихъ денегъ найдено было много, часть изъ нихъ во время находки растащили рабочіе, но и по начальству представили около $4^1/_4$ фунтовъ. При монетахъ найдены были три слитка серебра, толщиною, примѣрно, въ большой палецъ; такіе слитки обыкновенно называютъ **серебряныя гривны**. Здѣсь слитки оказались не цѣльными кусками гривны, а половинками. Двѣ изъ нихъ отъ разныхъ слитковъ хранятся въ Смол. Историко Археологическомъ музеѣ. А одна половинка находится у директора Смоленскаго водопровода, инженеръ технолога, А. Г. Малеванаго: на этой послѣдней половинкѣ слитка есть знакъ, въ видѣ буквы С со значкомъ на верху, въ видѣ буквы о. Эти слитки, безъ сомнѣнія, имѣли опредѣленное вѣсовое отношеніе къ мелкой монетѣ, какъ крупная цѣнность, для удобства счета замѣнявшая нѣсколько мелкихъ монетъ, или пражскихъ грошей. Мы попытались взвѣсить 1 грошъ; онъ оказался равенъ 3 граммамъ, а цѣлый кусокъ (сколько можно судить по вѣсу половины, хранящейся у г. Малеванаго) будетъ равенъ 180 граммамъ. Слѣдовательно, всѣхъ грошей въ кускѣ, или цѣльномъ серебряномъ слиткѣ, будетъ 60, т. е. **КОПА**, счетъ изстари употребляющійся въ Смоленскѣ (говорятъ напримѣръ: копа, или 60 штукъ гонту, раковъ, сноповъ). Быть можетъ, этотъ терминъ имѣлъ прежде большее распространеніе. Такъ какъ найденныя деньги дѣлались въ Прагѣ, то можно думать, что и слитокъ, находившійся при нихъ, отлитъ былъ тамъ же. Монеты имѣютъ надписи латинскія,—заключать надо, что и слитокъ содержитъ тоже двѣ латинскія литеры: Со (читать слѣдуетъ: Ко). На монетахъ означена цѣнность ихъ,—быть можетъ, и знакъ этотъ есть сокращенное обозначеніе цѣнности слитка на эти самые гроши, которыхъ въ немъ насчитывается *Copa* (копа), 60 грошей. Я видѣлъ 200 монетъ изъ этого клада (часть ихъ луч-

[1]) Письмо Мурзакевича къ гр. Румянцеву въ брошюрѣ: «Никиф. Адр. Мурзак.» стр. 63.

шая передана въ Музей) и всѣ онѣ были цѣльныя, хотя въ другихъ мѣстахъ тѣ же самыя монеты Венчеслава 2-го, (съ изображеніемъ льва), не рѣдко попадающіяся въ Смоленскѣ и его уѣздѣ, оказываются иногда на половину и на треть разсѣченными. Такое обильное нахожденіе пражскихъ грошей, указываетъ, что они въ Смоленскѣ были въ ходу; а монетъ чисто Смоленскаго производства не встрѣчается. Въ доисторическую пору Смольняне пользовались деньгами преимущественно восточныхъ разныхъ халифатовъ, были въ употребленіи монеты и римскія и греческія и ольвейскія; а потомъ, какъ видно, стали обращаться въ Смоленскѣ и монеты венеціанскія и чешскія и нѣмецкія и т. д.

При той же раскопкѣ земли для зданія Городского водопровода нашли какіе то **кожаные ярлычки**, состоявшіе изъ кружковъ обдѣланной кожи, какая употребляется на обувь; величина круга въ діаметрѣ не болѣе 1 вершка; на одной (глянцевой) сторонѣ кружка виднѣлся какой то оттискъ (штемпель), довольно сложное изображеніе. Кружки, проколотые въ срединѣ, были насажены на какой то шпенекъ и плотно прилегали одинъ къ другому, представляя такимъ образомъ изъ себя столбикъ, вышиною болѣе $^1/_4$ аршина. Отъ времени кожа уже испортилась и потеряла гибкость, такъ что кружки, вынутые изъ земли сырыми, просохнувъ на воздухѣ, отъ прикосновенія къ нимъ разламывались, какъ гнилое дерево. Цвѣтъ кожи ихъ вездѣ былъ темный, конечно, отъ долгаго лежанія въ черноземной почвѣ.—Быть можетъ, составится объясненіе этому явленію, если мы скажемъ, что одинъ французскій монахъ, **Рубруквисъ**, бывшій въ Россіи около 1253 года, сообщилъ въ своемъ «Путешествіи» слѣдующее: татары, завладѣвши въ то время многими странами, ввели въ этихъ подвластныхъ имъ земляхъ **КОЖАНЫЯ ДЕНЬГИ** обязательныя для всѣхъ находившихся подъ ихъ властію народовъ. Эти кожаныя деньги снабжены были надписями, дѣлавшимися для каждаго народа на его языкѣ. Для Россіи употреблялись кусочки кожи съ разноцвѣтной окраской, они и по величинѣ отличались отъ всякой другой монеты, ходившей въ татарскихъ владѣніяхъ [1]). Татары и всѣ подданные хана, находясь въ Россіи, также подвластной хану, за все платили такими цвѣтными кожаными монетами, и русскіе обязаны были, какъ увѣряетъ Марко-Поло, «подъ страхомъ смертной каз-

[1]) Смотр. брошюру А. И. Черепнина: «Значеніе кладовъ съ куфическими монетами» изд. Рязанской уч. комис. 1892 г.

ни принимать ихъ вмѣсто извѣстнаго количества серебра и золота; а принявши ихъ за монетную цѣнность, русскіе и сами во взаимныхъ сношеніяхъ отдавали ихъ и обмѣнивались ими наравнѣ съ металлическими деньгами. Очень вѣроятное заключеніе, что означенные кожаные кружочки служили **татарскими деньгами**, тѣмъ болѣе, что и форма ихъ напоминаетъ монету, и найдены они, какъ мы видѣли, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ открыли кладъ серебряныхъ денегъ, дата коихъ относится ко времени владычества татаръ надъ Русью: въ одно время тѣ и другія деньги обращались,—въ одну пору онѣ и положены; однѣ были крупныя деньги (по тогдашней цѣнности), другія мелкія.

Въ томъ же пространствѣ, т. е. подъ соборномъ холмомъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ попадались мѣдныя монеты древне-греческія, и старыя серебряныя и мѣдныя литовскія, также московскія.

Недавно при копаніи земли для устройства магазина г. Лисовскаго (на углу шоссе и Богоматерьской площади) нашли вмѣстѣ съ серебряною монетою велик. кн. Василія III Ивановича, мѣдный **змѣевикъ**, довольно большой формы, на которомъ изображены накрестъ 4 буквы: ДАNЪ.

На воротахъ Фроловскихъ, устроенныхъ чрезвычайно красиво, и рѣзко выдѣлявшихся изъ всѣхъ другихъ башенъ своею высотою, висѣлъ, какъ утверждаютъ, **набатный** колоколъ, бывшій прежде, вѣроятно, вѣчевымъ. Въ 1728 году верхъ этой башни по какому то случаю наполовину разобрали и вмѣсто него надъ воротами устроили деревянную церковь, куда помѣстили образъ Богородицы, находившійся прежде въ особо выложенной нишѣ. При освященіи церкви строитель ея, г. Длотовскій, какъ бы въ награду за свое благочестіе, удостоился встрѣтить тихую, безболѣзненную кончину: причастившись св. таинъ, онъ подошелъ къ иконѣ Богоматери и съ чувствомъ умиленія повергся предъ этимъ чудотворнымъ образомъ; въ указанномъ положеніи въ присутствіи другихъ молящихся онъ перешелъ въ вѣчность. Въ 1794 году предпринято было вмѣсто деревянной церкви устроить на Флоровскихъ воротахъ каменный храмъ. Его заложилъ преосвященный Парѳеній, достраивалъ еписк. Димитрій. Въ 1812 году храмъ былъ еще не готовъ къ освященію по внутреннему устройству. Наполеонъ былъ въ этомъ храмѣ послѣ того, какъ сожженъ былъ Днѣпровскій мостъ, и съ балкона, обращеннаго на Днѣпръ, смотрѣлъ, какъ неутомимо производила изъ

пушекъ стрѣльбу съ противоположнаго берега наша батарея въ французовъ. Гнѣваясь и досадуя, онъ велѣлъ втащить въ церковь двѣ пушки; затѣмъ, поставивъ эти орудія въ дверяхъ балкона, самъ наводилъ ихъ на неустрашимыхъ артиллеристовъ этой русской батареи, [1]) одиноко оставшихся здѣсь для задержанія перехода французовъ чрезъ Днѣпръ. - Храмъ освященъ былъ уже въ 1814 году 2 декабря преосвящ. Іоасафомъ. О храмѣ этомъ (замѣнившемъ храмъ св Флора и Лавра) и о Надворотной Смоленской иконѣ Богоматери существуетъ особая брошюра.

Въ старину приходъ Фроловской церкви, гранича съ западной стороны Родницкимъ, или Смолиговымъ ручьемъ, съ востока тоже отдѣлялся преградою, (какъ это замѣчено нами вездѣ), именно—ручейкомъ, давно засыпаннымъ, быть можетъ, еще при устройствѣ литовцами деревянной стѣны, но когда то вытекавшимъ изъ-подъ Соборнаго холма, гдѣ теперь колодезь на Нижне-Митропольской улицѣ.

На Торжищѣ, въ дальнѣйшемъ его направленіи, существовало два храма: I, *св. Симеона*, поставленный быть можетъ, епископомъ *Семеномъ*, которому Владимиръ Мономахъ далъ *Холмъ* (впослѣдствіи Соборный въ Смоленскѣ) для устройства на немъ «епископской церкви и наряда церковнаго». Такъ какъ этому епископу (вѣроятно, переяславльскому) приходилось долго проживать въ Смоленскѣ для распоряженія въ дѣлѣ постройки Успенскаго каѳедральнаго храма; то, пока сооружался этотъ огромнѣйшій каменный храмъ на самомъ Холмѣ, епископъ выстроилъ для своего временнаго служенія деревянный храмъ у подошвы холма въ честь своего святого на мѣстѣ подаренномъ ему Владиміромъ Мономахомъ. 2) Существовалъ *храмъ свят. Лазаря*, построенный можно думать тоже епископомъ, именно—Лазаремъ, ибо первые русскіе святители почти во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ любили ставить церкви въ честь своихъ патроновъ, примѣръ чему видимъ и въ Смоленскѣ, въ предшественникѣ Лазарю, епископѣ Игнатіи, какъ означено выше (стр 130). И церковь Фроловская, и Семеновская (простонародное названіе: Семенская), и Лазаревская видны на картинѣ, изображающей прежній соборъ Мономаха (хранится въ Смолен. Ист. арх. Музеѣ).

Какъ церковь свв. Фрола и Лавра передала свое имя Фроловскимъ воротамъ, такъ и церковь св Семена дала названіе

[1]) Историкостатист. опис. Смол. епархіи 1864 г. стр. 233.

Семенской башнѣ; а храмъ въ честь св. Лазаря далъ наименованіе Лазаревскимъ воротамъ. *Башня Семенская* называлась еще Стрѣлка (вѣроятно, отъ флюгера, имѣвшаго на ней эту форму), именовалась также Волковскою. Теперь этой башни не существуетъ; на мѣстѣ ея въ 1877 году устроенъ Архивъ Окружнаго суда. *Лазаревская* 4 хъ угольная башня съ проѣзжими воротами, устроенными Борисомъ Годуновымъ взамѣнъ Духовскихъ воротъ, существовавшихъ въ «деревянномъ городѣ», была взорвана въ 1812 году. **Башня Кастеровская**, (Костыревская), или круглая Крылошевская. называлась и Черепаховая, была разобрана въ 1833 году, а вмѣсто нея въ 1834 году устроена новая меньшихъ размѣровъ по приказанію импер. Николая Павловича I-го; постройка обошлась въ 25 тысячъ. Въ ней былъ, сначала, пороховой складъ, а потомъ—назначена для военнаго архива.

Направляясь къ востоку далѣе чрезъ Зеленый ручей, соединенный съ Георгіевскимъ, или рѣчкою Гуриловскою, (вѣроятнѣе: Гориловкою, потому что имѣетъ начало на верховьѣ горы), мы должны, какъ обычно, встрѣтить до Городской стѣны еще церковь. Она, дѣйствительно и была, именно: на углу улицъ Покровской и Зеленаго Ручья, тамъ, гдѣ теперь стоитъ флигель г. Тиханова. Передъ этимъ флигелемъ въ 1881 году виднѣлись изъ земли слѣды трехъ каменныхъ алтарныхъ полукружій. Нѣсколько выше мѣста прежней церкви построенъ Покровскій храмъ, на мѣстѣ деревяннаго, существовавшаго еще задолго до 1746 года, въ который онъ сгорѣлъ. Послѣ этого на мѣстѣ сгорѣвшаго поставленъ былъ другой храмъ, тоже деревянный, перенесенный сюда изъ Троицкаго монастыря. Теперь существующій каменный сталъ строиться въ 1789 году. Онъ будто замѣняетъ указанную церковь, и думаемъ, что не безъ традицій Покровскій храмъ имѣетъ придѣлъ въ честь *иконы Живоносннаго Источника* и не безъ причины совершается ежегодно въ день праздника означенному образу (въ пятницу на Пасхѣ) крестный ходъ изъ этого Покровскаго храма на колодецъ, находящійся на Зеленомъ ручьѣ, вблизи только что указаннаго дома.

За стѣной до рѣчки Большой Рачевки, на мѣстѣ теперешней сравнительно новой *Духовской церкви, и Рождества Богородицы*, была въ старину какая то древняя церковь, ибо при устройствѣ

колокольни при теперешнемъ храмѣ встрѣчалось много старинныхъ кирпичныхъ плитъ. Въ польскихъ источникахъ есть указаніе на существованіе гдѣ-то въ этой мѣстности церкви, о чемъ мы упомянули выше (стр. 50). Въ прошедшемъ столѣтіи стоялъ еще здѣсь, рядомъ съ Рождественскою церковію деревянный храмъ св. Духа, напоминавшій о Духовскомъ монастырѣ. Въ 1812 г. онъ сгорѣлъ, и его не возстановили, но память о немъ воскрешена въ этой церкви придѣломъ св. Духа. Оттого церковь и называютъ теперь Духо-Рождественскою.

Далѣе слѣдуетъ рѣка Большая *Рачевка* (отъ *раковъ*, въ обиліи водившихся прежде въ ней, а, можетъ быть, отъ старославянскаго слова: рача - утка); верхняя часть ея, огибающая южныя окраины города, называется еще **Чертовъ ровъ**, собственно: Черта — ровъ, т. е. граница, черта владѣній древняго города, какъ въ западной части его въ доисторическій періодъ служила границею рѣчка Чуриловка. Жители въ этомъ рву въ Московскую эпоху назывались: «Воровская полусоха», это означено выше (страница 41-я). Но такое названіе есть собственно гражданское дѣленіе жителей; въ церковномъ же отношеніи рѣчка (преграда, особенно въ половодье) раздѣляла ихъ на двѣ общины: жители лѣваго берега рѣчки тянули къ одному приходу, а для обитателей правой стороны вмѣстѣ съ другими, жившими до слѣдующей рѣчки Малой Рачевки, какъ естественной границы этой церковной общины, былъ свой храмъ. По Старой дорогѣ, ведущей въ село Дресну и Богородицкое, (Селище тоже), на взгорьѣ Зарѣчной, или Вылуповой улицы, въ саду г Хозярева, въ 1876 году пишущій эти строки видѣлъ **остатки древняго храма**. Построеніе его, судя по кирпичнымъ плиткамъ, слѣдуетъ относить къ древней эпохѣ грекокіевскаго строительнаго искусства. Храмъ существовалъ въ 1634 году, ибо онъ виденъ на картинѣ, изображающей Смоленскъ во время осады его Шеинымъ. А въ «Описаніи» этой осады, составленномъ Гондіусомъ, храмъ этотъ названъ «башнею». Но это не башня только, а цѣлый храмъ малыхъ размѣровъ съ 3-мя олтарными полуциркулярами; башня его была не что иное, какъ высокая колокольня.

Чтобы оріентироваться въ пониманіи распредѣленія дальнѣйшаго населенія вверхъ по Днѣпру, приведемъ выдержку изъ „Смѣты“, или грамоты, короля Казимира въ 1445 году къ своему на-

мѣстнику Смоленскому Ивану Вяжевичу. Казимиръ писалъ, чтобы намѣстникъ далъ Смоленскому епископу: «Михаилу—владыцѣ земли пустовской городской на двадцать человѣкъ: началъ бы могъ ихъ посадити, и дворы бы тыя люди могли собѣ збудоваты въ огороды». И панъ Вяжевичъ, столько земли отыскавши за рѣчкою Рачевкою, передалъ ее въ владѣніе епископа Михаила: «онъ и послѣ него иншіи (епископы) на той землѣ люди посажали (поселили)» [1]. А въ 1497 году 17 марта король Александръ Казимировичъ въ общее владѣніе церкви и епископа въ добавленіе къ землѣ, на которой поселены уже были епископскіе люди за Рачевкою, даетъ еще землю тамъ же, не желая, конечно, раздѣлять владѣній епископа. Въ этой грамотѣ обстоятельнѣе обозначена даруемая земля, именно: «начиная отъ р. Большой Рачевки по обѣ стороны Большой дороги, ведущей къ перевозу: съ одной стороны—до Днѣпра, а съ другой—вверхъ Днѣпра, за рѣч. Малую Рачевку, до села, принадлежащаго супругѣ Александра, великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ. Дана эта земля съ тѣмъ, что если *находящіеся* на этой землѣ *казенные поселяне* не пожелаютъ остаться на своихъ мѣстахъ и служить епископу, то свободны перейти на другое мѣсто; при этомъ предоставлено епископу на отведенной землѣ вмѣстѣ съ прежними, тамъ уже находившимися епископскими людьми, имѣть всего 120 дворовъ [2]. Епископы воспользовались даннымъ правомъ и заселили мѣстность. Образовалась **Слобода Архіерейская**. Для нея, также и для прилегавшихъ казенныхъ поселянъ, о которыхъ упомянула грамота, тоже нуженъ былъ **храмъ** И онъ явился уже въ слѣдующемъ участкѣ за Малой Рачевкой, **въ «Загородномъ архіерейскомъ домѣ»**, гдѣ теперь Архіерейскій огородъ. Въ 1812 году храмъ этотъ сгорѣлъ. Развалины его существуютъ въ видѣ кургана, прислонившагося къ нагорью; строительный матеріалъ его (собственно—фундаментъ, ибо думаемъ, что храмъ былъ на половину деревянный) есть уже не плиты, а просто кирпичъ.

Далѣе слѣдуетъ топкое мѣсто, составлявшее границу этой общины; по причинѣ существованія этого препятствія и дорога въ Дресну пошла по горѣ. Топкое мѣсто находилось собственно около нагорья берега Днѣпра (тоже и въ западной части города,

[1]) «Истор. опис. смол. епарх.» стр. 150.

[2]) Истор. г. Смоленска» —Никитина 107 стр.

у Кловки); долина же его (здѣсь очень широкая), ближе къ руслу нѣсколько возвышалась; и даже въ до-Литовскую эпоху вся не заливалась водою во время половодья. Оттого возможно тамъ стало населеніе, примыкавшее тоже къ городскому. Въ указанной грамотѣ короля Александра упомянуто **село принадлежащее** супругѣ его **Еленѣ Ивановнѣ** и смежное съ владѣніями, данными епископу. Въ селѣ этомъ, конечно, существовалъ храмъ; но его теперь нѣтъ. Гдѣ же его искать? Мы потрудились надъ рѣшеніемъ этого вопроса, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ за оградой Окопской кладбищенской церкви (уже сравнительно новаго зданія, устроеннаго въ 1776 году) нашли курганъ, содержащій въ себѣ остатки довольно большого (саженей 12 въ длину) каменнаго храма изъ кирпичнаго матеріала еще до Литовской эпохи. Теперь остатки этого храма введены уже въ ограду. По лугу долины Днѣпра, у кладбища, на довольно большомъ пространствѣ, замѣтны слѣды существовавшихъ когда-то усадьбъ... Думаемъ, что тутъ и было село Елены Ивановны, супруги Литовскаго короля Александра, дочери Московскаго велик. князя Ивана III, ибо оно могло непосредственно граничить съ Архіерейской Слободой, какъ означено въ предшествовавшемъ пунктѣ.—Здѣсь является нѣсколько страннымъ лишь то обстоятельство, что село выступаетъ на сцену только въ Литовскую эпоху, между тѣмъ устройство храма указываетъ на ранній періодъ грекокіевскаго строительнаго искусства, а не литовскаго. Отвѣчаемъ на это такъ: село это упоминается, какъ принадлежащее Еленѣ Ивановнѣ подъ 1497 годомъ, когда она была только еще 2 года замужемъ, за Александромъ Казимировичемъ, который, очевидно, и подарилъ ей это мѣсто. Конечно, оно въ 2 года не могло застроиться, а перешло къ ней готовымъ уже какъ село, т. е. съ храмомъ, давно устроеннымъ.

Съ Архіерейской слободой граничила также къ востоку, но ближе къ руслу рѣки, *Духовская слободка* съ монастыремъ того же названія. Отъ села Елены Слободка отдѣлялась ложбиною. **Монастырь Духовскій** образовался при дальнѣйшемъ разростаніи города въ цвѣтущую его пору—литовскую; монастырь далъ свое названіе не только слободкѣ, но и одному изъ въѣздовъ еще въ «деревянную» крѣпость города. Онъ былъ окруженъ каменными

стѣнами [1]). Первое упоминаніе о немъ встрѣчается подъ 1509 годомъ: въ означенный годъ архимандритъ этого монастыря Аѳанасій присутствовалъ на Виленскомъ соборѣ [2]). Нынѣ этотъ монастырь совсѣмъ уничтоженъ, и почти все пространство земли, находившееся подъ монастыремъ, распахивается для засѣва хлѣба. Но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія видны были здѣсь остатки строеній. Въ самомъ большемъ возвышеніи, когда выбирали отсюда кирпичъ для строившагося въ 1804 году Смоленскаго Кадетскаго корпуса, нашли желѣзныя двери [3]). Монастырь стоялъ на самомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ 3-хъ отъ Годуновской крѣпости, и былъ крайнимъ пунктомъ города въ направленіи къ востоку. Его заканчивалъ какой-то протокъ, вытекающій изъ нагорья и служившій между прочимъ границей монастыря съ селомъ княгини Елены.

Каменныя постройки съ Духовскимъ монастыремъ еще не окончились.

Указанный *протокъ* въ нагорьѣ образовалъ очень милую, уютную долину, ласкающую взоры. Войдя въ нее отъ села Елены чрезъ этотъ протокъ, (теперь въ лѣтнюю пору уже пересыхающій), вы встрѣтите здѣсь **остатки древнѣйшаго каменнаго довольно обширнаго храма,** греко-кіевскаго строительнаго искусства. Въ 1862 году его раскапывали Смол. губернаторъ Борозна съ графомъ А. С. Уваровымъ и М. П. Щипилло. Послѣдній и описалъ раскопки въ «Памятной книжкѣ Смоленской губерніи» за 1862 годъ въ видѣ Дневника раскопокъ. Онъ назвалъ этотъ храмъ «церковью св. Екатерины на Крупошицѣ». Но ручей Крупошицъ течетъ и вливается въ Днѣпръ не здѣсь, а по правую сторону этой рѣки. Слѣдовательно, названіе храму воспроизведено не вѣрно. Изслѣдователи откопали почти весь храмъ, обнажили стѣны и колоны; въ одной стѣнѣ — западной замѣчалъ я замурованіе мертвеца въ нишѣ; на кирпичахъ виднѣлись разныя клейма изъ геометрическихъ фигуръ и славянскихъ буквъ [4]); а М. П. Щипилло приводитъ въ своемъ Дневникѣ

---

[1]) Картина Осады Смол. 1634 г.

[2]) Акты истор. 1.525.

[3]) Ист. опис. См. епарх. 266 стр.

[4]) Нѣкоторыя подмѣченныя тогда клейма мы скопировали. Копія находится въ См. музеѣ.

цѣлыя строки непонятныхъ письменъ. Но мы разсматривая остатки храма уже чрезъ 25 лѣтъ послѣ раскопки, этого не видали. Храмъ украшенъ былъ фресковою живописью, разными красками; фрески отъ прикосновенія къ нимъ свѣжаго воздуха быстро разсыпались. Тѣмъ не менѣе изслѣдователи успѣхи срисовать нѣсколько картинъ, напримѣръ: скопированъ былъ сюжетъ Деисуса. Храмъ разрушенъ былъ, вѣроятно, еще до времени Литовскаго владычества, потому что изслѣдователи на верху развалинъ этого храма подмѣтили болѣе позднее погребеніе и часовню, когда-то существующую надъ похороненнымъ трупомъ, но тоже давно превратившуюся въ особо возвышавшійся курганъ надъ развалинами. Храмъ этотъ стоялъ въ долинѣ; а на пригоркѣ, который прилегаетъ къ нему, и который заросъ весь кустарникомъ, было кладбище переполненное могилами.

Мы послѣдовательно перешли уже границу древняго расположенія города, въ Литовскую эпоху т. е. зашли въ **ОКРЕСТНОСТИ СМОЛЕНСКА**, и укажемъ теперь, что есть замѣчательнаго **въ восточной сторонѣ** сначала, **на лѣвомъ берегу Днѣпра**, а потомъ—на правомъ.

Направляясь далѣе по дорогѣ, лежащей въ долинѣ Днѣпра, мы, въ разстояніи чрезъ версту отъ сейчасъ упомянутыхъ развалинъ храма, встрѣтимъ деревню Шеиновку, или **Шеинъ Острогъ**. Здѣсь былъ главный лагерь Мих. Борисовича Шеина, во время неудачной осады имъ Смоленска въ 1634-мъ году; здѣсь онъ, спасая ввѣренное ему войско, долженъ былъ отдать кор. Владиславу IV всѣ свои воинскіе снаряды, и съ обезоруженными уже воинами пошелъ въ Москву. Эта сцена въ лицахъ изображена на картинѣ Гондіуса

Близъ этой деревни Шеиновки останавливаетъ на себѣ вниманіе холмъ, издали кажущійся конусообразнымъ и называемый **Молодецкая гора**. Это старинное гульбище, куда въ языческую пору въ извѣстные весенніе праздники собиралась молодежь на игрища.

Вправо на возвышенной плоскости, въ лѣсу, въ разстояніи версты 1½ отъ холма уцѣлѣли старинные шанцы или **ЗЕМЛЯНЫЕ ОКОПЫ**, относящіеся, вѣроятно, ко времени осады Смоленска М. Б. Шеинымъ.

Далѣе слѣдуютъ деревни: Прокоповка (въ 5 верстахъ отъ города), Маркатушина (въ 6 верстахъ) и **село Дресна** (по старому: село Дросенское), памятныя тѣмъ, что здѣсь поляками, чтобы преградить сообщеніе Шеина съ Москвой, устроены были сильныя батареи, которыя пресѣкли Шеину и отступленіе въ Московскіе предѣлы. Село Дресна замѣчательно еще тѣмъ, что оно есть старинное загородное владѣніе Смоленскихъ епископовъ, упоминаемое въ грамотѣ Ростислава I; тамъ есть и домъ архіерейскій.

Перечислимъ теперь замѣчательныя мѣстности **по правой сторонѣ Днѣпра**.

Упомянемъ, прежде всего, **Богданову околицу**, или Богдановъ **Холмъ**, возвыщающійся надъ долиною Днѣпра близъ впаденія въ него рѣки Стобны. Мѣстность эта въ настоящее время называется Богдановка, по Днѣпру находится ниже Дресны. Здѣсь въ 1635 году былъ послѣдній станъ Владислава, откуда онъ распоряжался военными дѣйствіями для стѣсненія Шеина. Здѣсь же въ 1654 году и царь Алексѣй Михаиловичъ, предпринявъ возвращеніе Смоленска подъ Московскую державу, расположилъ свой 1-й лагерь. Богданова околица (по старому польскому исчисленію) отстоитъ отъ города на 1 милю.

Ближе къ городу слѣдуетъ **рѣчка Колодня**. Выше устья этой рѣчки, почти на самомъ берегу Днѣпра, устроены были войскомъ Владислава IV **редуты**, игравшіе особенную роль въ борьбѣ Шеина съ поляками. Редуты эти обстрѣливали Днѣпръ и препятствовали плаванію судовъ съ припасами изъ Московской области къ лагерю Шеина.

Далѣе памятна **Скавронская** или Жаворонкова **гора**, которую занималъ въ 1634 году литовскій гетманъ Христофоръ Радзивилъ; вокругъ нея въ долинахъ происходили постоянныя стычки русскихъ съ литовцами.

Ближе къ городу высится **Соколиная гора**, названіе—повторяющееся при старинныхъ городахъ и напоминающее объ охотѣ на птицъ прежнихъ нашихъ князей посредствомъ пріученныхъ для этой цѣли соколовъ. Она принадлежитъ теперь Колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, гдѣ и предполагалось было устроить колонію. Гора вся покрыта лѣсомъ. Линія Московско-Брестской желѣзной

дороги проходитъ около нея; По направленію изъ Смоленска Соколиная гора будетъ направо.

А по лѣвую сторону этой желѣзной дороги предъ рѣчкою Пескарихою (отъ рыбы-пескарь, какъ Рачевка—отъ обилія раковъ) возвышается на виду у города **ВАЛУТИНА ГОРА**, получившая особую извѣстность въ 1812 году по жаркому сраженію бывшему на ней 7 августа, когда непріятели взявши городъ и переправившись по бродамъ въ Смоленскѣ на правый берегъ Днѣпра, преслѣдовали русскихъ, отступавшихъ по разнымъ дорогамъ въ направленіи къ Москвѣ. Французы, пользуясь этимъ, хотѣли разбить ихъ по частямъ; но на Валутиной горѣ и далѣе при деревнѣ Гедеоновкѣ русскіе дали отпоръ французамъ, и отставшая часть нашей арміи успѣла соединиться съ отошедшей раньше. Тутъ обнаружилъ особенное мужество и храбрость нашъ генералъ Тучковъ 2-й. Уцѣлѣли здѣсь окопы русскаго войска.

Переправившись чрезъ р. Пескариху мы встрѣтимъ возвышающееся тоже въ виду города плоскогорье, называемое **Дѣвичья гора**, соотвѣтственная и по названію противоположной на другой сторонѣ Днѣпра **Молодецкой горѣ**. Преданіе объясняетъ ихъ названія: будто прежде на одну изъ нихъ собирались для игрищъ дѣвицы, а на другую—молодцы [1]). Гора эта фигурируетъ и въ исторіи Смоленска: здѣсь въ 1634 году происходили нерѣдко стычки войска Шеина съ войсками Владислава. А царь Алексѣй Михайловичъ, переселясь изъ Богдановой околицы на Дѣвичью гору, имѣлъ здѣсь свой Главный станъ и отсюда лично руководилъ осадою Смоленска въ 1654 году. Сюда являлись къ нему изъ Смоленска судья Галимонтъ съ представителями отъ всѣхъ сословій гражданъ, изъявляя покорность, вопреки желанію Смоленскаго польскаго воеводы Обуховича; здѣсь же составлена и подписана грамота царя, подтверждающая смолянамъ всѣ ихъ прежнія права. Отсюда же царь 3-го октября предпринялъ свой знаменитый, по торжественности обстановки и по богатству украшеній, въѣздъ въ Смоленскъ. Послѣ на этой горѣ какой Шембель, завѣдовавшій одной изъ башенъ, устроилъ себѣ дачу; отъ этой дачи, или мызы, гору стали называть *Шембелевк::*. Здѣсь отчасти уцѣлѣли разные окопы, или земляныя укрѣпленія, а въ 1835 году, во время про-

[1]) Есть еще въ окрестностяхъ Смоленска **БАБЬЯ ГОРА** съ деревнею того же имени. Всѣ эти горы лежатъ на востокъ отъ города. На Бабьей горѣ, какъ разсказываютъ недавно (лѣтъ 40 назадъ) прекратился старинный ежегодный обычай спусканія съ горы въ день Ивана Купала зажженаго колеса, обметаннаго соломой. Быть можетъ, все это стояло въ связи съ культомъ (или почитаніемъ) солнца въ языческую пору Смоленска.

кладыванія шоссе близъ означенной усадьбы, нашли въ горѣ погребъ, въ которомъ находилось большое количество бѣлыхъ каменныхъ ядеръ разнаго размѣра. Окопы («ретраншементы») слѣдуетъ отнести къ работѣ войска Шеина, а каменныя ядра есть остатокъ запасовъ лагеря царя Алексѣя Михаиловича.

Далѣе, перейдя рѣчку Вязовенку [1]) по старому: Вязовну (вѣроятно, отъ вязовъ, росшихъ по берегамъ ея, какъ рѣчка Ясеная (Есяная) отъ ясени дерева встрѣчавшагося очень часто въ окрестностяхъ Смоленска) мы вступаемъ опять въ **предѣлы города, на правой сторонѣ рѣки.**

Находящаяся здѣсь возвышенность надъ долиною Днѣпра называется **Печерскою горою** (въ польскую эпоху: Печурская гора) — названіе увлекающее фантазію народа въ предположеніе о существованіи здѣсь пещеръ, ведущихъ даже въ Кіевъ. Въ «Отпискѣ» смоленскихъ гражданъ 1609 года въ концѣ сентября въ Москву къ своимъ смольнянамъ упоминается уцѣлѣвшимъ въ одномъ изъ посадовъ **храмъ Печерскій**. Мы не находимъ нигдѣ болѣе умѣстнымъ указать на существованіе названнаго храма, какъ именно гдѣ либо въ этой мѣстности. Внизу, у подошвы горы ,подъ **Еврейскимъ кладбищемъ,** недавно пріютившемся здѣсь въ полугорьѣ, есть остатки прежняго кладбища христіанскаго (въ пространствѣ между проѣзжей изъ города дорогой и желѣзнодорожной линіей). Указанное христіанское кладбище заставляетъ предполагать что при немъ былъ храмъ, который, быть можетъ, и назывался Печерскимъ. Кромѣ того, въ сѣверныхъ предѣлахъ области, въ 7-ми верстахъ отъ Смоленска существовалъ еще **монастырь Печерскій** (теперь село Печерское). Объ немъ въ «Памятной книжкѣ Смоленской губерніи» за 1858 годъ говорится слѣдующее: „Хотя историческихъ свѣдѣній объ этомъ (Смолен. Печерск. мужскомъ) монастырѣ не сохранилось, тѣмъ не менѣе не многіе изъ маститыхъ старожиловъ Смоленска разсказываютъ, что монастырь этотъ запустѣлъ на ихъ памяти, и что архимандритъ его нерѣдко пріѣзжалъ въ Смоленскій Каѳедральный соборъ для служенія" (стр. 116-я). Старая дорога въ этотъ монастырь и въ сѣверные предѣлы Смоленской области, какъ извѣстно шла чрезъ эту гору. Полагать можно, что отъ упомянутыхъ храма и монастыря и гора эта въ Московскій, а можетъ быть, еще въ Литовскій періодъ (во всякомъ случаѣ до Польскаго вла-

---

[1]) См. «Списокъ населен. мѣстъ Смол. г. 1868 г.».

дычества въ Смоленскѣ) получила названіе Печерской. Въ 12 столѣтіи на этой горѣ существовалъ **монастырь Честнаго Креста**, извѣстный изъ «Житія св. Авраміа Смоленскаго». Онъ былъ деревянный. Послѣ долгихъ поисковъ, сообщающій эти строки нашелъ слѣды бывшаго храма этого монастыря у сѣверо-западнаго угла ограды Гуріевскаго православнаго кладбища, возникшаго здѣсь вслѣдствіе указа 1771 года императрицы Екатерины II. Въ монастырскомъ храмѣ какъ показало разслѣдованіе, былъ **мозаическій полъ изъ мелкихъ изразцовъ**; нѣсколько ихъ доставлено въ Смоленскій Истор. музей. Они, какъ нѣкоторые и въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, были сдѣланы изъ черной глины, точнѣе сказать—изъ рѣчного ила, безъ особаго труда добываемаго и подготовлявшагося къ производству; дѣлались они просто: въ формѣ гладкой плитки безъ всякихъ ормаментовъ. И полива этихъ плитокъ носитъ характеръ первичнаго искусства Смоленскаго: хотя они разныхъ цвѣтовъ, но краски ихъ плохія, слабо держатся. Борисоглѣбскія же изразцы изъ черной глины представляютъ улучшеніе производства: въ поливѣ ихъ, тѣми же красками замѣчается уже присутствіе металла. Отсюда выводъ, что Борисоглѣбскія плитки, сравнительно съ экземплярами, найденными въ монастырѣ Честного Креста, есть послѣдующее производство. Далѣе выдѣлка изразцовъ въ Смоленскѣ начала еще болѣе улучшаться: стали работать ихъ изъ болѣе крѣпкаго матеріала—красной глины, притомъ малые и большіе, первоначально—безъ орнаментовъ, потомъ—съ орнаментами рельефомъ. Полива же пошла все съ металломъ, сначала—въ одинъ колеръ на всемъ изразцѣ или кафлѣ, затѣмъ является изразецъ уже въ нѣсколько цвѣтовъ, съ чудными переливами ихъ; наконецъ (приблизительно въ Польскую эпоху), появляются расписные изразцы и кафли съ картинками и т. д. Вообще Смоленскъ отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ означеннаго производства. А въ средѣ его плитки монастыря Честного Креста, какъ самыя раннія, должны занять начальное мѣсто, онѣ суть образецъ издѣлія Смольнянъ до знакомства еще съ греческимъ искусствомъ этого рода.—Мы намѣренно уклонялись въ **исторію изразцовокафельнаго производства** въ Смоленскѣ, ибо это представляетъ совершенно новый сюжетъ.

Продолжимъ теперь сообщеніе о монастырѣ Честного Креста. Монахи его, за отдаленностью рѣки, выкопали себѣ **Монастырскій прудъ**, который существуетъ до нашего времени; водѣ

этого пруда приписывается цѣлебное свойство отъ болѣзни глазъ Когда кончилъ монастырь свое существованіе,—рѣшительно ничего неизвѣстно. Память о немъ воскресили церковію Воздвиженія Честнаго Креста, находящеюся уже подъ горою Печерскою. А на горѣ храмъ свв. Гурія, Самона и Авива (считающихся у смольнянъ покровителями брачной жизни), построенный послѣ Крестовоздвиженскаго (однако уже вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго), рѣшительно ничего не воспроизвелъ для возстановленія памяти о монастырѣ Честного Креста, на владѣніяхъ котораго онъ построился.

За кладбищемъ къ сѣверу, далѣе развалинъ монастырскаго храма, замѣтны окопы Матиссона, военоначальника въ русскомъ войскѣ, которому въ 1634 году предоставлено было охранять эту мѣстность.

По склону Печерской горы къ Днѣпру мѣстность называется **Садки** (отъ садовъ, существовавшихъ здѣсь съ хорошими фруктовыми деревьями, которыя доставлялись даже въ Ригу). Дѣйствительно, мѣстность эта, обращенная на югъ и прикрытыя отъ сѣвера, очень благопріятна для садоводства; но въ нынѣшнемъ столѣтіи, послѣ нѣсколькихъ неблагопріятныхъ зимъ, съ рѣзкими переходами температуры, (отчего погибли здѣсь лучшія деревья) занятіе это заглохло.

Подъ Печерской горой было нѣсколько протоковъ, которые дѣлили жителей на общины, или приходы. Одинъ изъ протоковъ называется **Крупошицъ** или Крупошевъ (говорятъ, что названіе это происходитъ отъ существовавшей на немъ мельницы круподерки). Въ «Отпискѣ» смольнянъ къ своимъ въ Москву 1609 года упоминается въ числѣ церквей, уцѣлѣвшихъ въ посадахъ, **«храмъ святой Екатерины на Крупошевѣ»** [1]). Мы отводимъ мѣсто этому храму здѣсь, а не на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Остатки стѣнъ какого то каменнаго храма были найдены во время прокладки Московско-Брестской жел. дороги на самомъ полотнѣ линіи.

Далѣе по долинѣ Днѣпра къ западу слѣдовалъ **Ильинскій ручей**, получившій свое названіе отъ существовавшаго на немъ **храма св. Пророка Иліи**, которой былъ построенъ въ 1146 году см. княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Онъ стоялъ, кажется, ближе къ Днѣпру, при впаденіи въ него Ильинскаго ручья, или

---

[1]) Акт. истор. II, 174.

рѣчки Ильинки, которая прежде вливалась въ Днѣпръ по прямой линіи. предъ домомъ, принадлежавшимъ Клименкову (Прусу тоже). Въ усадьбѣ Клименкова лѣтъ 30 назадъ нашли старыя надробгныя плиты, металлическій сосудъ и перстень. Ручей Ильинскій (впослѣдствіи стали его называть **Здоровецъ**) отведенъ былъ въ сторону въ 1706 году, во время устройства здѣсь **Кронверка**, или Новой земляной крѣпости, назначавшейся для прикрытія моста въ ожиданіи прихода подъ Смоленскъ Карла XII.

За ручьемъ Ильинскимъ до слѣдующей рѣчки Городеньки, прямо передъ крѣпостію города. возвышается **Покровская гора**, упоминаемая въ историческихъ источникахъ еще подъ 1441 годомъ [2]) и такъ названная отъ храма Покрова Пресвятой Богородицы, находившагося гдѣ-то на ней. Храмъ этотъ существовалъ еще въ 1609 году, ибо въ «Отпискѣ» смольнянъ онъ перечисленъ, какъ уцѣлѣвшій въ то время отъ пожаровъ. Преданіе разсказываетъ, что на горѣ этой 17-мъ столѣтіи до Петра III былъ лѣсъ, и тамъ зарывали нѣкоторыхъ преступниковъ въ землю живыми до самой головы, такъ обреченные на эту казнь и умирали [3]) Какъ бы въ подтвержденіе этого недавно встрѣтили на этой горѣ въ землѣ скелетъ, находившійся въ вертикальномъ положеніи. До 1833 года шламбаумъ, или **Застава** стояла здѣсь внизу, за зданіемъ 3-й полицейской части, а не на горѣ, какъ теперь. Въ 1634 году на Покровскомъ нагорьѣ располагался главный блокхаусъ Матиссона; а внизу, подъ горою на всемъ пространствѣ отъ ручья Ильинскаго до рѣчки Городеньки, какъ видно изъ польскихъ источниковъ, [3]) устроена была какая то стѣна съ тремя особыми сооруженіями: 2 по краямъ и 1 посреди стѣны. Быть можетъ, это были еще остатки стараго огражденія Заднѣпровской стороны города, которое, какъ выше мы видѣли, называлось **Городня**.

Рѣчка **Городенька** (Горондянка) прежде была сильною рѣчкою, ибо на небольшомъ протяженіи ея существовали 3 мельницы одна надъ другою, въ направленіи къ теперешнимъ лагерямъ.

Нагорье между Городенькою и слѣдующею рѣчкою Склянною (или Шкляною) называется теперь **Тихвинскою горою** (отъ Тихвинской

---

[1]) «Хроника о вел. кн. Литовскихъ» 41 стр.

[2]) Такая казнь въ 17 столѣтіи, дѣйствительно, примѣнялась иногда къ провинившимся въ брачныхъ дѣлахъ, при крайней неровности брака по возрасту.

[3]) Планы при «Дневникѣ войны Московской 1633 г.» изъ библіотеки Красинскаго.

кладбищенской церкви, устроенной на ней). А прежде, въ Польскую эпоху (вѣроятно, и раньше) называлась **Лысою горою**, быть можетъ, за отсутствіемъ древесной растительности по срединѣ ея склона. На этой горѣ, за сѣверозападнымъ угломъ Тихвинскаго кладбища, есть особо выдавшійся **холмъ**, который, въ 1634 году служилъ наблюдательнымъ пунктомъ осаждающаго войска, гдѣ расположена была стража; эта стража укрѣпила указанный холмъ валомъ по сторонамъ.

Въ царствованіе имп. Екатерины II за Тихвинскою церковію существовалъ баракъ, или сарай, для мнимоумершихъ; изслѣдованіе совершалъ докторъ посредствомъ зеркала.

Съ именемъ Лысой горы въ Смоленскѣ не соединяется представленія о вѣдьмахъ, какъ напримѣръ въ Кіевѣ; за то есть какая то связь съ **русалками**. Сюда въ **семикъ** на русальной недѣлѣ, послѣ Троицына дня, (только именно на это кладбище) во множествѣ стекается простонародье молиться о дѣтяхъ, умершихъ безъ крещенія, также объ утопленикахъ, удавленикахъ и вообще преждевременно лишившихся жизни. Бывало за кладбищемъ, на вышкѣ горы промышленныя мѣщанки разводятъ костры и пекутъ на сковородахъ для пришедшихъ сюда изъ деревень оладьи и блины. Въ 9-мъ часу вечера или при заходѣ солнца за кладбищемъ, кверху горы, гдѣ отведено было особое мѣсто для погребенія такихъ умершихъ изъ горожанъ, служится общая панихида; всѣ молящіеся стоятъ со свѣчами — Можетъ быть, составится объясненіе этому обычаю, если мы укажемъ на простонародное вѣрованіе, что русалки, т. е. души умершихъ безъ крещенія и погибшихъ безъ покаянія, съ весеннимъ разлитіемъ рѣкъ до Троицына дня живутъ въ водахъ, а съ Троицына дня въ русальную недѣлю живутъ, или «гостятъ» на землѣ. Послѣ молитвы за нихъ въ семикъ, они уходятъ опять въ могилы.—Собирается на это кладбище во множествѣ народъ и въ Радоницу, но не единственно только сюда: въ Радоницу, какъ вездѣ, народъ идетъ на всѣ кладбища «помянуть родителей» и вообще предковъ и родныхъ, напутствованныхъ въ вѣчность церковію.

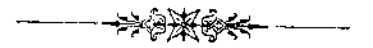
Далѣе до рѣчки Серебрянки тянется **Склянная гора**, по которой направляется путь въ Касплю [1]). Въ 1634 году польское вой-

[1]) На одномъ изъ мысовъ озера Касплинскаго существовалъ съ древнѣйшихъ поръ монастырь святит. Николая, построенный еще Владиміромъ (Мономахомъ).

ско, подъ предводительствомъ короля Владислава, переправившись черезъ Днѣпръ у Ясеной рѣчки, заняло прежде всего, эту гору: надъ Склянной рѣчкой расположились Запорожскіе казаки, а у рѣчки **Серебрянки** (по польски - Сребна) устроилъ свой станъ кн. Христоф. Радзивилъ, и отсюда уже они начали отраженіе осаждающаго войска. Въ 1812 году, при нашествіи Наполеона на Смоленскъ, здѣсь располагалась наша 2-я Армія, подъ предводительствомъ Багратіона. Подъ Скляной горой въ прошедшемъ столѣтіи существовалъ большой канатный заводъ г. Санхо-Ляшевичъ, имѣвшій отдаленныя торговыя сношенія.

Наконецъ внизъ по Днѣпру, на правой сторонѣ его, заслуживаетъ полнаго вниманія интересующихся древностію мѣстность **Гнѣздово**, верстахъ въ 8 отъ Смоленска, куда можно доѣхать по Риго-Орловской желѣзной дорогѣ на станцію: «Гнѣздово». Эта мѣстность издавна принадлежала городу, теперь распродана подъ лѣтнія дачи). Тамъ есть первичные земляные городки, на одномъ изъ нихъ стоялъ костелъ, принадлежавшій Смоленскому бискупу (теперь этотъ городокъ перерѣзанъ желѣзною дорогою). Гнѣздово главнымъ образомъ замѣчательно своимъ обширнымъ могильникомъ, растянувшимся версты на 2 по Днѣпру и въ верхъ берега не менѣе $^1/_2$ версты, съ языческимъ процессомъ погребенія. Нерѣдко пріѣжаютъ сюда ученые для разслѣдованія кургановъ, особенно большихъ, и находятъ въ нимъ много интересныхъ вещей изъ области древней культуры. Долго раскапывалъ ихъ археологъ Вл. Ильич. Сизовъ для Московскаго Историческаго музея. Могилъ всякаго размѣра (нѣкоторыя уже расплылись и сравнялись съ поверхностью почвы) находится такая масса, что кажется, надо было тысячелѣтіе жизни густого населенія, чтобы могло образоваться такое обширное кладбище. При видѣ такого количества кургановъ, нѣкоторые поставляютъ вопросъ: не здѣсь ли было первичное **Гнѣздо** смольнянъ при постепенномъ отвоеваніи ими территоріи у какихъ то другихъ, раньше ихъ бывшихъ обитателей, не славянскаго племени?

Смоленскъ окружаютъ инородныя названія рѣкъ и озеръ, удерживающіяся съ доисторическихъ временъ, напримѣръ: Катынь, Дресна, Хмара, Хмостъ; озера: Каспля, Пенеснаръ и т. д.



СТИХОТВОРЕНІЯ,

составленныя въ честь Смоленской иконы Божіей Матери.

I.

Есть Икона Чудотворная
Надъ Вратами у Днѣпра.
Риза вся на Ней узорная,
Изъ литого серебра;

Жемчугъ, яхонты огнистые
На иконѣ той блестятъ;
И, какъ жаръ, горитъ Пречистыя
Раззолоченный окладъ.

Было время: передъ битвами
Шла побѣдная Она,
За царя за Русь съ молитвами
Вѣрнымъ строемъ несена.

Гордо встрѣтили Могущую
Очи дерзкаго врага,—
И зарыли рать бѣгущую
Неба чуждаго снѣга.

Во Вратахъ достойно чтимая,
Днесь Смоленскъ Она хранитъ:
И лампада негасимая
День и ночь предъ Ней горитъ.

День и ночь мольба усердная
Скорбныхъ къ Ней обращена,
И отраду Милосердая
Щедро всѣмъ даетъ Она.

1853 года *Дм. Пет. Ознобишинъ.*

II.

Надъ Смоленскими Вратами
Храмъ есть древній, вѣковой,
Гдѣ сіяетъ чудесами
Образъ Дѣвы Пресвятой.

Путеводною звѣздою
Свѣтитъ образъ этотъ намъ
И невидимой стезою
Насъ проводитъ по волнамъ.

Эти волны—жизнь земная,
Въ ней, среди грѣховной тьмы,
Въ злыхъ порокахъ прозябая,
Часто тонемъ, гибнемъ мы.

Много милостей свершила
Въ этомъ храмѣ Божья Мать,
Чудесъ много проявила
Чрезъ святую благодать.

Было время. . Повелитель
Полу-свѣта шелъ на насъ
И, какъ страшный злой губитель,
Предрекалъ намъ смертный часъ.

Но среди Россійской рати
Въ блескѣ свѣтлаго вѣнца,
Какъ Царица благодати,
Мать явилася Творца....

И погибъ врагъ дерзновенный
Силой Дѣвы Пресвятой,
И языкъ его надменный
Смолкъ, какъ камень гробовой!

И досель въ молвѣ народной
Этотъ образъ свято чтимъ,
Какъ издревле чудотворный.—
Градъ Смоленскъ гордится Имъ.

1863 года *Евграфъ фонъ-Крузе.*

I.

Обозначеніе введенныхъ въ книгу личныхъ именъ:

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

II.

Обозначеніе предметовъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ этой книгѣ:

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Оглавленіе.

Приложенія:

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАНИЦА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДОВАЛО НАПЕЧАТАТЬ:
4	протокающую	протекающую
10	своеги	своего
13	Смоленская.	. Смоленская
	Мтиславича	Мстиславича.
15	князьяи	князья.
16	иодобной	подобной.
22	Ердзивидъ	Ердзивилъ.
26	Ольгорда	Ольгерда.
28	Мапуцлъ	Мануилъ.
	сообщаю	сообщающаго.
29	Сватославъ	Святославъ.
30	Глѣбквичъ	Глѣбовичъ.
32	ритный колоколъ	ратный.
36	ѣдити	ѣздити.
47	Гер:симъ	Геронимъ.
51	Креeза	Кревза.
	иротоархимандритомъ	протоархимандритомъ.
	въ уважеіе	уваженіе.
54	сосредочиаается	сосредоточивается.
56	Смоленска	.Смоленска.
59	Кахметевъ	Бахметевъ.
59	Ѳедровъ	Ѳедоровъ.
	Пенскійо	Пенскій.
63	Попятовскаго	Понятовскаго.
	обстрѣлиаать	обстрѣливать.
66	Красно-Малашевича	Красно-Милашевича.
70	провіанмейстерами	провіантмейстерами.
90	Бороздна	Борозна.
91	Хронологія град. головъ до 1885	до 1855 г.
105	ровно	равно
110	пасадкѣ	посадкѣ.
113	Черенцовымъ	Черницовымъ.
120	гратота	грамота.
	задостовѣрность	за достовѣрность.
121	Солерно	Солерно
124	Отмѣнимъ	Отмѣтимъ.
126	Пооменникахъ	Подлинникахъ
137	пріемникъ	преемникъ.
150	Смолитовъ руч.	Смолитовъ.
161	Спаскаго	Спасскаго.
164	Верхня то	Верхняго
166	Ольвейскія	Ольвійскія.
169	Гуриловскою	Гуриловкою.
180	надробгныя	надгробныя
181	иолѣдованіе	изслѣдованіе